

РОССИЙСКО-АЗИАТСКИЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2025 • № 4

**Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет**

РОССИЙСКО-АЗИАТСКИЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2025 • №4

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Главный редактор

Аничкин Евгений Сергеевич, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета, доктор юридических наук

Заместители главного редактора

Сорокин Виталий Викторович, профессор кафедры теории и истории государства и права

Алтайского государственного университета, доктор юридических наук

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, профессор кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Евразийского национального университета им. А. Н. Гумилева, доктор юридических наук

Редакционный совет

5.1.1

Шлоппер Дариуш, д. ю. н. (Слупск, Польша)

Стоилов Янаки, д. ю. н. (София, Болгария)

Васильев Антон Александрович, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Анохин Юрий Васильевич, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

5.1.2

Матаева Майгуль Хафизовна, д. ю. н. (Семей, Казахстан)

Мырзалимов Руслан Муратбекович, д. ю. н. (Бишкек, Кыргызстан)

Остапович Игорь Юрьевич, д. ю. н. (Екатеринбург, Россия)

Ким Юрий Владимирович, д. ю. н. (Кемерово, Россия)

Безруков Андрей Викторович, д. ю. н., доцент (Красноярск, Россия)

5.1.3

Золотухин Алексей Валерьевич, д. ю. н. (Душанбе, Таджикистан)

Кузьмина Ирина Дмитриевна, д. ю. н. (Красноярск, Россия)

Лисица Валерий Николаевич, д. ю. н. (Москва, Россия)

Носиров Хуршед Толибович, д. ю. н. (Душанбе, Таджикистан)

Рехтина Ирина Владимировна, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

5.1.4

Детков Алексей Петрович, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Землюков Сергей Валентинович, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Плохова Валентина Ивановна, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Рахимбердин Куат Хажумуханович, д. ю. н. (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Байдельдинов Даulet Laikovich, д. ю. н. (Казань, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна, д. ю. н. (Бишкек, Киргизия)

Андреева Ольга Ивановна, д. ю. н. (Томск, Россия)

Бертовский Лев Владимирович, д. ю. н. (Москва, Россия)

Чечетин Андрей Евгеньевич, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Давыдов Сергей Иванович, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Лебедев Николай Юрьевич, д. ю. н. (Новосибирск, Россия)

Ханов Талгат Ахматзиевич, д. ю. н. (Караганда, Казахстан)

Петухов Евгений Николаевич, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

Тыдыкова Надежда Владимировна, д. ю. н. (Барнаул, Россия)

5.1.5

Борубашов Бекбосун Ишенбекович, д. ю. н. (Бишкек, Кыргызстан)

Лазутин Лев Александрович, д. ю. н. (Екатеринбург, Россия)

Гаврилов Вячеслав Вячеславович, д. ю. н. (Владивосток, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Беседина Е. С. Место Ю. Ф. Самарина в истории политico-правовой мысли.....	5
Довбуши Т.Н., Сексте Я.А. Феномен самозванства в российской истории: историко-правовой аспект	12
Левченков А.И. Особенности патриотического воспитания молодежи в условиях специальной войenneй операции (на примере вузов системы МВД РФ)	17
Титаренко М.В. Правовое мышление Е. В. Васьковского как основа концепции правового суверенитета: к вопросу о преемственности идей в контексте технологических вызовов XXI века.....	24
Фицай Д.А. Формирование самобытного монгольского права в первой половине XX века: на примере законодательства о земледелии, сенокошении, огородничестве	27

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Агибалова Е. Н. Юридическая ответственность за «распространение фейков»: правовая, содержательная и иная оценка	32
Аничкин Е. С. Современная роль конституционного права в укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей Российского общества	42
Ряховская Т.И. Цифровизация как фактор универсализации и развития конституционного права: некоторые вопросы.....	47
Телятицкая Т.В. Современные формы административного принуждения в условиях технологической трансформации государственного управления	53

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зубрик Д.А. Понятийные границы в сфере искусственного интеллекта: правовой анализ и разграничение категорий.....	59
Порохов М.Ю., Кузнецова Е.М. Судейское усмотрение и искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве: границы и правоприменительные перспективы.....	66

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абушахмин А. Ф. Проблемы осуществления судебного контроля в отношении следственных действий с конфиденциальной основой	73
Егорова Э.А. Некоторые проблемные вопросы, связанные с пониманием термина «реабилитация» в уголовном процессе России и в юридической литературе	80
Караева А.А. Особенности процессуально-правового статуса анонимного свидетеля в российском уголовном процессе	85
Сергеева А.А. Личная неприязнь: квазимотив преступления или правоприменительный стереотип?.....	91

Филипенко Т.В. Организационно-правовые проблемы обеспечения кибербезопасности	97
Филиппова Е. О. Противодействие телефонному мошенничеству в Российской Федерации	105

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Богустов А.А. Контроль за разработкой и использованием технологий как элемент технологического суверенитета и право интеллектуальной собственности: сравнительный анализ законодательства Беларуси и России.....	109
Каменская Е. В. Правовое регулирование института присяги органов власти в Российской Федерации и Республике Казахстан	115
Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Искусственный интеллект и организационно-правовая защита технологического суверенитета в России и за рубежом	121
Мисаревич Н.В. Обеспечение технологического суверенитета как одно из направлений государственной политики Республики Беларусь	125
Телятицкий А. В. Административно-правовой механизм как инструмент формирования устойчивой среды для интернет-предпринимательства.....	131

ОБЗОРЫ

Сорокин В. В. Коммуникативность в цивилистике — показатель профессионализма (к юбилею Т.А. Филипповой)	137
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	140
---------------------------------	-----

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ	142
-----------------------------------	-----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340 (47)

ББК 67.1(2)д

МЕСТО Ю.Ф. САМАРИНА В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО- ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

E. S. Беседина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена Юрию Федоровичу Самарину, выдающемуся, но во многом забытому деятелю русской политической и правовой мысли XIX в. Анализируются его политico-правовые взгляды, особое внимание уделяется его пониманию свободы, отношению к западной цивилизации и роли крестьянства в развитии России. Выделены критерии, позволяющие отнести Самарина к славянофилам. Автор подчеркивает, что, несмотря на славянофильские убеждения, Самарин разделял некоторые идеи с западниками, а его концепция свободы отличалась самобытностью. В статье ставится под сомнение советская традиция причисления Самарина к либералам-реформаторам. Проведен подробный анализ существующих авторских позиций относительно места доктрины Ю.Ф. Самарина в политico-правовом спектре как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Статья раскрывает отношение Самарина к реформам, его поддержку общинного самоуправления и земства, а также его неприятие конституционных ограничений монархии. Особое внимание уделяется критике Самариным коммунизма и его подходу к политico-правовым проблемам в социальном контексте. Анализируются различные определения политической позиции Самарина, такие как «революционный консерватор», «свободный консерватизм» и «теоретик социального равновесия». В заключение подчеркивается оригинальность идей Самарина, его стремление к планомерному улучшению государства через вдумчивые реформы, основанные на исконных русских традициях.

Ключевые слова: Ю.Ф. Самарин, консерватизм, славянофильское учение, монархизм, Великие реформы

THE PLACE OF YU. F. SAMARIN'S VIEWS IN THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

E. S. Besedina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is dedicated to Yuri Fedorovich Samarin, an outstanding, but largely forgotten figure of Russian political and legal thought of the 19th century Yu. F. Samarin. The article analyzes his political and legal views, with special attention paid to his understanding of freedom, attitude to Western civilization and the role of the peasantry in the development of Russia. The criteria allowing us to classify Samarin as a Slavophile are highlighted. The author emphasizes that, despite his Slavophile beliefs, Samarin shared some ideas with the Westerners, and his concept of freedom was distinguished by its originality. The article questions the

Soviet tradition of classifying Samarin as a liberal reformer. As part of the study, a detailed analysis of existing authorial positions regarding the place of the doctrine of Yu. F. Samarin in the political and legal spectrum in both domestic and foreign literature is conducted. The article reveals Samarin's attitude to reforms, his support for communal self-government and zemstvo, as well as his rejection of constitutional restrictions on the monarchy. Particular attention is paid to Samarin's criticism of communism and his approach to political and legal problems in a social context. Various definitions of Samarin's political position are analyzed, such as "revolutionary conservative", "free conservatism" and "theorist of social equilibrium". In conclusion, the article emphasizes the originality of Samarin's ideas, his desire for a systematic improvement of the state through thoughtful reforms based on the original Russian traditions.

Keywords: Yu. F. Samarin, conservatism, Slavophile doctrine, monarchism, Great Reforms

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.1)

В истории отечественной правовой мысли было много великих мыслителей, в настоящее время забытых. Среди таких имен можно отметить Юрия Федоровича Самарина. Юрий Федорович Самарин — философ, публицист, общественный деятель, государственный служащий и историк. Когда в 1876 г. Самарин скоропостижно скончался, Ф. М. Достоевский напишет о нем: «Есть люди, заставляющие всех уважать себя, даже не согласных с их убеждениями» [1, с. 307].

Кем был Юрий Самарин? Безусловно, Самарин являлся одним из основоположников славянофильства, хотя и тут могут возникнуть вопросы в силу отдельных положений концепции Самарина. В отечественной литературе сложилась традиция при анализе славянофилов в первую очередь упоминать А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, Самарин же остается в тени своих старших друзей. Его сочинения на протяжении всего советского периода ни разу не издавались. При этом по объему изданных работ, по широте сферы научных интересов и степени участия в общественной жизни он никому не уступает. Можно отметить, что Самарин, в отличие от других славянофилов, имел богатый практический опыт государственной деятельности, на протяжении всей жизни занимал разные государственные должности. Во многом именно поэтому он интересовался общественными проблемами больше других славянофилов, поэтому же проявлял больший интерес к западному развитию. Талант Самарина замечали даже идеиные враги, западник Кавелин написал о Юрии Федоровиче: «Самым разносторонним деятелем из вождей славянофильства был Ю. Ф. Самарин. С глубоким знанием философии, богословской литературы и истории он соединял основательное и близкое знакомство с вопросами финансовыми, экономическими и народного хозяйства. Никто не обладал таким даром полемики. Никто не владел лучше Самарина первом» [2, с. 1157].

Юрий Федорович Самарин знакомится со славянофильским кружком в момент написания магистерской диссертации с 1840 по 1844 г., в этот же период сближается с Константином Аксаковым, дружба с которым протягивается в течение всей жизни, а также у Самарина устанавливаются особо близкие отношения с Алексеем Хомяковым, который становится его наставником. М. Д. Кузьмина находит в этих отношениях признаки взаимоотношений духовного отца и духовного сына [3, с. 296]. В середине 1840-х гг. Самарин окончательно примыкает к славянофилам — течению, которому служить он будет на протяжении всей своей жизни. Помимо участия в кружке, все творчество Самарина пропитано славянофильскими идеями. Самарин, как и все славянофилы, признавал самобытность России, много писал о необходимости освободиться от западного влияния: «Влияние Запада на Россию наконец-то кончилось, и отныне ее развитие будет „вполне самобытно“» [4, с. 52].

Для Самарина, как и для всех славянофилов, православие — единственный путь, способный вывести Россию, а потом и все человечество на путь спасения. Большую роль в своем учении Самарин отводит крестьянству, которое, в отличие от высших сословий, смогло сохранить в себе национальные черты, избежав западного влияния. Именно поэтому большую часть жизни Самарин положил на изучение крестьянского вопроса, непосредственно принимал участие в проведении крестьянской реформы. В своих работах он подчеркивает особую роль общинного устройства и земского управления. «Община ценна и как единица хозяйственная. Она дает разумную и справедливую основу все-

му экономическому быту. Благодаря ей каждый крестьянин получает долю в мирской земле, пропорциональную и его рабочим силам, и его потребностям» [5, с. 91]. Самарин — убежденный сторонник монархической власти, для него в России не может существовать никакой другой формы правления. «Неограниченное самодержавие — „священное наследство нашей истории“» [4, с. 56]. Философ утверждает, что история показывает: какие бы этапы ни проходил тот или иной народ, будь то войны, конфликты, религиозные расколы, — народы неизменно тяготеют к монархическому правлению.

Несмотря на приверженность славянофильству, отдельные положения его политico-правовых взглядов роднят его с западниками, например отношение к свободе. К. С. Аксаков после смерти Самарина напишет: «Да, Самарин был человек едва ли не самый свободный, самый независимый духом в России, несмотря на то, или точнее: именно потому, что он не был и не мог быть революционером, что он был врагом всякого насилиственного посягательства на свободу органического развития» [6, с. 2]. Уже при написании магистерской диссертации, анализируя соотношение церкви и государства, Самарин, абсолютно уверенный в необходимости самодержавия для российского государства, делает акцент на том, что государственная власть должна основываться на признании широкой сферы свобод. Самарин выступает также за свободу слова и печати. Отвечая на критику Александра II позиции Самарина по остзейскому вопросу, он отмечает: «Допуская добросовестную критику, сама Верховная Власть заявляет не только словом, но делом, что нет ее одобрения на действия, хотя бы и прикрытые ее именем, но противные правде и несогласные с общим пользою» [7, с. 7].

Свобода для Самарина является важнейшим условием и в религиозной жизни общества. Он плавномерно отстаивает идею того, что полное слияние церковной и государственной власти ведет к ограничению религиозной свободы отдельной личности. Для иллюстрации этого он приводит пример католической церкви, которая, встав над государственной властью, подчинив ее себе, стала использовать методы принуждения, противоречащие самой природе церкви. Правильная модель взаимоотношения церкви и государства, по мнению Самарина, — «это взаимное признание и полное примирение» [8, с. 174].

При этом свободу личности Самарин понимает довольно самобытно. В споре с Кавелиным «о природе русского юридического быта» он написал: «Вы скажете, что это мериле не должно быть навязано, что личность, признавая в нем свой собственный идеал и подчиняясь ему, совершил акт свободы, а не рабства; так, — и следовательно личности предстоит одно назначение: познать свою родовую норму, свой закон. Но для того, чтобы познать его, она должна признавать его существующим. Ей должно быть всегда присуще хотя темное сознание и закона и своего несовершенства, своей неправоты перед ним; а это сознание несомненно с чувством неограниченного полновластия личности и ее значения как мерила для всего» [9, с. 95]. То есть, по Самарину, свобода отдельной личности — это не безгранична возможность совершать любые действия, не тотальная вседозволенность, а акт осознанной опоры на норму морали / религиозную норму и самоограничения.

И. С. Аксаков также писал о Юрии Федоровиче: «Не отделяя понятие о праве от понятия об обязанности и не будучи либералом в пошлом истасканном смысле этого слова, он работал над созиданием русской гражданской свободы, полагая ей в основу личный подвиг общественного служения, потому что, по его понятиям, свобода зиждется и упрочивается только на нравственной почве» [6, с. 3].

Стоит отметить, что Самарин глубоко уважал западную цивилизацию, не отрицал ее заслуг. Не отрицал он и возможности использования западных достижений, однако утверждал, что знания и сведения, разработанные западной цивилизацией, перед внедрением в русский быт должны быть тщательно изучены и отсортированы на те, какие могут принести пользу русскому обществу, а какие недопустимы к внедрению. «Неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого потому только, что оно чужое, при недостатке своего, при внутренней пустоте не поведет к расширению области знаний» [10, с. 208]. Даже в своем первом научном труде «Письмо к члену Камеры Депутатов г. Могену», утверждая самобытность русской цивилизации, Самарин не отрицает использование достижений западной науки и техники. А. И. Васильчиков, хорошо знавший Самарина, произнес на заседании Петербургского Славянского благотворительного комитета: «Культуру других народов он уважал глубоко, потому что он требовал для России именно того условия, которое создало другие цивилизации, — чтобы она вырастала из корней и семян, а не из культурных черенков, привитых к ди-

ким стволам. Это была его доктрина: он боялся ломки народного быта, преждевременного и легко-мысленного искажения его коренных начал, но в то же время защищал всеми силами те нововведения, которые вносили свет и жизнь в русское общество, хотя бы они и исходили из чужих краев» [11, с. 2].

Вписать учение Самарина в рамки какой-либо классификации политico-правовых течений затруднительно. Можно перебрать целый ряд определений и характеристик и не отыскать соответствующих идеологии Самарина. Консерватизм Самарина не совсем типичный. Однако в литературе предпринимались попытки назвать Самарина либералом-реформатором, которые нам кажутся скорее ошибочными.

«Как русский, желающий посильнее служить моей родине и в мое время, я не принадлежу ни к какой политической партии. Я не революционер и не консерватор, не демократ и не аристократ, не социалист, не коммунист и не конституционалист», — так Самарин писал о своей политической при- надлежности [12, с. 117]. Он также называл себя «неисправимым славянофилом».

Самарин воспринимал славянофилов не как политическую силу, а как особую духовную силу в обществе, действующую независимо от государственной власти. В его понимании славянофильство представляло собой целостное мировоззрение, объединяющее главные устремления его жизни: возрождение духовной составляющей русского народа, естественное развитие общества с опорой на национальные традиции и противостояние разрушительным антидуховным и антинародным тенденциям.

В советский период Юрий Федорович Самарин интересовал авторов прежде всего своим участием в разработке крестьянской реформы, однако его политico-правовая концепция определялась как либеральная. Среди работ, в рамках которых Самарин позиционируется как либерал, можно отметить диссертацию Н. Н. Соловьевой «Либеральное дворянство в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1961 г.» [13, с. 14] и статью Е. А. Дудзинской «Общественная и хозяйственная деятельность славянофила Ю. Ф. Самарина в 40–60-е годы XIX века» [14, с. 313].

И все же, несмотря на отношение Самарина к свободе, его стремление к реформам, роднящее его с либералами, назвать его политico-правовую систему взглядов либеральной никак нельзя.

Самарин пишет: «Русский человек, хотя он и не домогается юридического, формального ограничения верховной власти, может быть, так же ясно сознает ее назначение, ее естественные пределы, как и англичанин, вычитавший все это в своей конституции, ибо кто признает определенное назначение власти, тот полагает тем самым ее пределы» [15, с. 61]. То есть для русского человека куда важнее соответствие власти моральным законам, нежели формальным правовым. Пока существует взаимное доверие между монархом и его подданными, а также соблюдаются моральные принципы обеими сторонами, любые формальные ограничения становятся излишними и даже пагубными. Однако сторонники либеральных взглядов не приемлют такой подход: по их мнению, граждане должны иметь четкое представление о границах государственной власти, закрепленных в соответствующих законах. Народ — носитель власти, и передав власть государству (монарху ли, президенту или парламенту), он остается ее носителем.

Еще одна идея, существенно отличающая концепцию Самарина от идей либерализма, — жесткое отрицание индивидуализма. Христианство, по его мнению, зовет к отречению от своей личности и безусловному ее подчинению целому. Над индивидуальным интересом и правом есть более высокий уровень — община; общинный же строй основан на «акте личной свободы и сознания — самоотречении». Таким образом, преодоление индивидуализма осуществляется в акте свободного самоотречения — изнутри, а не извне. «Общинный строй... основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия» [16, с. 41].

Не свойствен Самарину и особый интерес к отдельной личности, возведение ее в абсолют. Он утверждает, что «на личности, ставящей себя безусловным мерилом всего..., может основываться только искусственная ассоциация ..., но абсолютной нормы, закона, безусловно обязательного для всех и каждого, из личности путем логики вывести нельзя, не выведет его и история» [16, с. 22].

Еще один аргумент против отнесения Юрия Федоровича к либералам: Самарин был противником радикальных реформ, как бы необходимы они ни были. Он считал, что реформа проведена оп-

тимальным образом, если правительство при ее подготовке не переступило пределов практически возможного.

Будучи сторонником общинного самоуправления, «всесословного» земства и народной монархии и самодержавия, Самарин резко отрицал конституционные ограничения власти монарха. Б. Нольде писал: «Юрий Самарин... всю жизнь считал себя земским человеком и был таковым, и в этом смысле был тесно связан с поместным дворянством. Но... он был строг и суров к своему общественному кругу. Он требовал от него принятия точки зрения „улучшения крестьянского быта”, как тогда говорилось, и полного отказа от точки зрения разграничения прав и интересов. Всякое иное течение в поместном дворянстве было для него проявлением ненавистного „барства”, крепостничества. Этот привкус он особенно остро ощущал, встречаясь с теми конституционными течениями, которые начали слагаться в связи с привлечением дворянства к крестьянской реформе. И в этом отношении он сходился с передовыми деятелями того времени. Как и они, дворянскому конституционализму он противопоставлял социальную монархию, и для него не было спора о выборе между ними» [17, с. 119].

Анализируя общие политico-правовые взгляды Самарина, невозможно не упоминать о его отношении к коммунизму. Историческое значение Самарина для развития правовой и политической мысли заключается в том, что он стал одним из первых российских мыслителей, рассматривающих политические вопросы не изолированно, а в тесной взаимосвязи с социальными процессами и явлениями. Рассматривая французскую революцию, он безусловно осуждал «кровавых революционеров», но он и не игнорировал тяготы жизни простого народа, побудившие на восстание. Коммунизм Самарин безусловно не оправдывал, был его противником. Идеи объединения народа, ассоциации, близкие к его проблематике, выражались в уродливой форме коммунизма. Но для Самарина это еще раз подчеркивало необходимость решения существующих проблем.

Хотелось бы отметить довольно интересную позицию Т. И. Скороходовой, определяющую Самарина как «революционного консерватора» [18, с. 45]. Данный термин впервые в оборот ввел сам Самарин, написав одноименную работу. В ней он отрицает необходимость коренных изменений и разрушений общественных и государственных основ, провозглашает потребность обратиться к исконным основаниям. Он подчеркивал важность национальных особенностей и интересов, в русском государстве должна быть русская политика, а не французская или английская.

Политico-правовые идеи Самарина можно поместить также в рамки категории «свободный консерватизм», введенной Владимиром Шульгиным [19, с. 14]. Главными чертами такой идеологии можно назвать приверженность сильной церкви и симфонии властей, незыблемость монархической власти и опоры на русский народ, при этом непринятие предварительной цензуры и провозглашение свободы слова, — все эти идеи можно найти в работах Самарина.

Определяют Самарина и как «теоретика социального равновесия», в 1860-е годы он планомерно отрицал дворянские привилегии в рамках системы местного самоуправления, считал необходимым сближение классов в рамках постоянной современной земской работы. Проект земства, разработанный Самарином, предусматривал равноправные выборы для четырех социальных групп: дворян, духовенства, горожан и крестьян. Однако принцип равенства распространялся не на индивидуумов, а на целые группы. Крестьяне имели право выдвигать своих кандидатов исключительно от имени общины, в то время как дворяне могли это делать только через дворянское собрание. При этом важно было сохранить юридическое равенство между сословиями [20, с. 11].

А. Котов называет Самарина основоположником всего русского модерна, создателем русского направления [21, с. 1].

Иностранные исследователи, в частности Лорен Дэвид Колдер, характеризуют политico-правовую доктрину Самарина как уникальное сочетание монархических и либеральных идей. Такой вывод делается исходя из главной идеи самаринской государственной концепции «народной монархии»: неограниченная личная власть царя в сочетании с местным довольно самостоятельным управлением на уровне общины внизу [22, с. 41].

Г. Хукке при этом подчеркивает принципиальное отличие и самостоятельность идей Самарина от политico-правовых взглядов Аксакова и Хомякова. Его идеи куда ближе к модели европейско-

го просвещенного абсолютизма. Хукке видит в работах Самарина элементы правового государства, при этом параллельно находит его идеи утопическими [23, с. 9].

Таким образом, можно заключить, что политico-правовая концепция Самарина самобытна и оригинальна. В рамках славянофильского кружка Самарин занимает особое место, в отличие от старших товарищей А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, он выводит религиозно-философскую доктрину славянофилов в практическую плоскость. Политico-правовые взгляды Самарина консервативны, наиболее важным элементом их является приверженность самодержавию, недопустимость конституционных ограничений монархии, однако Самарину не чужды идеи религиозной свободы, мысли, земского представительства крестьян и широты полномочий местного самоуправления. Эти отдельные элементы доктрины не свидетельствуют о либеральном характере взглядов Самарина, а говорят лишь о том, что славянофил стремился к планомерному улучшению государства путем вдумчивых реформ. При этом часть предлагаемых изменений реформ была направлена не на появление нового, а на возрождение исконного устройства, существовавшего в Древней Руси. Воззрения Ю. Ф. Самарина стали своего рода переходным этапом от взглядов первых славянофилов к «неославянофилам».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М. : Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
2. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 362.
3. Кузьмина М. Д. Учительство и ученичество в славянофильском общении: переписка А. С. Хомякова с Ю. Ф. Самарином // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 289–297.
4. Самарин Ю. Ф. К члену Камеры Депутатов г. Могену. О двух началах нашей народности, православии и самодержавии // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 49–58.
5. Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его. М. : ЭКСМО, 2003–544 с.
6. Аксаков И. С. Речь о Ю. Ф. Самарине. М. : Лань, 2013. 3 с.
7. Самарин Ю. Ф. Всеподданнейшее письмо к императору Александру Николаевичу I (1867) // Консерватизм: pro et contra; антология. СПб. : РХГА, 2016.
8. Ковалчук С. Н. «Взыскуя истину...»: (из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман: середина XIX в. — середина XX в.). Рига : Институт философии и социологии Латвийского университета, 1998. 246 с.
9. Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. М. : Унив. тип., 1847. 90 с.
10. Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 200–210.
11. А. И. Васильчиков В память Юрия Федоровича Самарина. 19 марта 1876 г. М. : Унив. тип., 1876.
12. Самарин Ю. Ф. Русское Балтийское поморье. Вып. 1. М. : Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1868. 188 с.
13. Соловьева Н. Н. Либеральное дворянство в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. : автореф. ... канд. ист. наук. М., 1951. 14 с.
14. Дудзинская Е. А. Общественная и хозяйственная деятельность славянофила Ю. Ф. Самарина в 40–50-х годах XIX века // Исторические записки. 1884. № 110. С. 312–333.
15. Самарина Ю. Ф. 1840–1876: Ю. Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма. М. : Терра, 1997. 280 с.
16. Самарина Ю. Ф. Сочинения Ю. Ф. Самарина. М., 1877–1911.
17. Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. Paris: Soc. Anonyme Impr. De Navarre, 1926. 240 с.
18. Скороходова С. И. К вопросу о власти и обществе в политической онтологии Ю. Ф. Самарина и славянофилов // Политика и общество. 2020. № 2. С. 30–49.

19. Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века: преемственность и развитие : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2009.
20. Медовичева Т. А. Предисловие // Самарин Ю. Ф. 1840–1876. Статьи. Воспоминания. Письма. М. : ТЕРРА, 1997.
21. Котов А. Э. Самарин — основоположник «русского направления» // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 13–21.
22. Колдер Л. Д. Политические взгляды Юрия Федоровича Самарина 1840–1864. Нью-Йорк, Лондон : Garland, 1987. 351 с.
23. Хукке Г. Юрий Федорович Самарин: его интеллектуально-историческое положение и политическое значение. Мюнхен : Sagner, 1970. 263 с.

УДК 340:94 (47)
ББК 67.1 (2) 4

ФЕНОМЕН САМОЗВАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Т.Н. Довбуш, Я.А. Сексте

*Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия)*

С историко-правовых позиций рассматривается феномен самозванства, который оставил глубокий след в российской истории в XVI–XVIII вв. В рамках научной статьи авторы отмечают, что в рассматриваемый исторический период самозванство не было уникальным российским феноменом. Оно было широко распространено и во многих европейских странах. В то же время авторы выделяют ряд особенностей, характерных для самозванства в России, и отличие данного феномена от самозванства в других странах в изучаемый период.

Ключевые слова: самозванцы, политические процессы, российское государство, легитимизация власти, монархия, общественное сознание, национальная безопасность

THE PHENOMENON OF IMPOSTURE IN RUSSIAN HISTORY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

T.N. Dovbush, Ya.A. Sekste

St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Russian Ministry of Justice) (Saint-Petersburg, Russia)

In this article, the authors examine the phenomenon of imposture, which left a deep mark on Russian history in the 16th-18th centuries, from a historical and legal perspective. In the article, the authors note that imposture was not a unique Russian phenomenon in the historical period under consideration. It was widespread in many European countries. At the same time, the authors highlight a number of features that were characteristic of imposture in Russia and the difference between this phenomenon and imposture in other countries during the period under consideration.

Keywords: impostors, political processes, legitimization of power, the Russian state, monarchy, public consciousness, national security

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.2](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.2)

Развитие российского конституционализма в XXI в. остро поставило проблему легитимизации верховной политической власти. В указанный исторический период достаточно остро стоит вопрос о четкой роли верховной власти в новых социально-экономических условиях и геополитическом противостоянии со странами западного мира.

Именно в данных условиях особенно важна выработка общественного общепринятого механизма взаимодействия между верховной властью и населением страны. Важно обеспечить безусловную легитимность государственной верховной власти внутри страны, особенно в момент ее перехода от одного политического лидера к другому.

В этой связи достаточно важно изучение феномена самозванчества в российской истории как реакция общества на политику верховной власти и кризис легитимности власти в глазах населения.

Исследование феномена самозванчества началось еще в дореволюционный период и было ориентировано на описание биографий и действий самозванцев в российской истории [1, 2].

Ряд российских историков объясняли успех самозванцев прежде всего их индивидуальными качествами, не учитывая социально-экономических и культурных особенностей этого явления.

Советская историография внесла важный вклад в изучение самозванчества, рассматривая его в контексте социальных и экономических кризисов. Особенно убедительно звучит сплачивающая народные массы идея «царя-избавителя» или «казацкого царя», который освобождает угнетенный народ от крепостного гнета и чиновнического беспредела [3, с. 26–27].

Современная российская историография стоит на позициях комплексного исследования этого социального феномена. В связи с этим феномен самозванчества в России активно изучается в историко-правовом, политическом и социально-психологическом аспектах [4–6].

Следует сразу отметить, что самозванчество не было типично российским явлением. Во многих европейских странах достаточно часто возникали ситуации, когда кто-то выдавал себя за другое лицо. Достаточно вспомнить Ламберта Симнела, который выдавал себя за находившегося в заключении графа Уорика, племянника английского короля Эдуарда IV [7].

В российской истории наиболее яркой фигурой стал Григорий Отрепьев (Лжедмитрий I), назвавшийся именем якобы спасшегося от смерти в г. Угличе царевича Дмитрия Иоанновича, младшего сына Ивана IV Грозного.

Несмотря на то, что самым известным самозванцем, побывавшим на русском престоле, был Лжедмитрий I, русская Смута XVII в. породила целую плеяду более мелких «расстриг» и «воров»: Илейко Муромец, назвавший себя вымышленным царевичем Петром Федоровичем, лжецаревич Лаврентий (сын царевича Ивана Ивановича и Елены Шереметевой), Осиновик, лжецаревич Федор, лжецаревич Мартин, Клементий, Семен, Савелий, Василий, Ерошка, Гаврилка и др.

В то же время в России самозванчество проявило себя в качестве антипода центральной власти. При этом, рассматривая феномен российского самозванчества, необходимо учитывать особое отношение российского населения к фигуре царя, которое носило сакральный характер. Православный государь рассматривался помазанником Божиим, чья сила и власть проистекали из божественного про мысла. Особое значение придавалось византийской традиции венчания государя на царство. Власть считалась властью от Бога и сомнению не подвергалась. Сакральность царской власти олицетворяла стабильность и процветание государства.

Соответственно появление самозванцев в России в условиях сильной центральной власти было невозможным. Самозванство в России всегда было ответом на кризис власти, когда правитель в России по каким-либо причинам утрачивал свою легитимность.

В частности, самозванство Лжедмитрия I можно рассматривать как первую успешную попытку свержения законной верховной власти. И данная попытка была связана с острым династическим кризисом, который разразился в России после смерти законного царя Ивана Грозного.

Царствие Бориса Годунова с самого начала воспринималось как не вполне легитимное. Практически сразу после смерти царевича Дмитрия Иоанновича народная молва обвинила в этом действующую верховную власть. Кроме того, первые годы царствования Годунова были омрачены природными катаклизмами и неурожаями, закрепощением населения, начавшимися голодом и бунтами. Все события первых лет царствования Б. Годунова рассматривались как наказание Господне. Помимо всего прочего, голову поднимают боярские кланы, в особенности Шуйские, боковая ветвь рода Рюриковичей, считавшие себя вправе претендовать на верховную власть в стране, почувствовавшие нестабильность положения Годуновых.

Появление Лжедмитрия I, который объявил себя чудесно спасшимся в Угличе царевичем Дмитрием, раскололо элиты и общество. Теперь борьба за поддержку истинного царя приобрела поистине серьезные масштабы. В глазах населения Лжедмитрий I был царем-избавителем от ненавистной тирании «ненастоящего» царя Бориса. Такая борьба приобретает уже сакральный характер.

Большинство российских историков считают Лжедмитрия I ставленником Речи Посполитой, который, по мнению В. Н. Татищева, хотел «похитить царство Московское и православную христианскую веру» [2, с. 23].

В то же время в мае 1605 г. при всеобщем народном ликование Лжедмитрий I был официально утвержден на престоле и коронован в соответствии с действующим для коронования российских ца-

рой церемониалом. Патриарх Игнатий венчал Лжедмитрия I на царство. Тем самым была подтверждена богоизбранность его власти и ее легитимность в глазах населения. В истории России впервые самозванец добивается царского венца.

Падение режима Лжедмитрия I было вызвано неспособностью Лжедмитрия в короткий промежуток времени найти социальную опору в среде московского боярства, необходимостью заигрывать с поляками, пренебрежением к русским православным традициям. Брак с полячкой, католичкой Мариной Мнишкей стала оскорблением православных традиций и вызвал недовольство, которое было быстро использовано врагами Лжедмитрия, в частности князем В.И. Шуйским [5, с. 315].

Долгожданный приход интригана Шуйского также не прояснил ситуацию: борьба за власть разгорелась с новой силой. В русском народном сознании в соответствии с православной традицией существование государства без царя было невозможно. Он являлся отцом и олицетворял саму власть в стране. Но ненастоящий царь являлся еще более страшным испытанием, «расстригой», вором, способным украсть мир, стабильность и благополучие.

Несмотря на некоторые успехи Василия Ивановича Шуйского в деле борьбы с самозванчеством, власть нового царя с точки зрения легитимности оказалась сомнительной. В таких условиях появление новых самозванцев было просто вопросом времени. Слухи о чудесном спасении Лжедмитрия I возникли практически сразу с момента его смерти. Этому во многом способствовало то обстоятельство, что его тело было сильно изувечено перед тем, как было выставлено на всеобщее обозрение.

А значит, слухи о том, что вместо царя был убит другой человек, стали стремительно распространяться среди населения Москвы и других городов. Уже через неделю после убийства Лжедмитрия I в Москве появились «подметные грамоты», которые были написаны якобы спасшимся царем.

К сожалению, в появлении самозванца были заинтересованы многие силы как внутри России, так и за ее пределами. Поэтому уже зимой 1607 г. Лжедмитрий II составил свой первый манифест к Василию Шуйскому. В июне 1607 г. Лжедмитрию II удалось занять ряд российских городов, в том числе Стародуб, Чернигов, Путивль и ряд других. Однако к апрелю 1608 г. Лжедмитрию II удалось существенно продвинуться по направлению к Москве, захватив Тулу, Калугу, Звенигород и разбив ряд отрядов Василия Шуйского.

Фактически в это время в государстве было два царя. Один, Василий Шуйский, фактически был заперт в Москве, а Лжедмитрий II контролировал огромные территории, печатал собственную monetу, формировал свой собственный двор.

По факту в стране произошла политico-духовная катастрофа. Смута вылилась в полномасштабную военную интервенцию со стороны Речи Посполитой. Москва оказалась захвачена польским гарнизоном [8, с. 213].

Несмотря на поражение Лжедмитрия II, вскоре поддержку среди различных социальных групп потерял и В.И. Шуйский. Фактическое отсутствие власти вынудило группу князей и бояр в Москве остановить свой выбор на кандидатуре польского королевича Владислава. Страна оказалась в ситуации безвластия и отсутствия перспектив для скорейшего разрешения этого вопроса. Роль объединителя и нравственного камертона взяла на себя церковь в лице патриарха Гермогена и Дионисия, духовные послания которых долетели до населения городов русского государства. Собранные воедино национальные силы на Земском соборе смогли сделать выборы нового царя из династии Романовых всенародными и легитимными. Сыграла свою роль и близость Романовых к царю Ивану Грозному, чья богоизбранность не подвергалась сомнению.

Фактически до момента смерти российского императора Петра I верховная царская власть была устойчивой, ее сакральное значение признавалось всеми подданными на территории России. С учетом религиозности русского народа до очередного династического кризиса никаких самозванцев, которые могли повлиять на ход русской истории, не появлялось.

В период царствования Петра I среди населения появились слухи о подмене царя в европейском Великом посольстве. Подобные слухи легли на благодатную почву: определенная часть населения и старомосковской знати не могла принять прозападных взглядов Петра I. С точки зрения народа такие преобразования не должны были осуществляться истинным царем. Но наличие самой фигу-

ры царя и та жестокость, с которой недовольство подавлялось, сохранили самодержавное правление в неизменном виде.

Эпоха «дворцовых переворотов» с привлечением гвардии «выбрасывала на поверхность» множество политических фигур. Одним из самых блистательных периодов стало время правления императрицы Екатерины II, которая также пришла к власти с помощью гвардейцев, лишив своего законного мужа и императора Петра III власти и жизни. Слухи о спасении Петра легли на благодатную почву усиления самодержавной власти и закрепощения крестьянства в условиях начавшейся войны с Османской империей. Восстание под предводительством Емельяна Пугачева, назвавшегося спасшимся императором Петром III, стало продолжением борьбы старого и нового, борьбы мужицкого царя-заступника с «нелегитимным правителем» в лице императрицы.

Емельян Пугачев, расширяя свою социальную поддержку, обещал крестьянам освобождение от крепостного гнета, перераспределение земли в пользу крестьян и многое другое. Олицетворение его с царем привлекло на его сторону большое количество сторонников.

Восстание охватило все Поволжье и с трудом было подавлено. В 1775 г. Емельян Пугачев был казнен в Москве, однако в отдаленных регионах Российской империи еще долго ходили слухи о том, что Екатерина II признала в нем законного супруга, помиловала и живет с ним.

Не менее известной самозванкой во времена Екатерины II стала княгиня Елизавета Владимирская, которая выдавала себя за дочь российской императрицы Елизаветы Петровны. В истории она более известна под именем княжны Таракановой. Ее феномен интересен тем, что ее пытались использовать в своих интересах антироссийские силы в европейских государствах. В частности, в 1774 г. княгиня Елизавета Владимирская официально заявила свои претензии на российский престол, и данные претензии были поддержаны рядом представителей Барской конфедерации. Фактически конфедераты стремились ослабить влияние России на Польшу, которая с 1768 г. находилась под российским протекторатом.

Сама княгиня Елизавета Владимирская утверждала, что имеет в Российской Империи многих сторонников, к ним она относила и Емельяна Пугачева, который, с ее слов, стремится возвести ее на престол. Осенью 1774 г. она и виленский воевода Кароль Радзивилл попытались собрать экспедиционный корпус для похода на Польшу, но поражение конфедератов от российских войск и подавление восстания Пугачева не способствовали этому.

Княгиня Елизавета Владимирская пыталась в личном письме убедить турецкого султана в том, что ей будет оказана помощь со стороны Польши и Швеции, однако Кароль Радзивилл, понимая шаткость их положения, не стал отсылать его в Стамбул. Да и мир между Россией и Османской империей не способствовал дальнейшему развитию ситуации вокруг самозванки.

Операция по возвращению Елизаветы Владимирской по приказу императрицы была проведена Алексеем Орловым, который смог соблазнить княжну и, арестовав ее в ходе краткосрочной экскурсии, на флагманском российском корабле «Святой великомученик Исидор» привезти в Петербург.

Арест княгини вызвал возмущение во многих европейских дворах: в частности, тосканский герцог Леопольд потребовал ответа от России из-за нарушения норм международного права, но так и не получил его. Княгиня Елизавета Владимирская скончалась в Петропавловской крепости в декабре 1775 г.

Таким образом, особенностью российского самозванчества является то обстоятельство, что оно наиболее активно проявлялось в периоды династических кризисов, когда падала легитимность государственной власти [9].

В России роль царя всегда была основой государственности, и самозванство могло быть успешно только в период глубоких социальных потрясений. Самозванство в России XVII в. неизбежно основывалось на религиозных представлениях средневекового человека о царе как о сакральной ценности высочайшего значения, уступающей только Богу [10, С. 221–225]. В силу этого различия между самодержцем и подвластным ему народом носили в русском религиозном сознании принципиальный, сущностный характер [5, с. 107].

Нередко самозванцев поддерживали противостоящие России страны, которые стремились ослабить ее влияние.

Экстремальные исторические события, характерные для России конца XVI — начала XVII в. и в последующее столетие, породили такое уникальное явление, как царское самозванчество. Хотя в истории России и в более поздние периоды времени себя проявляли как светские, так и религиозные самозванцы.

Безусловно, самозванцы объективно, в силу обстоятельств выполняли разрушительную роль в Российском государстве. Но нельзя игнорировать их личностные качества, которые придавали их интриге уникальный характер. Так, Лжедмитрий I, человек образованный по тем временам, знакомый с жизнью зарубежья, рассматривался рядом историков как новатор, предтеча Петровских реформ, озвучивший целую программу преобразований в России, в том числе предложения по нормализации отношений российского государства с европейскими странами [4, с. 134–135].

Переломные моменты в истории российского государства порождали авантюристов разных мастей, обладавших сильной харизмой, амбициозностью и корыстолюбием. Эти и другие качества оказывали неизгладимое влияние на широкие массы людей. А отсутствие возможности провести полномасштабное расследование, быстро изобличить «вора», укрывшегося под чужим именем, давало поле для веры, фантазий и слухов. Нередки случаи, когда самозванчество становилось знаменем борьбы с непопулярным политическим лидером, поддерживалось силой определенных групп социальных верхов, стремящихся к переделу власти и собственности. Вера людей в сильного и справедливого царя-заступника, который становится арбитром в решении социальных конфликтов и противоречий, была уникальным явлением в России XVII–XVIII вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М. : АСТ, 2008. 540 с.
2. Татищев В. Н. История Российской : В 7 т. Т. 7. Л. : АН СССР, 1968.
3. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. 339 с.
4. Королев А. А. Самозванство в России в прошлом и настоящем: социокультурный и историко-психологический аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 118–135.
5. Ламакина Г. П. Религиозные аспекты идеологии самозванства на Руси в период Смуты XVII в. // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 105–108.
6. Минеева Т. Г., Романовская В. Б., Цыганов В. И. Феномен самозванства в истории российского государства // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 6. С. 211–213.
7. Успенский Б. Д. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. 429 с.
8. Эйльбарт Н. В. Морально-нравственный аспект поддержки польской шляхты русских самозванцев начала XVII века: по источникам польско-литовского происхождения // Научный диалог. 2017. № 1. С. 204–214.
9. Ужоу Тун. Феномен самозванчества в российской истории // Universum: общественные науки. 2024. № 12.
10. Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002.

УДК 340.114.5
ББК 67.05

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ СИСТЕМЫ МВД РФ)

А. И. Левченков

Луганский филиал Воронежского института МВД РФ (Луганск, Россия)

В статье обращено внимание на важность и необходимость патриотического воспитания молодежи в условиях Специальной военной операции. Обозначены проблемы, существующие в этом направлении жизнедеятельности современного социума, и предложены конкретные пути их решения. Особое внимание уделено патриотическому, духовно-нравственному воспитанию курсантов высших учебных заведений системы МВД РФ, как крайне важному условию и средству формирования у них правильной мировоззренческой позиции, залогу их дальнейшей успешной служебной деятельности.

Ключевые слова: курсанты и слушатели, молодежь, духовно-нравственные ориентиры, патриотическое воспитание, мировоззрение

FEATURES OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION (ON THE EXAMPLE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

A. I. Levchenkov

Lugansk branch Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Lugansk, Russia)

The article draws attention to the importance and necessity of patriotic education of youth in the conditions of the Special Military Operation. The problems existing in this area of life of modern society are identified and specific ways of their solution are proposed. Particular attention is paid to the patriotic, spiritual and moral education of cadets of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, as an extremely important condition and means of forming in them the correct ideological position, the key to their further successful service activity.

Keywords: cadets and students, youth, spiritual and moral guidelines, patriotic education, worldview

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.3)

Главнейшим аспектом формирования человека является его становление как личности, духовно-богатой и гармонично развитой. Обычно считается, что личностью не рождаются — ею становятся. В этом процессе многое зависит от того, как человек посредством своих субъективных способностей учится воспринимать объективную реальность такой, какова она на самом деле.

Личность во многом является продуктом социально-экономического, политического и культурного развития человека в его историческом генезисе. Она непосредственно реализуется путем установления социального статуса индивидуума в той роли, которую он играет в социуме, которая проявляется в его социально значимых действиях, мотивах и устремлениях. Одновременно это не только продукт и объект социума, но и обязательный порядок и его субъект, который своей активной жизненной позицией пытается изменить мир к лучшему.

При этом необходимо постоянно помнить, что любое общество является в конечном итоге (несмотря на определенные отличия) единым целостным социальным организмом, со всеми его составными частями, которые обязательно должны эффективно взаимодействовать между собой. В любой социальной системе появление и возрастание дисбаланса неизбежно приведет к появлению факторов, ограничивающих ее развитие. Система, противостоящая модернизации, разрушает сама себя, и вопрос заключается только во времени и темпах протекания этих процессов.

То есть речь идет о том, что в целях сохранения существующей системы желательна гармонизация и активное взаимодействие людей в малых и больших социальных группах любого социума, как целостного общественного организма. В частности, если исследовать достаточно большую «коммерциализированную» «обществом потребления» социальную группу — молодежь, в которой все ее члены находятся в достаточно комфортном для себя положении, подобраны по принципу возрастного и психологического единства, тем не менее даже тогда мы сталкиваемся с этой же проблемой. В связи с обозначенным выше возникает ряд вопросов, требующих безотлагательных и честных ответов (молодежь не прощает фальши), в частности:

- большинство молодежных групп сегодня формируются под комплексным и массированным воздействием на них средств массовой информации и индивидуального общения;
- какие интересы в молодежных коллективах являются основными, системообразующими?
- какие интересы являются наиболее стабильными, востребованными, длительного и краткосрочного действия? А какие более подвижные и приходящие?
- это интересы преимущественно материального или духовного порядка (возможно их сочетание и в какой мере)?
- какие иные факторы определяют выбор жизненной цели (мировоззренческую позицию) молодых людей и выбор средств ее достижения?
- что более всего влияет на активность или пассивность молодежной аудитории в общественной жизни?
- что можно считать в этих процессах закономерным явлением и что является случайностью, несущественно влияющей на поведенческие реакции молодежных групп?

То есть мы наблюдаем наличие и взаимодействие как микро-, так и макросоциальных факторов, определяющих (прогнозирующих) развитие как общества в целом, так и непосредственно молодежной среды. Такой подход позволяет увидеть и определить наличие важнейших идеологических, социально-экономических и духовных форм существующих социумов, где личность не только существует, но и способна выразить вовне свою индивидуальность. В молодежных группах в силу возрастных и других особенностей их членов более ярко и поступательно проявляются подобные тенденции.

Однако, когда речь идет о малых, средних и достаточно больших социальных группах, в нашем случае — молодежной, или об отдельных ее представителях, то необходимо констатировать, что на них постоянно и достаточно агрессивно воздействует множество иных факторов (например, их потребности, психологический настрой, убеждения, идеальные ориентации, а также все это в своей совокупности). Это часто приводит к наступлению негативных последствий различного уровня и характера, событий, неожидаемых результатов трансформации молодежной среды, которые не поддаются традиционному пониманию закономерностей движения социальной материи. Тем не менее молодежные группы постоянно взаимодействуют в той или иной мере с существующим социумом в рамках отдельных государств или мирового сообщества в целом, в материальной и духовной сферах жизнедеятельности человека.

Битва за умы и сердца молодежи — это сражение за будущее любой страны. И эта битва должна начаться еще в школе. Она должна комплексно реализоваться через кино, телесериалы, вводя нужный нам нарратив, особенно исторического, идеологического и культурного характера. Это самое главное и благодатное время для их закрепления, поскольку это первая информация о событиях, ценностях, мировоззренческих подходах к восприятию окружающей действительности, о стране, о мнимых и настоящих героях прошлого и настоящего, наших врагах и т. п.

По этой же причине первоначально полученные знания и представления наиболее долго хранятся в нашей памяти и легко восстанавливаются и воспроизводятся в определенном контексте. Счи-

тается, что дети запоминают их ради положительных оценок, но в действительности они «загоняют» эту информацию в «подкорку» так надежно, что вывести ее оттуда практически невозможно или для осуществления этой процедуры необходимо длительное время и серьезные усилия тех, кто будет «переформатировать» мировосприятие детей, в том числе на освобожденных территориях. Эти первоначальные знания очень сложно опровергнуть и для этого требуются большие ресурсы и хорошие специалисты, в первую очередь — психологи, правильно «заточенные», патриотически настроенные преподаватели, начиная со школ, институтов и университетов и т. п.

В Украине нужные для террористического государства «манипуляции» тиражируются множество раз средствами массовой информации, целенаправленно и в различных вариациях. Объединяет их вместе одно — беспардонная ложь, прославление «славного и героического» прошлого и настоящего представителей «титульной» нации, разгул оголтелого национализма и торжество человеконенавистнической идеологии. Неонацисты (по сути, цели и методам осуществления государственной власти — фашисты) создали в Украине «однополярное общество», которое, по словам Д. Фауза, «не может и не должно быть фашистским» [1, с. 183].

Такое наступление на неокрепшее сознание украинских школьников приводит к быстрой обработке полученной информации мозгом учащихся. В свою очередь, такое целенаправленное информационное «нападение» на его сознание, по мнению психологов, является для человека, особенно для школьников и студентов, важным основанием, значительным аргументом считать полученные сведения достоверными. К этому следует добавить, что информация преподносится им в наиболее доступной и даже примитивной форме: мифы, речовки, клише и т. п. Все это подается в красочной, запоминающейся «упаковке» — национальной исключительности, ореоле мессианства с элементами магии, исторической реконструкции героического прошлого и т. п.

Из вышеизложенного нам необходимо сделать жесткие выводы о необходимости противопоставить человеконенавистнической, аморальной бандеровской идеологии свое мировоззрение, свои идеологические высокоморальные установки, в основе которых находится любовь к Родине, патриотизм и формирование в молодежной среде готовности защищать свою страну и ее суверенитет от любых поползновений, в том числе и со стороны агрессивного Запада. Но решить эту задачу без наличия в стране готовых к таким действиям различных молодежных социальных групп, патриотических организаций будет достаточно трудно.

Формирование морально совершенной личности всегда было и по-прежнему остается одним из центральных направлений воспитания граждан, представителей различных профессий и различных возрастных групп [2, с. 140]. Джон Фаулз постоянно подчеркивал, что одной из «главнейших интеграционных целей образования — есть воспитание человечности» [1, с. 222]. Вместе с тем в обществе существует ряд профессий, для представителей которых нравственное воспитание имеет особое значение. К их числу относятся и сотрудники правоохранительных органов, и непосредственно работники полиции (курсанты вузов системы МВД России), для которых нормы морали, нравственные убеждения и чувство собственного достоинства являются профессионально необходимыми и значащими. Как показала Специальная военная операция, все, что происходит сегодня в стране, — роль моральной мотивации в поведении и деятельности сотрудников органов внутренних дел должна постоянно возрастать. Морально-нравственное воспитание личного состава МВД России — крайне важное, необходимое условие и средство формирования и активизации правильной мировоззренческой позиции в деятельности правоохранительных органов страны.

Для сотрудников ОВД нравственные качества являются гарантией успешного выполнения ими своих служебных обязанностей. Потому что результативность правоохранительной деятельности зависит не только от наличия знания, умения и опыта сотрудников полиции, но во многом и от их личностных качеств. Моральные качества сотрудников ОВД формировались в процессе развития органов внутренних дел. На каждом этапе становления общества и государства они видоизменялись, совершенствовались и приобретали новые составляющие. Однако уже с первых дней создания и деятельности органов внутренних дел к их личному составу предъявлялись высокие моральные требования.

Перед выпускниками учебных заведений системы МВД России сегодня стоят еще более сложные, чем раньше, задачи по охране общественного порядка в условиях Специальной военной операции

ции, в том числе и на освобожденных прифронтовых территориях. Для выполнения этих задач требуется не только наличие у них необходимых юридических знаний, подтверждающих их компетенцию, но и высокий уровень профессиональной и моральной культуры. Но в условиях военной конфронтации это все должно в обязательном порядке сочетаться с настоящим деятельным патриотизмом, идеологически мотивированной «заточенностью» будущих правоохранителей на нашу Победу.

Решение задач в теории и практике формирования моральных качеств будущих сотрудников ОВД страны, на наш взгляд, тесно связано с необходимостью преодоления основных противоречий внутреннего и внешнего характера, преодолеваемых в ходе воспитательного процесса.

К внешним противоречиям относится и среда, в которой находятся курсанты во время обучения в учебных заведениях МВД России. К таким противоречиям можно отнести следующие: современные требования СВО, общества и государства, предъявляемые к моральному облику сотрудников ОВД в целом, и конкретное состояние, степень устойчивости, сформированность у курсантов морально-политических качеств, которые жизненно необходимы не только для эффективного функционирования системы МВД в «мирное время», но и для решения сложных служебных задач, которые возлагаются на работников полиции в соответствии с запросами Специальной военной операции. При этом часто наблюдается недостаточное понимание организаторами проводимого учебно-воспитательного процесса неизбежности возрастания значения и роли морально-нравственных качеств при подготовке будущего кадрового состава ОВД, как сложной, многофункциональной системы. При отсутствии в отечественной педагогической науке адресных, конкретно-определенных или иных значимых работ, в которых были бы обозначены и раскрыты требования системного подхода относительно особенностей организации и проведения воспитательного процесса в учебных заведениях системы МВД в условиях Специальной военной операции и вооруженного противостояния с коллективным Западом, это сделать будет еще труднее.

Основные внутренние противоречия, которые непосредственно связаны с духовной культурой, мировоззренческими ценностями и убеждениями курсантов, можно сконцентрировать вокруг следующих противоречий: степень заинтересованности будущих сотрудников ОВД в духовно-нравственном развитии и совершенствовании моральных качеств как личности и реально существующие ограничения ее устремлений в ходе практической работы в подразделениях системы МВД; индивидуальные внутренние мировоззренческие позиции курсантов, с которыми они находились в учебных заведениях, и сотрудники линейных подразделений МВД с их общепринятыми установками и требованиями к научно-педагогическому процессу и составу, который пытается организовать учебно-воспитательную работу на одинаковых принципах и подходах; требования нормативных актов МВД России относительно правил поведения курсантов и исполнения ими служебных обязанностей, которые значительно сужают возможности реализации курсантами свободы их морального выбора и их устремлений к духовной свободе, в том числе и свободе вероисповедания¹.

Таким образом, характерными недостатками в формировании высоких моральных качеств будущего сотрудника ОВД являются: недостаточный уровень комплексного планирования морального, нравственного воспитания курсантов; слабый контроль за организацией воспитательного процесса; недостаточная практическая помощь специально введенных в структуру МВД России отделов (отделений) по морально-психологической подготовке курсантов; низкий уровень методической подготовки лиц, непосредственно отвечающих за воспитательный процесс в учебных заведениях системы МВД; бюрократическая заангажированность (форма без достаточного содержания) мероприятий морально-воспитательного характера и их малая результативность; бессистемность и неоправданная избирательность в подборе и осуществлении мероприятий воспитательной направленности; отсутствие четкого анализа (критериев) эффективности проведенных воспитательных мероприятий.

Потребность осуществления радикальных изменений в учебно-воспитательном процессе в системе МВД РФ диктуется необходимостью быстрого формирования высокоморальных, идеологически мотивированных сотрудников ОВД, и эта работа является крайне необходимой и предельно важной в условиях СВО.

¹ Как показала Специальная военная операция, бойцов, не верящих в Бога, на фронте практически не существует ет.

Учебно-воспитательный процесс в учебных заведениях системы МВД России должен быть ориентирован на формирование у курсантов высоких личностных морально-политических качеств, патриотизма, преданности делу, которому они будут служить. Анализ деятельности выпускников ряда высших учебных заведений системы МВД России показал, что здесь также существуют трудности, которые связаны с неумением, а иногда и скрытым нежеланием обучающихся следовать требованиям профессорско-преподавательского состава в плане формирования у курсантов новых необходимых мировоззренческих подходов к своей будущей профессиональной деятельности с учетом опыта проведения Специальной военной операции.

Иногда бывает, что сотрудники полиции не могут создать в собственных коллективах атмосферу взаимоуважения, требовательности, нетерпимости к нарушениям законности и морали, установления психологического контакта между собой с учетом индивидуальных особенностей отдельных сотрудников ОВД и коллектива в целом, а также в общении с гражданами. Преодоление этих трудностей настойчиво требует проведения неотложных мероприятий, направленных на поиск новых подходов к формированию высокоморальных качеств у курсантов учебных заведений МВД России и действующих сотрудников ОВД.

Анализ научно-педагогической литературы и практики полицейского руководства и педагогов по формированию у курсантов необходимых моральных качеств свидетельствует о том, что многие курсовые командиры и ряд преподавателей имеют определенные сложности в этом направлении их деятельности. Выяснилось, что целенаправленно, систематически, успешно занимаются формированием важнейших моральных качеств у курсантов меньшая половина преподавателей и командиров, что объясняется отсутствием у этих лиц педагогического образования и специальных знаний в сфере морально-нравственных отношений индивидов. Особенно это хорошо видно в процессе выполнения своих служебных обязанностей командирами курсантских подразделений.

В связи с этим обращение к проблеме формирования моральных качеств у курсантов предполагает наличие педагогического образования и опыта работы у лиц, ее осуществляющих. И здесь не помогут ни «кавалерийские атаки», ни имитация получения необходимых для этого знаний самостоятельным путем (самообразование), ни обладание существенным «практическим опытом» службы в ОВД России.

В современных условиях патриотически ориентированное обучение и воспитание в рамках профессиональной подготовки будущих работников ОВД должно быть направлено прежде всего на формирование таких личностных качеств, как адекватное восприятие объективной реальности,уважительное отношение к человеку (гражданам), творческая социально-значимая деятельность, чувство собственного достоинства, ответственность, патриотизм, высокая этическая культура, честь «мундира» и т. п. [3, с. 20].

Курсанты (молодые люди) должны верно, в неискаженном виде, воспринимать и ориентироваться в объективной реальности, которая зачастую преподносится им в неадекватном, упрощенном виде, потому что «мы некорректно индицируем прошлое, ошибочно определяем современное и предсказываем будущее» [4, с. 64].

Тем более что эта работа в условиях СВО осуществляется в особых условиях: идет вооруженное противостояние России с коллективным Западом, во многом сохраняется значительное имущественное расслоение среди населения страны, усиливаются террористические и экстремистские проявления внутри страны с привлечением российской молодежи к их осуществлению, не преодолены коррупция и чиновничий бюрократизм. Это все вместе взятое накладывает свой отпечаток на политico-воспитательный процесс в органах внутренних дел в целом и непосредственно в учебных заведениях системы МВД России, на его подходы, формы и методы проведения.

Отсутствие системных исследований по проблеме формирования моральных качеств будущих сотрудников ОВД приводит к тому, что командно-преподавательский состав учебных заведений МВД России руководствуется теоретическими положениями и практическими рекомендациями, разработанными не для курсантов, а для других категорий молодежи. Самостоятельно, на высоком научном уровне их сложно применять к курсантской аудитории, правильно скорректировать и тем самым решать воспитательные задачи, что в принципе невозможно без необходимого научно-педагогическо-

го сопровождения. Преодоление этого недостатка становится еще более очевидным фактом, если обратить внимание на то, что курсантские годы — наиболее благоприятный период для формирования моральных качеств сотрудников ОВД с учетом специфики их будущей профессиональной деятельности. Упущенное на данном этапе их становления очень тяжело компенсировать чем-либо в процессе дальнейшей полицейской службы. Профессионально-этические качества будущих правоохранителей как устойчивые черты сотрудников и их поведения является результатом уяснения и понимания ими собственных мотивов и выработки соответствующих способов активизации их профессиональной деятельности. Сущность внешнего влияния на процесс формирования этих качеств у курсантов должна заключаться в комплексном единстве методов убеждения с включением обучающихся в соответствующие виды их профессиональной деятельности.

Для того чтобы успешно решать задачи, стоящие перед сотрудниками полиции в условиях СВО, курсанты должны быть высокоморальными, идеологически мотивированными, патриотами своей Родины, обладающими необходимыми профессиональными знаниями с этическими качествами, такими как чувство профессионального обязательства, профессиональные чувства справедливости, принципиальности, честности, порядочности, сочувствия и сопереживания. Быть мужественными и иметь установку на соблюдение законности, обладать чувством товарищества, гуманности. Высокие моральные качества сотрудников полиции определенным образом должны мотивировать их социальную и профессиональную деятельность при исполнении служебных обязанностей.

Большинство моральных качеств курсантов имеет прямое отношение к их дальнейшей профессиональной деятельности. Отсутствие их может быть веским основанием для вывода о их непригодности к дальнейшей службе в органах внутренних дел России.

Требования к моральным качествам сотрудников ОВД изложено в ряде законодательных актов, начиная с Присяги и Кодекса чести и заканчивая множеством подзаконных нормативных актов.

Изложенные в них моральные требования к сотрудникам ОВД сводятся к следующему: отношение к человеку как к высшей ценности, уважение и защита его прав и свобод, человеческого достоинства в соответствии с правовыми нормами и общепринятыми принципами морали, понимание значения социальной роли сотрудников правоохранительных органов, ответственности перед обществом и государством, использование сотрудниками органов внутренних дел своих полномочий в соответствии с принципами справедливости, принципиальности, объективности и непредвзятости, честности и неподкупности, старательности, профессиональной солидарности и взаимопомощи.

Однако на современном этапе эти требования (на практике) не подкреплены единым политико-идеологическим и педагогическим механизмом, который бы обеспечивал формирование необходимых моральных качеств, отсутствуют четко обозначенные способы их формирования у курсантов высших учебных заведений МВД России, как будущих сотрудников ОВД. Отсутствуют конкретные, общепринятые критерии формирования и оценивания моральных качеств курсантов и соответствующие диагностические инструменты воспитательного процесса, что часто приводит к нежелательным последствиям: знать и понимать еще не значит действовать в правильном направлении.

Таким образом, в условиях СВО изменения форм и методов функционирования органов внутренних дел страны на одно из первых мест выводят проблему формирования у курсантов учебных заведений МВД России высоких моральных качеств как одного из важнейших показателей их профессиональной культуры и профессиональной пригодности.

Проведенный теоретический анализ проблем формирования моральных качеств курсантов учебных заведений МВД России позволяет выделить следующие психолого-идеологические условия, позволяющие обеспечить для них эффективную организацию процесса формирования необходимых моральных качеств: мотивирующие (создание позитивного мотивационного фона учебно-воспитательной деятельности в ученических заведениях); информационно-методологические (беспрепятственное обеспечение курсантов информацией о нормах морали и роли этических качеств в процессе реализации профессиональных функций в ходе аудиторных занятий и вне их; учебно-воспитательные: определение принципов организации просветительно-воспитательной работы в учебных заведениях (гуманизм, человеко-этическая ориентация, моральный выбор, направленность, рефлексия) и руководства ими в практической деятельности; определение алгоритма совместной учебно-воспитатель-

ной деятельности офицеров и курсантов, что обеспечивает общность целей и способов их достижения, развитие единого этически-смыслового пространства; социально-профессиональное (включение в процесс формирования представителей общественности, религиозных деятелей, опытных специалистов-правоохранителей, ветеранов ОВД, и главное — участников Специальной военной операции, как командиров, так сержантский и рядовой состав, последнее — предпочтительнее, так как речь практически идет о их сверстниках. Реализация этих условий будет продуктивной, если в учебных заведениях удастся создать соответствующую социально-гуманитарную микросреду, которая способна стимулировать интеллектуальную, эмоциональную и духовно-этическую активность курсантов, учитывая современные социально-экономические, политические и культурные реалии, в которых они пребывают, специфику будущей их профессиональной деятельности.

При этом воздействие социально-гуманитарной среды на курсантов должно осуществляться с помощью использования традиционных механизмов (устойчивые знания), воспринимаемых из их ближайшего окружения (семья, друзья, коллеги по службе и т. п.), институционального (общественно-повторяемый опыт, который усваивается с помощью взаимодействия учебно-воспитательной системы учебного заведения с профессиональной средой) и рефлексии (моральной ответственности личности и понимания субъективной принадлежности к определенной социально-профессиональной группе), которые будут эффективно обеспечивать организацию процесса формирования моральных качеств, базирующихся на познании объективной реальности, профессиональной среды и осознания своей роли и места в обществе в целом и в процессе будущей деятельности в правоохранительных органах России, МВД — в частности.

Но самая главная мысль, которую хочется донести в этой статье аудитории, — это то, что формирование высокой моральности у курсантов высших учебных заведений МВД России не является самоцелью, это только средство для достижения более высоких целей, мораль ради морали: это слишком просто — это будет только форма без содержания, работа без достижения качественного конечного результата. А главная цель сегодня у всех одна — Победа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фаулз Дж. Аристос. М. : ACT, 2008. 352 с.
2. Мирошниченко Д. В. Проблема формирования морально-духовных качеств у студентов высших учебных заведений // Гуманитарный вестник. 2017. № 3–2. С. 134–142.
3. Коновалов В. Б., Зенкевич М. Ю., Новиков Р. С. [и др.] Исторический опыт формирования типа личности российского офицера: военно-исторический труд. СПб. : Р-КОПИ, 2020. 158 с.
4. Крічлі Саймон. Вступ до континентальної філософії / Пер. з англ. Вадима Менжуліна. Київ : ТОВ «Стілос», 2008. 152 с.

УДК 342.1
ББК 67.022

ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ Е. В. ВАСЬКОВСКОГО КАК ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕЙ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

М. В. Титаренко

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Алтайский филиал (Барнаул, Россия)*

Цифровая трансформация, охватывающая все сферы общественной жизни, требует не только технологических решений, но и глубокого правового осмысливания. Одной из ключевых категорий, получивших особую значимость в современных условиях, стал технологический суверенитет. В статье предпринимается попытка теоретического анализа этого понятия через призму правовой концепции дореволюционного юриста Е. В. Васьковского. Исследование показывает, что идеи Васьковского о системности, автономии и ценностной обусловленности права могут служить интеллектуальной основой для формирования современной правовой политики в условиях цифровизации. Особое внимание уделяется его критике безусловного заимствования зарубежных правовых моделей и акценту на необходимости развития национальной правовой школы. Анализируются примеры правового регулирования в сфере высоких технологий, в том числе отечественные инициативы по созданию цифровых платформ и операционных систем, которые сталкиваются с трудностями правового характера. Делается вывод о том, что обеспечение технологического суверенитета невозможно без соответствующего правового суверенитета — способности государства формировать нормативную базу, отражающую исторические, культурные и социальные особенности. В этом контексте правовые идеи Васьковского обретают актуальность как методологическая основа для выработки национально ориентированной правовой доктрины цифровой эпохи.

Ключевые слова: Е. В. Васьковский, технологический суверенитет, национальная правовая модель, заимствование норм, правовая теория

E. V. VASKOVSKY'S LEGAL THINKING AS THE BASIS OF THE CONCEPT OF LEGAL SOVEREIGNTY: ON THE ISSUE OF CONTINUITY OF IDEAS IN THE CONTEXT OF THE TECHNOLOGICAL CHALLENGES OF THE 21ST CENTURY

M. V. Titarenko

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai Branch
(Barnaul, Russia)*

Digital transformation, which covers all spheres of public life, requires not only technological solutions, but also a deep legal understanding. Technological sovereignty has become one of the key categories that has gained special importance in modern conditions. The article attempts a theoretical analysis of this concept through the prism of the legal concept of the pre-revolutionary civilian E. V. Vaskovsky. The study shows that Vaskovsky's ideas about the consistency, autonomy and value conditionality of law can serve as an intellectual basis for the formation of modern legal policy in the context of digitalization. Special attention is paid to his criticism of the unconditional borrowing of foreign legal models and the emphasis on the need to develop

a national law school. The article analyzes examples of legal regulation in the field of high technologies, including domestic initiatives to create digital platforms and operating systems that face legal difficulties. It is concluded that ensuring technological sovereignty is impossible without appropriate legal sovereignty — the ability of the state to form a regulatory framework reflecting historical, cultural and social characteristics. In this context, Vaskovsky's legal ideas are becoming relevant as a methodological basis for developing a nationally oriented legal doctrine of the digital age.

Keywords: E.V. Vaskovsky, technological sovereignty, national legal model, borrowing of norms, legal theory

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.4](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.4)

Лифровая трансформация в России сопровождается необходимостью не только технологического развития, но и формирования устойчивых правовых основ. Категория «технологический суверенитет», ставшая особенно актуальной в последние годы, требует серьезного правового и теоретического осмыслиения. Обращение к правовой мысли дореволюционного периода позволяет найти ответы на актуальные вопросы государственного и правового развития.

Особое место в формировании российской правовой школы принадлежит Евгению Владимировичу Васьковскому (1866–1909) — одному из наиболее ярких представителей цивилистики, чьи труды отличаются философской глубиной и структурной целостностью. Его концепция права, построенная на идее системности и самостоятельности права, приоритете правового порядка, может быть переосмыслена в свете современных вызовов, в том числе в контексте технологической зависимости и цифрового суверенитета.

Васьковский подчеркивал, что право — это логически стройная система, отражающая стремление общества к справедливости и порядку. Он развивал концепцию автономии права от политических и внешних влияний [1, с. 112]. Такой подход предполагает, что государство должно само вырабатывать правовые нормы, соответствующие его историческим, культурным и социальным особенностям.

Правовед считал важным развитие независимой юридической науки и предостерегал от копирования зарубежных моделей без учета национального контекста [2, с. 78]. Это особенно актуально сегодня, когда технологическая зависимость может ослабить и правовую самостоятельность.

Хотя Васьковский напрямую не формулировал понятие «суверенитет» в современном его понимании, его идеи позволяют трактовать это понятие шире — как способность государства создавать устойчивый, внутренне согласованный правовой порядок, основанный на интересах общества [3, с. 64].

Таким образом, правовой суверенитет в его философии — это не столько политическая независимость, сколько способность государства быть не просто носителем власти, а гарантом справедливого баланса между интересами личности и общества. Это положение становится особенно значимым в контексте цифрового и технологического развития, когда новые формы зависимости (от программных платформ, иностранных стандартов, транснациональных корпораций (крупное коммерческое предприятие, которое занимается производством и реализацией товаров или услуг в нескольких странах)) угрожают не только технологической, но и правовой независимости государств.

Технологический суверенитет предполагает возможность государства самостоятельно разрабатывать, внедрять и защищать критически важные технологии, цифровую инфраструктуру и нормы, регулирующие их использование. Однако, как справедливо отмечают современные исследователи, технологическая независимость невозможна без опоры на собственную правовую базу, независимую от внешнего давления.

Е. В. Васьковский, рассматривая право как органическую систему, исходил из убеждения, что правопорядок должен быть внутренне непротиворечивым и соответствовать нациальному духу. Его особое внимание к самостоятельности отечественной правовой науки выражалось, в частности, в критике формального копирования зарубежных правовых моделей. Он подчеркивал, что «право не может быть заимствовано извне без ущерба для своей внутренней гармонии» [1, с. 45].

Эта идея прямо перекликается с современными представлениями о правовом и технологическом суверенитете. Васьковский утверждал, что развитие юридической науки должно быть направлено на выражение общественного интереса и реализацию внутренней правовой воли народа, а не на подражание иностранным образцам [1, с. 103–104]. Он считал необходимым опираться на исторический опыт и правовое самосознание нации как основу для построения устойчивой правовой системы.

Он подчеркивает, что «право чужое, даже хорошо устроенное, есть в наших условиях правовой паралич» [1, с. 88]. Таким образом, он прямо указывает на недопустимость механического заимствования правовых институтов, не прошедших адаптации к национальной традиции.

Современные примеры — такие как разработка российской ОС «Астра Линукс» или белорусской «НЦП — национальная цифровая платформа» — показывают, что без соответствующей нормативной базы такие инициативы сталкиваются с ограничениями. Например, Астра Линукс не всегда совместима с популярными зарубежными программами, ее внедрение требует специально обученных специалистов, а часть функций доступна только за отдельную плату. Также она пока мало используется в гражданской среде. Кроме того, законодательство пока не в полной мере стимулирует использование отечественного ПО в частном секторе.

В то же время попытки заимствовать иностранные стандарты (например, GDPR) без учета национальной специфики также вызывают трудности. Это еще раз подтверждает правоту Васьковского: право должно не только регулировать технологии, но и формировать для них надежную защитную основу как элемент государственной независимости. Отсюда возникает задача разработки таких правовых норм, которые не только обеспечат технологическую безопасность, но и отразят национальные ценности, что полностью соответствует методологическим ориентирам Васьковского.

Правовые идеи Васьковского помогают выстроить целостную модель нормативного регулирования в цифровую эпоху. Он подчеркивал важность правового воспитания, уважения к собственной юридической культуре и постепенного развития норм на основе исторического опыта.

Создание национальной правовой модели требует не просто адаптации зарубежных норм, а формирования самостоятельной правовой философии, в центре которой — общественный интерес и культурная идентичность. В этом смысле идеи Васьковского можно использовать как основу при формировании подходов к регулированию высоких технологий, защиты данных, искусственно-го интеллекта и других сфер.

Идеи Е. В. Васьковского о правопорядке, самостоятельности правовой системы и общественном интересе представляют собой ценнейшее наследие, способное стать теоретическим фундаментом для осмыслиения современных вызовов, в том числе в области технологического суверенитета. Историко-правовой анализ позволяет не только выявить внутреннюю преемственность правовой мысли, но и предложить актуальные подходы к формированию правовой политики в условиях цифровой трансформации [4, 5].

Таким образом, обращение к правовому мышлению Васьковского открывает перспективу разработки национально ориентированной правовой доктрины, основанной на идеях устойчивости, автономии и внутренней логики права — тех самых основах, которые необходимы для подлинного суверенитета в XXI в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васьковский Е. В. Введение в науку гражданского права. М. : Типография И. Н. Кушнерев и К°, 1900.
2. Пилипенко А. Ю. Теория права в трудах Е. В. Васьковского // Вестник МГЮА. 2015. № 6. С. 75–81.
3. Козлихин И. Ю. Русская правовая мысль конца XIX — начала XX века. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
4. Чернышев С. Ю. Правовое обеспечение технологического суверенитета России: вызовы и перспективы // Государство и право. 2023. № 4. С. 12–19.
5. Крашенинников П. Ю. Суверенитет в эпоху цифровой трансформации // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 32–40.

УДК 340(5)
ББК 67.3(5)6

ФОРМИРОВАНИЕ САМОБЫТНОГО МОНГОЛЬСКОГО ПРАВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗЕМЛЕДЕЛИИ, СЕНОКОШЕНИИ, ОГОРОДНИЧЕСТВЕ²

Д. А. Фицай

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Импульсом к трансформации монгольского законодательства послужило образование в 1924 г. Монгольской Народной Республики. Проведение аграрных реформ, национализации земель, перевод аратов на оседлый образ жизни стали следствием аграрно-социалистической модели развития монгольского государства в первой половине XX в.

В настоящей работе отмечено, что в научной литературе не уделяется достаточного внимания положениям Закона Монгольской Народной Республики «О сенокошении, земледелии и огородничестве» от 9 декабря 1933 г., в результате чего в работе проводится анализ положений указанного нормативного правового акта.

Цель научного исследования состоит в определении степени самобытности монгольского законодательства (на примере норм, регулирующих земледелие, сенокошение и огородничество) в первой половине XX в.

По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу, что особый путь развития монгольского права в первой половине XX в. обусловлен признанием независимости Монгольской Народной Республики, проведением ряда реформ и переходом монгольского государства к аграрно-социалистической модели развития, сохранив при этом свою самобытность в условиях сочетания традиционного уклада с социалистическими принципами.

Ключевые слова: самобытность монгольского права, землепользование, сенокошение, огородничество, Монгольская Народная Республика

THE FORMATION OF A DISTINCTIVE MONGOLIAN LAW IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: CASE STUDY OF LEGISLATION ON AGRICULTURE, HAYMAKING, AND VEGETARIAN GARDENING

D. A. Fitsay

Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia)

The impetus for the transformation of Mongolian legislation came with the formation of the Mongolian People's Republic in 1924. Agrarian reforms, land nationalization, and the sedentary lifestyle of the Arats were consequences of the agrarian-socialist model of development of the Mongolian state in the first half of the 20th century.

This paper notes that the scientific literature does not pay sufficient attention to the provisions of the Law of the Mongolian People's Republic "On Haymaking, Agriculture and Gardening" dated December 9, 1933. As a result, the paper analyzes the provisions of this regulatory legal act.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в. URL: <https://rscf.ru/project/22-68-00054>.

The purpose of this scientific study is to determine the degree of originality of Mongolian legislation (using the example of the norms governing agriculture, haymaking and gardening) in the first half of the 20th century.

Based on the results of the study, the author concludes that the special path of development of Mongolian law in the first half of the 20th century is due to the recognition of the independence of the Mongolian People's Republic, the implementation of a number of reforms and the transition of the Mongolian state to an agrarian-socialist model of development, while maintaining its originality in the context of a combination of traditional way of life with socialist principles.

Key words: originality of Mongolian law, land use, haymaking, gardening, Mongolian People's Republic

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.5](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.5)

Провозглашение независимости Внешней Монголии и образование 26 ноября 1924 г. Монгольской Народной Республики стало драйвером для формирования самобытного монгольского права.

Регулирование отдельных видов общественных отношений в период существования Внешней Монголии основывалось на обычном праве. Процесс осуществления природопользования, равно как и землепользования осуществлялся преимущественно на основе традиционных норм, которые в первой половине XX в. при Монгольской Народной Республике стали трансформироваться в условия социалистической направленности государства путем принятия светских законов с сохранением специфики традиций монгольского общества.

В первой Конституции Монгольской Народной Республики 1924 г. в п. «а» ст. 3 было закреплено, что вся земля и ее недра, леса, воды, их богатства в пределах территории Монгольской Народной Республики, согласно существующему обычному бытовому порядку Монголии, являются общенародным достоянием, находящимся в распоряжении народа. Из положений основного закона следовало, что частная собственность на природные богатства не допускалась [1].

Еще до принятия Конституции Монгольской Народной Республики все земли были объявлены государственной собственностью. Поводом к процессу национализации послужила национально-демократическая революция 1921 г. [2, с. 32].

В 1922 г. стали создаваться первые государственные хозяйства в долинах рек Хараа и Буйант [3, с. 126], что усилило необходимость перехода к оседлому образу жизни, поскольку именно в районах нахождения водных объектов осуществлялась поддержка оседлого земледелия.

Направление развития монгольского законодательства обусловило создание правовой базы для государственного управления сельским хозяйством. В целом национализация скота и пастбищ противоречила традиционному кочевому укладу, но отражала дух коллективизации. При этом земли могли быть предоставлены крестьянам и аратам (кочевым общинам), за которыми частично сохранилась возможность осуществления контроля над пастбищами.

В дореволюционный период существующее кочевое скотоводство обосновывало земельную собственность феодалов как фундамент производственных отношений в монгольском обществе [4 с. 35]. Составляющие традиционного кочевого уклада отражали специфику монгольского общества, в котором земля признавалась общим ресурсом, а ее использование регулировалось исключительно на основе сложившихся норм.

Необходимость сплочения монголов и укрепление национальной независимости страны [5, с. 36] привело Монгольскую Народную Республику к созданию социалистического государства, что также потребовало процесса инкорпорирования норм советского права, но с сохранением элементов общинного права, т. е. монгольской специфики.

Постепенное заимствование норм советского законодательства обусловило проведение в Монгольской Народной Республике коллективизации (но с сохранением норм общинного права), оказавшей влияние на состояние земельного законодательства.

Араты (кочевые общины) были постепенно, но вынужденно переведены на оседлый образ жизни, что впоследствии привело к созданию коллективных хозяйств, которым земли предоставлялись в качестве наделов.

В условиях сохранения общинных традиций земли перешли под управление местных советов, араты (кочевники), как уже было отмечено, получали землю (без права продажи и наследования) в бесплатное пользование, в границах которых допускалось временное сохранение общинных форм управления пастбищами, в том числе используемыми для сенокошения.

В первой половине XX в. в Монгольской Народной Республике, государстве с аграрно-социалистической моделью развития, в разгар проведения аграрных реформ принимается Закон Монгольской Народной Республики «О сенокошении, земледелии и огородничестве» от 9 декабря 1933 года [5] (далее — Закон о земледелии).

В научной литературе, посвященной изучению трансформации как монгольского общества, так и монгольского законодательства в период 1920–1940-х гг., не уделяется достаточного внимания Закону о земледелии, который не только регламентировал основания и условия землепользования, но и предоставлял возможность приобретения земель иностранными гражданами.

С учетом курса, взятого Монгольской Народной Республикой на советизацию, став аграрно-социалистическим государством, особый интерес в контексте проводимого исследования представляется Закон о земледелии, опубликованный на монгольском, китайском и русском языках.

Закон о земледелии состоял из девяти разделов (Общие положения; О земледелии и огородничестве граждан Монгольской Народной Республики; О сенокошении граждан Монгольской Народной Республики; О сенокошении, земледелии и огородничестве государственных и кооперативных учреждений, предприятий и организаций; О земледелии, огородничестве и сенокошении иностранцев; О порядке отвода земель для сенокошения, под посевы и огорода; Об охране земледельческих, огородных и сенокосных участков от потрав и повреждений; О порядке разрешения земельных споров; Заключительная часть), образующих 43 статьи.

Закон о земледелии выделял два правовых основания для использования монгольских земель: право постоянного пользования и право аренды. Причем право постоянного пользования предоставлялось всем гражданам Монгольской Народной Республики безотносительно национальности, то есть и аратам, и низшим ламам, а также государственным и кооперативным учреждениям, предприятиям и организациям. В свою очередь, иностранцам, точнее иностранным гражданам, могло быть предоставлено исключительно право аренды.

Для получения правового основания использования земли на условиях постоянного пользования и аренды заинтересованные лица должны были сделать заявление (как в устной, так и в письменной форме) в баговые дарги (органы местной власти низшего уровня), сомонные управление (органы местной власти среднего уровня), аймачные ямыны (органы местной власти высшего уровня), которые могли рассматривать поступающие заявления в месячный срок (ст. 27 Закона о земледелии).

Правовое основание использования земли — возможность осуществлять сенокошение, заниматься посевами и огородничеством. Однако ст. 5 Закона о земледелии было предусмотрено нормативное положение, согласно которому, если лицо в течение 2 лет не осваивает отведенную ему землю или использует ее не полностью, то оно лишается права на отведенные земли в той части, которая им не обрабатывается. Исключением могли быть только стихийные бедствия, привлечения граждан на военную, государственную, общественную службу или иные уважительные причины.

Для арата земля отводились по месту его жительства, для государственных и кооперативных предприятий — вблизи их производственной деятельности.

Свободные или не используемые аратскими хозяйствами пахотные и огородные земли распределялись баговыми даргами и сомонными управлениями между гражданами, желающими заниматься земледелием или огородничеством.

Право пользования землей гражданами Монгольской Народной Республики не облагалось платой, однако доходы с процесса землепользования облагались налогом со скотоводческих хозяйств, за исключением первых нескольких лет обработки земли.

Граждане Монгольской Народной Республики также могли получать сенокосные участки, при чем не облагаемые налогом, в потребном количестве в постоянное пользование, которые запрещено было передавать в аренду другим лицам (ст. 6 Закона о земледелии).

В свою очередь, государственные и кооперативные учреждения, предприятия, организации имели право получить как земельные (для земледелия и огородничества), так и сенокосные участки без права передачи их в аренду другим учреждениям или частным лицам и заниматься хозяйственной деятельностью в границах предоставленных территорий. За пользование землей с них взимался ежегодный сбор, поступающий в особый фонд Министерства скотоводства и земледелия [6] (далее — Министерство). Освобождались от уплаты указанного сбора только те учреждения и предприятия, которые находились на государственном бюджете.

Отведение земель осуществлялось по решению Министерства или аймачными ямынами с разрешения Министерства (ст. 11 Закона о земледелии).

После распределения земель между гражданами Монгольской Народной Республики и государственными, кооперативными учреждениями, предприятиями и организациями все оставшиеся свободными и пригодными для земледелия, огородничества и сенокошения земли могли быть сданы в аренду иностранным гражданам при условии отсутствия возражений со стороны местных органов власти.

Срок такой аренды пахотных, огородных и сенокосных земель составлял, как правило, от 1 до 5 лет с правом продления договора аренды на 3 года при условии, если арендатор проведет оросительные канавы или произведет капитальный ремонт существующих оросительных каналов (ст. 14 Закона о земледелии).

Право получения аренды как правового основания иностранцам для использования пахотных, огородных или сенокосных земель могло быть реализовано при условии подачи интересантом заявки. Однако если на одну и ту же землю поступало несколько заявлений, организовывались торги, победителем которых признавался тот иностранный гражданин, который предложил наиболее высокую арендную плату (ст. 21 Закона о земледелии).

Арендная плата, взимаемая в доход местных бюджетов, устанавливалась в зависимости от вида предоставленной земли. Так, например, пахотные и огородные земли делились на три пояса (1 — Центрального и Селенгинского аймаков; 2 — Кобдоского и Убсанурского аймаков; 3 — земли всех остальных аймаков). Самыми дорогими были огородные земли 1-го пояса, ежегодная арендная плата за 1 урэ которой составляла 2 тугрика, самыми дешевыми — пахотные земли 3-го пояса — за 1 урэ земли 50 мунгу, то есть 0,5 тугрика. Внесение ежегодной арендной платы было в срок до 1 апреля (50%), а также до 1 октября (50%).

В течение первых лет иностранцы могли получить скидку в размере 50% арендной платы при условии проведения оросительных каналов или за вновь осваиваемые (т. е. не бывшие когда-либо в обработке) под пашни и огорода земли.

Сенокосные земли делились на два разряда: приречные и пади с хорошим травостоем, а также степные. Разряды сенокосным землям присваивались сомонными управлениями с учетом местных особенностей и условий.

Субаренда предоставленных иностранным гражданам пахотных, огородных и сенокосных земель не допускалась.

В случае нарушения правил пользования предоставленными пахотными, огородными и сенокосными землями правонарушители могли быть привлечены к мерам как административной, так и судебной ответственности (ст. 23 Закона о земледелии). К числу правонарушений относились факты нарушения не только положений договора аренды, но и условий использования земель, равно как и самовольное пользование землями, например для пастьбы, в отсутствие к тому правовых оснований. Разрешение земельных споров осуществлялось в семидневный срок при обращении в баговые дарги, сомонные управление, айматные ямыны и Министерство скотоводства и земледелия.

Детальный анализ положений Закона о земледелии позволяет сделать несколько результирующих выводов.

Во-первых, переход монгольского государства к аграрно-социалистической модели развития в первой половине XX в. обусловил процесс реформирования прежде всего земельного законодательства.

Во-вторых, Законом о земледелии предоставлены права пользования землей, в том числе для сенокошения, огородничества, иностранным гражданам наряду с гражданами Монгольской Народной Республики и государственными, кооперативными учреждениями, предприятиями и организациями.

В-третьих, Закон о земледелии укрепил оседлый образ жизни аратов, предоставив широкий объем прав в сфере земледелия, сенокошения, огородничества.

Таким образом, подводя краткий итог проведенному исследованию, следует сделать вывод, что особый путь развития монгольского права в первой половине XX в. обусловлен признанием независимости Монгольской Народной Республики, проведением ряда реформ и переходом монгольского государства к аграрно-социалистической модели развития, с сохранением при этом своей самобытности в условиях сочетания традиционного уклада с социалистическими принципами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Монгольской Народной Республики от 26.11.1924 (принята на I Великом Хуралдане). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=549>
2. Даш-Эндон Б. Философско-историческое обозрение монголо-российских отношений первой четверти XX века. Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. Улан-Батор ; Иркутск : Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2013. С. 32.
3. Даваажав Баяртготх. Развитие земледелия Монголии в XX в // Известия АлтГУ. 2017. № 5. С. 126.
4. Куфтарева В. В. Народная Революция как феномен социальной трансформации монгольского общества // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 1. С. 35.
5. О сенокошении, земледелии и огородничестве: Закон Монгольской Народной Республики от 09.12.1933 (принят Советом Министров 10.11.1933 и Президиумом Малого хурала 24.11.1933, опубликован в газете «Народное право», № 85 от 09.12.1933).
6. О Министерстве скотоводства и земледелия: Положение от 18.04.1933 (утверждено Советом министров и Президиумом Малого хурала).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 347.51
ББК 67.072

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА «РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФЕЙКОВ»: ПРАВОВАЯ, СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ И ИНАЯ ОЦЕНКА

E. N. Агибалова

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС (Волгоград, Россия)

Анализируются и оцениваются нормы о юридической ответственности (преимущественно уголовной) за распространение заведомо ложной информации под видом достоверной, нередко имеющиеся ответственностью за «распространение фейков», за «фейковые преступления», под которой, в свою очередь, иногда понимают и ответственность за действия по дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации. По мнению автора, несмотря на то что в последние годы слово «фейк» вошло в практику русского языка, интеграция этого понятия в юридическую сферу может представлять деструктивные последствия для правовой системы. Выражения «распространение фейков», «фейковые преступления», как и само слово «фейк» (новояз), являются ничем иным, как жаргонизмами, которые были некритично восприняты отечественным юридическим сообществом, а потому должны быть исключены из официально-делового и научного дискурса, учитывая наличие возможности их замены русскоязычными аналогами.

Рассмотрев составы преступлений за так называемое «распространение фейков», автор приходит к выводу, что они являются недостаточно определенными в части объекта посягательства, причинно-следственной связи между этим действием и вредом общественной безопасности, несовершенными в части установления в них, как правило, общего, а не специального субъекта ответственности, а предусмотренная за них ответственность — несоразмерной.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, фейк, дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации, юридическая ответственность, причинение вреда, общественная безопасность

LEGAL LIABILITY FOR «DISTRIBUTION OF FAKES»: LEGAL, SUBSTANTIVE AND OTHER ASSESSMENT

E. N. Agibalova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA (Volgograd, Russia)

The article analyzes and evaluates the norms on legal liability (primarily criminal) for the dissemination of knowingly false information under the guise of reliable information, often referred to as liability for “dissemination of fakes”, for “fake crimes”, which, in turn, is sometimes understood as liability for actions to discredit the use of the Armed Forces of the Russian Federation. According to the author, despite the fact that

in recent years the word “fake” has entered the practice of the Russian language, the integration of this concept into the legal sphere can have destructive consequences for the legal system. The expressions “dissemination of fakes”, “fake crimes”, as well as the word “fake” itself (newspeak), are nothing more than jargon that was uncritically accepted by the domestic legal community, and therefore should be excluded from official business and scientific discourse, given the possibility of replacing them with Russian-language analogues. Having examined the elements of crimes for the so-called “dissemination of fakes”, the author comes to the conclusion that they are insufficiently defined in terms of the object of the attack, the causal relationship between this action and harm to public safety, they are deficient in terms of establishing, as a rule, a general, rather than a special subject of responsibility, and the responsibility provided for them is disproportionate.

Keywords: deliberately false information, fake, discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation, legal liability, causing harm, public safety

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.6](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.6)

В последние годы в связи с изменением геополитической ситуации, а также в связи с усиливающимися процессами цифровизации, которые входят в повседневный обиход людей, актуализировалась и практика дезинформации, которая существенно влияет на состояние общества и отдельных индивидов в нем. В связи с этим отечественным законодателем был предпринят ряд мер по дополнению уголовного и административного законодательства нормами об ответственности за распространение заведомо ложной информации под видом достоверной. За этими действиями в медиа также закрепилось название «распространение фейков».

Ответственность за появление фейков в России начала вводиться лишь в 2020-х гг. из-за изменений в сфере информационных технологий. Эти изменения привели к резкому росту объемов доступной информации и соответственно к возможностям отдельных индивидов или групп, которым оказываются доступны колоссальные ресурсы для формирования общественного мнения и отдельных точек зрения, в том числе через распространение дезинформации. Социальные сети и мессенджеры стали основными каналами распространения новостей, что значительно упростило процесс распространения информации, в том числе недостоверной, а также обусловило трудности для контроля и опровержения такой информации. В этой связи Н. В. Мисаревич предлагает рассматривать фейковую информацию как новый феномен современной информационной эпохи [1, с. 12–13].

Кроме того, глобальные события, такие как пандемия COVID-19 и межгосударственные конфликты, привлекли внимание к проблемам дезинформации и ее влияния на общественное мнение и безопасность. Перед законодателем возникла неотложная задача реализации мер противодействия нарушению общественной безопасности посредством распространения заведомо ложной информации. Как отмечает Е.А. Ильяшенко, в современном языке такую информацию уже нередко именуют фейком. Конечно же, ложная информация, различные слухи, догадки и домыслы всегда сопровождают жизнь общества. Однако именно в непростые времена социальных потрясений, когда недопустима паника, а важны тотальная дисциплина, сдержанность и терпение, возникла острая потребность ужесточения мер ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации [2]. В этих условиях стало очевидно, что необходимы законодательные меры для защиты общества от негативных последствий так называемых фейковых новостей. Поэтому государственные органы начали активнее разрабатывать и внедрять правовые нормы, направленные на борьбу с распространением ложной информации.

В целом обозначенное в заглавии настоящей статьи «распространение фейков» корректно рассматривать в контексте упомянутых введенных мер юридической ответственности. Введение же такой ответственности в России связано с несколькими важными факторами. Во-первых, увеличившийся объем дезинформации и фейковых новостей, особенно в контексте кризисов и пандемий, может поставить под угрозу национальную безопасность, что государство не может игнорировать. Во-вторых, ложная информация может провоцировать социальные конфликты и нестабильность, что требует правовых механизмов для защиты общества. Третьим фактором является необходимость за-

щиты прав и свобод граждан, так как фейки могут вводить людей в заблуждение и причинять вред как неимущественный, так и имущественный. Все эти аспекты способствовали формированию правовой базы для борьбы с дезинформацией и установлению ответственности за ее распространение.

Рассмотрим статьи уголовного и административного законодательства, в соответствии с которыми «распространение фейков» запрещено. По состоянию на 2025 г. с учетом всех изменений, внесенных в законодательство, основные статьи, в которых устанавливается ответственность за «распространение фейков», содержатся в уголовном законе. Например, чаще всего о такой ответственности ведут речь в контексте ст. 207.1, 207.2, 207.3, 280.3 УК РФ. В юридической литературе даже употребляется термин «фейковые преступления» [3]. Как становится ясно из положения ст. 280.3 УК РФ в структуре всего уголовного закона, родовым объектом перечисленных в ней преступлений является государственная власть, поскольку она находится в разделе X «Преступления против государственной власти», а видовым объектом оказываются основы конституционного строя и безопасность государства в силу ее включенности в главу 29 УК РФ. Объектом же статей 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ является общественная безопасность в силу включенности в главу 24 УК РФ.

Как указывалось в заключении к проекту Федерального закона № 464757-7, которым были введены ст. 207.3, 280.3, 284.2 УК РФ, принимаемый закон направлен на предотвращение действий по дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ) и недопущение распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации [4]. Иными словами, общественная безопасность и безопасность государства в контексте «распространения фейков» были мотивированы именно предотвращением действий по распространению ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ. И если ответственность за дискредитацию использования ВС РФ прямо устанавливается ст. 280.3 УК РФ, то непосредственно «распространению фейков» посвящена лишь ст. 207.3 УК РФ. Вместе с тем в отношении составов преступлений, урегулированных во всех перечисленных трех статьях, отмечается, что они являются статьями, которые устанавливают ответственность за «распространение фейков». Об этом написано, например, на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации [5].

В эту же группу статей, которые устанавливают ответственность за «распространение фейков», относят и ст. 20.3.3. КоАП РФ, которая устанавливает административную ответственность за дискредитацию использования ВС РФ. При этом в документах законотворческой деятельности по изменению указанной статьи сами фейки не упоминаются [6].

Обратим внимание на диспозицию ч. 1 ст. 207.3 УК РФ: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации». Как видим, в настоящее время указанная статья претерпела несколько изменений, которые распространили ее действие, помимо ложной информации непосредственно о ВС РФ, также на ложную информацию о добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на ВС РФ [7], войска национальной гвардии [8], а также о государственных органах РФ при выполнении полномочий за пределами РФ в перечисленных целях [9].

Среди квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, особенно примечателен в контексте рассматриваемого состава преступления признак «с искусственным созданием доказательств обвинения». Как указывают авторы применительно к данному признаку, он направлен в большей мере на интересы правосудия [10]. Поэтому, по всей видимости, под «искусственным созданием доказательств обвинения» имеется в виду создание ложной информации о позиции государственного обвинения в отношении таких действий. Однако технико-юридическое оформление ч. 2 ст. 207.3 УК РФ представляется недостаточно определенным, в связи с чем в контексте ответствен-

ности за «распространение фейков» более целесообразно сосредоточиться на анализе простого состава данной нормы.

Основным действием в ч. 1 ст. 207.3 УК РФ является публичное распространение под видом достоверных сообщений ложной информации, содержащей данные об использовании за пределами РФ вышеперечисленных субъектов (ВС РФ, добровольческих формирований, нацгвардии, государственных органов). В отношении публичного распространения возможны различные формы, однако, как указывают исследователи, на практике для распространения ложных сведений в большинстве случаев используют социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники» и др.), различные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram и др.), форумы на сайтах [3, с. 111–112; 10, с. 49]. При этом с субъективной стороны эти сведения должны быть заведомо ложными [11], что также отчасти составляет содержание фейков.

Кроме ст. 207.3 УК РФ, относящейся к исполнению функций ВС РФ, авторы отмечают, что ответственность за «распространение фейков» также предусмотрена ст. 207.1 и 207.2 УК РФ [12]. Действительно, в настоящее время вполне успешно применяется ст. 207.2 УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»), которая была введена Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ [13]. Аналогичную функцию по противодействию фейкам выполняет и введенная тем же Федеральным законом ст. 207.1 УК РФ, которая устанавливает ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

Содержательно ст. 207.1 и 207.2 УК РФ различаются по признаку последствий от преступных действий: состав ст. 207.1 УК РФ является формальным, т. е. для признания данного преступления оконченным достаточно лишь публичного распространения фейков, в то время как состав ст. 207.2 УК РФ оказывается материальным, т. е. для признания его оконченным необходимо наступление тяжких последствий.

Таким образом, в настоящее время юридическую ответственность за «распространение фейков» устанавливают несколько статей, принятых в связи с различными обстоятельствами, происходящими в последние годы. Во-первых, наиболее релевантными понятию фейков являются три статьи: 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ. В диспозициях данных уголовных статей, которые исторически были приняты для урегулирования обращения информации в ситуации пандемии и осуществления действий ВС РФ за пределами самой России, непосредственно устанавливается запрет на распространение заведомо ложной информации под видом достоверных сведений. Во-вторых, в настоящее время статьями, устанавливающими юридическую ответственность за «распространение фейков», являются также статьи уголовного и административного законодательства, в которых урегулирована ответственность за действия по дискредитации использования ВС РФ. К таким относятся ст. 280.3 УК РФ и ст. 20.3.3. КоАП РФ. Однако эта группа статей уже «с натяжкой» может быть обозначена в качестве норм об ответственности за «распространение фейков», поскольку конструктивным элементом состава таких деяний не будет заведомо ложная информация.

В связи с этим представляется, что даже на официальном уровне само понятие «фейк» не сводится к распространению заведомо ложной информации. В него также включается и осуществление дискредитации использования ВС РФ. Как следствие, возникает вопрос: релевантно ли распространение такого толкования и на дискредитацию в более широком смысле? То есть корректно ли будет определить в качестве «производства» фейков случаи оскорблений или клеветы в смысле их толкования нормами административного и уголовного законодательства, а также случаи распространения порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений по смыслу ст. 152 ГК РФ?

В литературе встречается расширительное толкование составов некоторых преступлений, так или иначе связывающее их с распространением фейков. Например, в статье В. М. Харзиновой и Г. Г. Небратенко в контексте вреда от распространения заведомо ложной информации рассматривается именно состав преступления, установленный в ст. 128.1 УК РФ, то есть клевета. По мнению авторов, несмотря на то что прямо фейком клеветнические действия по распространению заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию,

не называются, но под родовое понятие «распространение заведомо ложной информации», синонимичное распространению фейков, они подходят [14].

Отсюда следует, что в юридической сфере «распространение фейков», да и само понятие «фейк» является весьма трудноприменимым. Стоит согласиться с тем, что слово «фейк» вошло в практику русского языка в последние годы. Тем не менее представляется, что интеграция этого понятия в сферу юриспруденции может иметь деструктивные последствия для правовой системы по нескольким причинам.

Во-первых, наше вышеизложенное рассуждение подчеркивает тот факт, что рассматриваемое понятие является весьма неопределенным. Система же права основывается на принципе правовой определенности, который позволяет четко и справедливо разграничивать права и обязанности лиц. Если попытаться как-то подвергнуть понятие «фейк» правовому регулированию, может сложиться и в праве такая же неопределенность, которую мы наблюдаем в контексте освещения этой реальности в средствах массовой информации (СМИ).

Во-вторых, в западной юридической традиции, в том числе в российском праве, уже существуют нормы, которые регламентируют распространение недостоверных сведений, как-то: клевета или защита чести, достоинства и деловой репутации. Даже если принципиально иметь в виду распространение заведомо ложной информации, то оказывается, что и до принятия соответствующих изменений в уголовное и административное законодательство ее распространение вполне корректно было бы квалифицировать и по иным, уже существующим статьям в зависимости от объекта посягательства. Более того, если рассматривать составы преступлений, установленных ст. 207.1 и 207.3 УК РФ, с точки зрения видового объекта преступления, то получится, что данные статьи нацелены на защиту общественной безопасности от соответствующих посягательств. И если в контексте ст. 207.2 УК РФ за счет того, что в этом случае состав является материальным, связь с общественной безопасностью оказывается более-менее понятной, то в случае формальных составов, установленных в ст. 207.1 и 207.3 УК РФ, она не совсем понятна.

Характерно, что в юридической литературе или в официальных заявлениях от лица законодателя или иных государственных органов ограничиваются в лучшем случае стандартными заявлениями о возможном вреде от распространения заведомо ложной информации, однако на прямую причинно-следственную связь между этими действиями и вредом общественной безопасности не указывается. Чаще всего вовсе не объясняется, какой объект призваны защитить новые нормы уголовного закона и как это должно происходить. Кроме того, поскольку ст. 207.3 и 280.3 УК РФ были механически добавлены в тот законопроект, который вносился в Государственную Думу для решения вопроса об уголовной ответственности за призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан РФ либо российских юридических лиц (ст. 284.2 УК РФ), даже на уровне пояснительной записки к законопроекту не оказалось конкретных аргументов, каким образом соответствующие нормы будут защищать общественную безопасность. Постфактум на официальном портале Государственной Думы была приведена цитата ее председателя о том, что эти статьи нужны для защиты солдат, офицеров, а также для «защиты правды» [15]. Такая аргументация представляется весьма расплывчатой. Неясно, что именно все-таки уголовным законом защищается, а также какова реальная специфика той информации, которая квалифицируется в качестве фейка.

У каждой статьи УК РФ в силу уже упомянутого общеправового принципа правовой определенности, а также отраслевых принципов справедливости и индивидуализации уголовного наказания и общей тенденции на снижение репрессивного воздействия уголовного законодательства должен быть свой объект. Если защищается «правда», то следовало бы объяснить, каким образом эта правда попирается.

Кроме того, если продолжить рассмотрение конструкций проанализированных нами статей УК РФ, в частности ст. 207.1, 207.2, 207.3, то оказывается весьма сомнительным установление в них, как правило, общего, а не специального субъекта ответственности. Иными словами, по логике этих норм абсолютно любой человек, который (гипотетически) только начал вести социальные сети, у которого подписчиков очень мало или совсем нет, своей записью у себя на стене или в своем блоге каким-то образом может повлиять на «правду», на действия или восприятие людей. Такая оценка оказы-

вается крайне несоразмерной. Дело в том, что если кто-то и может повлиять в информационном поле на «правду», то это лишь те субъекты, в чьих руках сосредоточены существенные информационные ресурсы. Например СМИ или государственные органы. У СМИ хотя бы есть выход на широкую аудиторию, а у государственных органов и их должностных лиц имеется авторитет, который также может придаваться их заявлениям. Поэтому даже в условиях той минимальной аргументации, которая приводится как бы попутно, рассматриваемые конструкции составов преступлений за «распространение фейков» оказываются неопределенными, а устанавливаемая ответственность — несоразмерной.

Развивая наши соображения насчет некорректности использования конструкции общего субъекта в перечисленных статьях, если и не ограничивать действие рассматриваемых норм лишь СМИ и государственными органами, поскольку в социальных сетях действительно возможны дезориентирующие граждан новости, то было бы рационально не распылять ограниченные государственные правоохранительные ресурсы на всех без исключения пользователей социальных сетей, но иметь в виду именно тех лиц, у кого есть соответствующие информационные ресурсы, которые могут быть использованы для причинения вреда общественной безопасности. Правовая основа для определения таких лиц уже существует. Так, например, в связи с изменениями в законодательстве о связи Роскомнадзор обязали вести реестр владельцев страниц в социальных сетях с аудиторией более 10 тыс. человек [16]. Представляется, что ограничение круга субъектов рассматриваемых преступлений именно до таких лиц было бы, во-первых, более справедливым с точки зрения возможности их реального влияния на медиаполе. А во-вторых, это будет более релевантно и для правоохранительных органов, которые не станут тратить силы и время на отслеживание малозначительных действий субъектов без какой-либо устойчивой аудитории.

Помимо субъекта фейкового преступления, определенные вопросы остаются по отношению к его объекту и общественной опасности рассматриваемого деяния. Остается все же не вполне проясненной причина, почему следует ограничивать ложную информацию. Представляется, что для понимания причины таких ограничений следует исходить из модели информации как некоторого акта коммуникации, с присущими ему элементами: адресант и адресат такой информации, а также собственно ее содержание. С адресантом (создателем или распространителем) такой ложной информации мы определились и выявили, что чем больше и устойчивее аудитория, тем больше потенциальных деструктивных последствий может быть, в том числе для общественной безопасности. Однако и статус адресата ложной информации является значимым для определения общественной опасности деяния.

Если ложную информацию увидит средний, рядовой гражданин, что ему помешает ее проверить? Даже если мы будем исходить из того, что использование медиа существенно увеличивает риски от негативного влияния такой информации, корректно будет признать, что увеличение в данном случае будет происходить лишь по количественным, а не по качественным параметрам. Например, если ложную информацию увидят несколько рядовых граждан, то какую опасность, помимо засорения их приватного информационного поля, это будет нести? В данном случае существенно, чтобы эффект от такого распространения все-таки был публичным, а не приватным, потому что само по себе распространение в глобальной сети еще не означает влияния на публичную сферу. Как пишет М. Маклюэн в своих работах по исследованию медиа, с появлением электронных средств связи земной шар «сжался» до размеров деревни, что он обозначает термином «глобальная деревня» [17, с. 20–25; 18]. Поэтому для адекватной оценки опасности деяния важно отличать количественное возрастание адресатов информации от ее качественной оценки ими. Если такое увеличение не изменит ничего, кроме их приватного цифрового пространства, то и признаку общественной опасности это не будет отвечать.

Другое дело, если такая недостоверная информация доходит до лиц, принимающих значимые государственные решения. Например лиц, от которых зависит использование вооруженных сил, формирований или их части, либо же государственных ресурсов. В данном случае доходящая до них недостоверная информация будет иметь не количественные, а качественные последствия. Поэтому для таких случаев вполне обоснованно было бы вводить ответственность. Тем не менее, во-первых, ответственность за информирование таких людей явно лежит на других субъектах. Во-вторых, обычно к должностным лицам, принимающим решения об использовании легитимной государственной

силы или государственных ресурсов, даже на законодательном уровне предъявляются более высокие требования, например к их образованию, что предопределяет по умолчанию их возможность проверить такие недостоверные сведения. В-третьих, если должностное лицо будет принимать решения, основанные на таких ложных новостях из социальных сетей, а не на информации, которую оно может получить посредством проверки, реализации полномочий по запросам к другим должностным лицам или органам, а также не используя свои компетенции, полученные в системе отечественного образования, то ответственность за некорректное решение должна ложиться на него, а не на тех, кто распространил определенную новость в социальных сетях.

Спорный характер нововведений в уголовное и административное законодательство заключается также еще и в том, что сами по себе социальные сети являются пространством загрязненным, о чем свидетельствует широко известная концепция цифровой гигиены. Так, если бы цифровая среда не была по умолчанию пространством загрязненным, не было бы и необходимости соблюдать гигиену. Даже на сайте «Российской газеты» указывается на необходимость именно профилактических мер, которые должны соблюдать обычные пользователи глобальной сети [19]. И как бы государство ни хотело, оно не сможет полностью сделать чистым это цифровое пространство по тем же причинам, по которым невозможно физически очистить пространство всей территории РФ, чтобы оно не представляло угрозы для здоровья граждан. Однако рассмотренные нами нормы, направленные на запрет «распространения фейков», выглядят именно как мера из этого разряда: не организовать культуру цифровой гигиены, а репрессировать тех, кто в условиях непрекращающейся «цифровой дезентерии» продолжает здороваться «грязными руками», если представить это метафорически. Некоторое сходство можно заметить также и со средневековой практикой лечения чумы огнем, а не устраниением причин ее появления. Насколько такие методы эффективны и будут ли они релевантны тем опасностям, от которых законодатель хочет защитить определенных субъектов, — неясно.

Безусловно, технически в Особенную часть УК РФ возможно включить абсолютно любую статью и любое деяние представить в качестве преступления через законодательные изменения. Однако в таком случае окажется не вполне ясной роль общественной опасности как признака уголовно-наказуемого деяния. Общественная опасность фактически будет приравнена к противоправности, что не может быть признано соответствующим принципам уголовного законодательства.

Наконец, следует затронуть еще один весьма противоречивый момент, который в целом корреспондирует с нашими аргументами против введения в систему законодательства и даже в обоснование отдельных норм любых упоминаний о фейках. Напомним, что в 2023 г. широкий резонанс вызвало рассмотрение законопроекта об изменениях в Федеральный закон «О государственном языке», связанных с запретом использования иностранных слов в ситуации, когда существует русскоязычный аналог [20]. В ходе обсуждения данного законопроекта отдельными депутатами Государственной Думы РФ даже подчеркивалось, что с таким запретом возможно избавиться от «лакейского суржика», как обозначалось ими использование иностранных слов, которые можно заменить русскими аналогами. Этот аргумент корректно применить и ко всей ситуации с ответственностью за «распространение фейков».

«Фейк» — это иностранное слово, которое имеет аналоги в русском языке. А потому, исходя из этой логики, не может быть и речи о том, чтобы как-то обсуждать ответственность за «распространение фейков» ни на государственном уровне, ни в научной литературе. И заявления некоторых юристов о том, что «в современном языке такую информацию уже нередко именуют фейком» [2, с. 187], не могут служить аргументом для допущения в научный или официально-деловой дискурс такого рода понятий. Во-первых, некорректно вести речь про «современный язык» без его национальной относимости. Так, в современном русском языке ложную или недостоверную информацию всегда называли ложной и недостоверной. Если появился отдельный жаргон, в котором такая информация обозначается понятием «фейк», то это не значит, что такие наименования возможно использовать в официальных заявлениях или научной литературе (кроме филологической или лингвистической научной литературы, направленной на исследование жаргонизмов). Есть множество жаргонов, в том числе относящихся к уголовно-правовой сфере. И если начать использовать язык, например, тюремных понятий, то смысл науки и практики уголовного права автоматически аннулируется. «Фей-

ки» в современном русском языке являются ничем иным, как новоязом [21], а потому их использование так же вредно, как и иных жаргонных слов при наличии аналогов в официально-деловом или научном стилях русского литературного языка.

Помимо аргументов о деструктивности для системы права, а также о невозможности использования жаргонных слов в юридическом дискурсе, также отметим и бессодержательность данного понятия. Так, действительно, устоявшееся словосочетание для практики распространения ложной информации, которое синонимично исследуемым нами фейкам, — это распространение так называемых «fake news», то есть ложных новостей. Часто ложные новости рассматривают наряду с дезинформацией и пропагандой. Причем они не сводятся ни к одному, ни к другому. Эти новости привлекают внимание, поскольку подтверждают политические предрассудки и взгляды аудитории, помогая людям находить подтверждение своей точки зрения. Многие считают, что социальные сети, выбирая контент на основе пользовательских предпочтений, создают эффект поляризации, который делает людей более уязвимыми к таким манипуляциям. Определенные субъекты могут использовать это в своих интересах, создавая провокационный контент, который быстро распространяется в интернете, что также может быть обозначено термином «астротурфинг» (маскировка искусственной общественной поддержки под реальную общественную инициативу) [22].

Ложные новости чаще всего не попадают под определение дезинформации или пропаганды, поскольку их основным движущим фактором обычно являются деньги, а не политика, и они редко связаны с более широкими стратегиями. Так, дезинформация — это понятие, которое стало актуальным относительно недавно. Большинство экспертов связывают его возникновение с 1950-ми гг., когда советские исследователи характеризовали дезинформацию как «распространение ложных сообщений (в печати, на радио и т.д.), цель которых — ввести общественность в заблуждение». Некоторые исследователи считают, что этот термин впервые появился в нацистской Германии в 1930-х гг. В любом случае слово «дезинформация» намного новее и используется реже, чем слово «пропаганда», которое вошло в употребление еще в 1600-х гг. и обычно обозначает выборочное представление информации для достижения политических целей [23].

Таким образом, выражения «распространение фейков», «фейковые преступления», как и само слово «фейк», являются ничем иным, как жаргонизмами, которые были некритично восприняты отечественным юридическим сообществом: лицами, занимающимися как законодательной, так и правоприменительной деятельностью [24], а также некоторыми представителями научного корпуса. Аргументы, которые были нами приведены в данной статье о вреде их употребления для системы отечественного права, а также о несовершенстве норм об ответственности за распространение заведомо ложной информации, можно описать кратко следующим образом. Во-первых, это не отвечает принципу правовой определенности, так как само слово «фейк» является неопределенным для русского литературного языка. Во-вторых, западная правовая традиция, к которой относится и Россия, не содержит такой самостоятельной конструкции, как «фейк». В этой традиции есть такие более устоявшиеся понятия, связанные с распространением ложной информации, как клевета, опорочение чести, достоинства и деловой репутации, или менее устоявшиеся понятия, используемые в уголовном и административном законодательстве, связанные с информационными правонарушениями, как-то: незаконное распространение персональных данных, публичное незаконное распространение данных, составляющих коммерческую или государственную тайну, распространение сведений, противоречащих общественной нравственности, или информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей. И в-третьих, сами конструкции рассмотренных составов преступлений оказываются весьма сомнительными, прежде всего в части субъекта ответственности, так как им может оказаться пользователь, совершенно не имеющий устойчивой аудитории, но попросту допустивший определенные высказывания в информационно-телекоммуникационной сети, в то время как основные риски представляют именно пользователи, имеющие существенные информационные ресурсы (значительную аудиторию, возможность ее конвертации из одной сети в другую, территориальный охват, возможность попадания в «рекомендации» сетей). Вообще нуждается в оценке корректность возложения ответственности только на распространителя ложной информации, а не на того, кто владеет средствами цифровой гигиены, но не применяет их. А с точки зрения об-

щественной опасности оказывается не вполне ясным, кому именно может быть причинен вред распространением заведомо ложной информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мисаревич Н. В. Правовые средства противодействия фейковизации (на примере республики Беларусь) // Российско-Азиатский правовой журнал. 2005. № 1. С. 12–17.
2. Ильяшенко Е. А. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4. С. 187–191.
3. Семенцов В. А. Обстоятельства, необходимые для квалификации деяния по уголовным делам о распространении фейков, и некоторые особенности их доказывания // Российско-Азиатский правовой журнал. 2005. № 1. С. 110–117.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: законопроект № 464757-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 16.06.2025).
5. Приняты поправки об ответственности за фейки о работе госорганов РФ за рубежом // Сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/53773/> (дата обращения: 16.06.2025).
6. О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: законопроект № 9732-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/9732-8> (дата обращения: 16.06.2025).
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.03.2023 № 58-ФЗ // С3 РФ. 2023. № 12. Ст. 1871.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25.12.2023 № 641-ФЗ // С3 РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 22.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 25.03.2022 № 63-ФЗ // С3 РФ. 2022. № 13. Ст. 1952.
10. Кашин В. С. Особенности квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (статья 207.3 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 4. С. 46–51.
11. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.
12. Жук О.Д. Об уголовной и административной ответственности за распространение фейков о действиях Вооруженных Сил РФ и за публичные призывы к введению санкций против России // Законодательство. 2022. № 4. С. 65–70.
13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ // С3 РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2030.
14. Харзинова В. М., Небратенко Г. Г. Криминалистическая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 88–93.
15. Вводится ответственность за распространение фейков о действиях ВС РФ // Сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/53620/> (дата обращения 16.06.2025).
16. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 08.08.2024 № 303-ФЗ // С3 РФ. 2024. № 33 (часть II). Ст. 4999.
17. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. 432 с.

18. Карнаушенко Л. В. «Глобальная деревня» как новая форма социальной организации постиндустриального общества и фактор угрозы государственному суверенитету // Философия права. 2016. № 2. С. 38–41.
19. Цифровая гигиена // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/01/05/cifrovaia-gigiena.html#1> (дата обращения: 16.06.2025).
20. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: законопроект № 221977–8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/221977-8> (дата обращения: 16.06.2025).
21. Олешкова А. М. «Новояз» как способ дискурсивного конструирования идентичности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4. С. 68–73.
22. Ratkiewicz J., Conover M., Meiss M. et al. Detecting and Tracking Political Abuse in social media // Fifth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. 2011. Vol. 5, No. 1. P. 297–304.
23. Boghardt T. Soviet Bloc Intelligence and Its AIDS Disinformation Campaign // Studies in Intelligence. 2009. Vol. 53, No. 4. P. 13–14.
24. Ответственность за распространение фейков о действиях российских военных // Сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/фейки> (дата обращения: 16.06.2025).

УДК 342:316.752
ББК 67.400.24

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В УКРЕПЛЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

E. С. Аничкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Рассмотрены предпосылки формализации традиционных духовно-нравственных ценностей, их природа и виды. Определен современный потенциал конституционно-правового регулирования традиционных ценностей, а также перспективы их доктринального изучения и осмысливания в учебном процессе.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, конституционные ценности, конституция, акты стратегического планирования, конституционное право

THE MODERN ROLE OF CONSTITUTIONAL LAW IN STRENGTHENING THE TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF RUSSIAN SOCIETY

E. S. Anichkin

Altai State University (Barnaul, Russia)

The prerequisites for the formalization of traditional spiritual and moral values, their nature and types are considered. The modern potential of constitutional and legal regulation of traditional values is determined, as well as the prospects for their doctrinal study and comprehension in the educational process.

Keywords: traditional spiritual and moral values, constitutional values, constitution, acts of strategic planning, constitutional law

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.7)

В настоящее время мы являемся свидетелями преобразования миропорядка, сложившегося несколько десятилетий назад после распада СССР, выгодного странам «коллективного Запада», которые упорно отстаивают его неизменность. При остром глобальном противостоянии разных систем ценностей, приоритетов и моделей развития постепенно формируется многополярный мир, одним из лидеров которого становится Россия. Более того, в условиях проводимой гибридной войны именно наша страна приняла на себя основной идеологический и ментальный удар со стороны стран «коллективного Запада». По справедливому замечанию отдельных экспертов, цель этой атаки — «разрушение духовной монолитности многонациональной России, уничтожение единого культурного пространства страны и ликвидация российской государственности» [1, с. 23]. Это грозит опасностью дестабилизации обстановки в стране и ослабления государственного суверенитета, а значит, требует оперативных и адекватных мер по противодействию этому вызову. Такого рода ответом должно стать формирование ускоренными темпами национальной шкалы ценностей, внедрение ее в нашем праве и законодательстве, трансляция вовне [2, с. 6]. Неоднократно обсуждался вопрос о необходимости становления духовного суверенитета, как самостоятельности «государства в определении, формировании, укреплении и защите собственной системы ценностей в духовной сфере с опо-

рой на исторически присущую нашей стране самобытность» [3, с. 8]. Это имеет под собой серьезные основания: как известно, в переломные моменты истории нашей страны, кроме военного потенциала, именно традиционные духовно-нравственные ценности российского общества становились цементирующим началом для преодоления внешних угроз и внутренних кризисов.

Исходя из природы и значимости традиционных ценностей российского общества, именно конституционное право, как основополагающая и ведущая отрасль российского права, должно брать на себя основную нагрузку по инкорпорации этих ценностей в свою систему норм и институтов, а также их правоинтерпретационному и правоприменительному обеспечению. Иное означало бы, что оно остается в стороне от экзистенциально важного процесса развития отечественного общества и государства.

Вопрос о важности официального признания на общегосударственном уровне традиционных российских ценностей обсуждался различными общественными силами неоднократно. К примеру, еще в 2011 г. на XV Всемирном Русском Народном Соборе обсуждался свод основополагающих государственных ценностей, предлагаемых Русской Православной Церковью. По итогам работы Собора был подготовлен проект «Базисные ценности — основа общенациональной идентичности», но тогда он не получил юридического оформления на государственном уровне. Появление же спустя несколько лет Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4] оказалось закономерным и ожидаемым. Ряд его положений получили воспроизведение и конкретизацию в других актах стратегического планирования. Так, в Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утвержденных Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 (п. 8), содержатся положения как о сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей, так и о создании условий для противодействия попыткам навязывания народу России деструктивных идеологических установок, противоречащих традиционным российским духовно-нравственным ценностям [5].

Примечательно, что в п. 4 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей дано определение этого понятия, представляющего собой «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Согласно п. 7 данных Основ Российской Федерации рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, что подчеркивает их важное социальное, духовное и политическое значение.

В перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей, подлежащих обязательной защите, Указом Президента РФ включены:

- жизнь и достоинство человека;
- права и свободы человека;
- патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу;
- высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение;
- крепкая семья;
- созидательный труд;
- историческая память и преемственность поколений, единство народов Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что данный указ впервые официально дефиницировал рассматриваемое понятие и предусмотрел виды традиционных ценностей. До этого понятие «традиционные духовно-нравственные ценности» только упоминалось в нескольких нормативных правовых актах (Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года, утвержденная Президентом РФ 15 сентября 2012 г. № Пр-2789, Указ Президента РФ от 20 октября 2012 г. № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» и др.), но его содержательное наполнение не уточнялось.

Как видно, традиционные ценности имеют смешанный по своей природе характер и представляют собой совокупность личных, государственных, религиозных, семейных и этических идеалов и ориентиров. При этом наблюдается их тесная взаимосвязь и даже совпадение с отдельными конституционными ценностями, ранее получившими юридическое признание в решениях Конституционного Суда РФ. В частности, в его правовых позициях нашли отражение такие конституционные ценности, как «жизнь и здоровье людей» [6], «трудовая и иная общественно полезная деятельность» [7], «институт семьи и приоритет семейного воспитания детей и заботы об их благосостоянии и развитии» [8], «исторические традиции и сохранение исторически сложившегося государственного единства» [9] и ряд других. Очевидно, что эти близкие явления не могут противопоставляться друг другу, а в современных условиях повышенной защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, по справедливому суждению М. С. Пермиловского, «конституционный контроль должен быть официально включен в механизм такой защиты, а в содержание конституционных ценностей — продолжено инкорпорирование духовных, исторических и культурных смыслов общероссийской гражданской идентичности» [10, с. 23].

Кроме того, в ходе конституционной реформы 2020 г. некоторые традиционные духовно-нравственные ценности были конституционализированы и получили закрепление в тексте Основного закона в виде соответствующих правовых категорий. Это не только подчеркивает прямую взаимосвязь между традиционными ценностями и Конституцией РФ, но и, как верно замечают А. Н. Митин и Д. В. Лебедев, «указание на традиционные ценности завершает оформление Конституции РФ в качестве идеологической основы общества и государства» [11, с. 13]. Несмотря на то что в рассматриваемом контексте слово «ценность» напрямую употребляется в Основном законе лишь дважды (в ст. 2 высшей ценностью названы человек, его права и свободы, а в п. «в» ч. 1 ст. 114 на Правительство РФ возложена задача сохранения традиционных семейных ценностей), косвенно традиционные ценности упоминаются в нескольких положениях Конституции РФ. О роли Конституции РФ как правовой основы национального мировоззрения свидетельствует не только преамбула, но и ряд ее новых норм, закрепляющих «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства», «признание исторически сложившегося государственного единства» (ч. 2 ст. 67.1); «память защитников Отечества», «защита исторической правды», «подвиг народа при защите Отечества» (ч. 3 ст. 67.1); «русский язык как язык государствообразующего народа», культура как «уникальное наследие многонационального народа» России (ч. 1 и 4 ст. 68). Инкорпорация отдельных традиционных ценностей в содержание Основного закона подчеркивает не только потенциал Конституции в их укреплении, но и современную роль конституционного права в целом в сфере духовного развития России. Однако надо признать, что этот важный шаг осложняется отсутствием как единообразного доктринального понимания некоторых традиционных ценностей, так и их легальных дефиниций.

Поскольку традиционные духовно-нравственные ценности имеют смешанный характер, то в их поддержании и защите участвуют в соответствии с вышеназванным Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 не только органы публичной власти, но и религиозные организации традиционных конфессий, а также институты гражданского общества, включая органы общественного контроля.

Наделение органов публичной власти, а равно органов общественного контроля соответствующими полномочиями уже свидетельствует о включении конституционного права в регулирование вопросов сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Наряду с Президентом РФ и Правительством РФ задачами в данном направлении наделяются отдельные федеральные органы государственной власти. Так, в соответствии с п. 6 Указа Президента РФ от 13 января 2023 г. № 10 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» одной из его задач названо осуществление деятельности, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [12].

Важной мерой стала детализация Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 в Распоряжении Правительства РФ от 1 июля 2024 г. № 1734-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 гг. Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где подробно определены конкретные программы, подзаконные нормативные правовые акты, требуемые методические рекомендации, сроки, ответственные органы власти [13]. Данный план отводит значимое место Общественной палате РФ и общественным

палатам субъектов РФ, рекомендует образовать в их составе соответствующие профильные комиссии, что уже во многом сделано. Главным образом данным институтам отведена роль осуществления общественного контроля за реализацией государственной информационной политики, направленной на усиление роли традиционных ценностей в массовом сознании и противодействие распространению деструктивных идеологий. С учетом перспективы принятия Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат муниципальных образований субъектов Российской Федерации», проект которого проходит сейчас активное общественное обсуждение [14, с. 7], подобную задачу целесообразно было бы возложить и на муниципальные общественные палаты. Более того, в ряде субъектов РФ уже приняты законы об общественных палатах муниципальных образований [15].

Среди перспективных организационно-институциональных механизмов важно отметить предусмотренные Планом мероприятий координационные советы при главах субъектов Российской Федерации и главах муниципальных образований по сохранению и развитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей (пункт 20). По обоснованному мнению А. Н. Диденко, «советы при главах регионов и муниципалитетов могут стать координаторами работы по формированию системы воспитания личности, здоровой, многодетной семьи и солидарного общества, которая таким образом обретает свою публичность, властную и общественную поддержку» [16, с. 12].

Правовые основы укрепления традиционных российских цивилизационных ценностей также нуждаются в модернизации и дополнении. В последнее время встречаются экспертные мнения о необходимости обновления федерального законодательства о средствах массовой информации, о культуре в направлении сохранения и поддержки традиционных ценностей [2, с. 8], хотя актуальным является мониторинг в этом разрезе и других федеральных законов. Положительным является правовой опыт принятия отдельными субъектами РФ законов о запрете на склонение к абортам и пропаганды идеологии чайлдфри (отказа от деторождения), который можно распространить на все регионы. В этой связи принципиально важно выстроить единую систему нормативно-правового регулирования с необходимой конкретизацией на региональном и муниципальном уровнях. В частности, во всех субъектах РФ и муниципальных образованиях должны быть приняты учитывающие региональную и местную специфику аналоги федерального Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 гг. Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В аспекте укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей актуальным представляется выявление новых сюжетов и проблем в конституционно-правовой науке. Так, интересными векторами научного поиска, на наш взгляд, могли бы стать правовые начала конституционной идентичности России, правовая взаимосвязь между защитой традиционных ценностей и обеспечением государственного суверенитета, правовой потенциал регионов в деле укрепления традиционных ценностей и ряд других. Думается, через такие правовые начала конституционной идентичности России, как конституционные традиции, конституционная преемственность и оригинальные конституционно-правовые явления, можно было бы раскрыть первичный характер и влияние на них традиционных духовно-нравственных ценностей [17, с. 27–33].

Полагаем, с учетом воспитательной функции конституционного права как учебной дисциплины рассматриваемый вопрос целесообразно представить в качестве одной из тем учебников (учебных пособий) по курсу «Конституционное право Российской Федерации» и сделать его предметом специального обсуждения на лекционных и семинарских занятиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецова А.А. Духовно-нравственные ценности в праве России: конституционные основы становления и развития // Современное право. 2025. № 1. С. 22–25.
2. Мохов А.А. От Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к одноименному федеральному закону? // Современное право. 2024. № 8. С. 5–10.
3. Вилкова А. В., Строгович Ю. Н. О некоторых проблемах на пути возвращения к традиционным духовно-нравственным ценностям // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 1. С. 7–11.

4. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

5. Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утв. Указом Президента РФ от 08.05.2024 № 314 // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2587.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2022 № 54-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Октябрьского районного суда города Екатеринбурга» // СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9756.

7. По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки О. В. Морозовой : Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2020 № 5-П // Российская газета. 2020. № 22. 4 февр.

8. По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области : Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П // СЗ РФ. 2021. № 28 (часть II). Ст. 5629.

9. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // СЗ РФ. 2014. № 40 (часть III). Ст. 5489.

10. Пермиловский М. С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: доктринальское соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20–24.

11. Митин А. Н., Лебедев Д. В. Духовно-нравственные ценности в правовых документах России: отражение в информационном пространстве // Современное право. 2024. № 9. С. 5–17.

12. Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации: Указ Президента РФ от 13.01.2023 № 10 // СЗ РФ. 2023. № 3. Ст. 553.

13. Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Распоряжение Правительства РФ от 01.07.2024 № 1734-р // СЗ РФ. 2024. № 28. Ст. 4058.

14. Чеботарев Г. Н. Трансформация права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 2. С. 4–8.

15. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат муниципальных образований Московской области : Закон Московской области от 04.07.2024 № 114/2024-ОЗ // Официальный интернет-портал Правительства Московской области. URL: <http://www.mosreg.ru> (дата обращения: 05.07.2024).

16. Диценко А. Н. Соотношение публично-властных и общественных компонентов в организации местного самоуправления и муниципальных образований и их опора на традиционные российские цивилизационные ценности // Местное право. 2025. № 2. С. 3–14.

17. Аничкин Е. С. Правовые основы конституционной идентичности современной России // Тенденции развития юридической науки на современном этапе : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (16 мая 2025 г.) / отв. ред. Е. С. Трезубов. М. : РГ-Пресс, 2025. С. 27–33.

УДК 342:004
ББК 67.400c51

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Т.И. Ряховская

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Новосибирск, Россия)

Автор рассматривает явление цифровизации, беря за основу идею о том, что из-за повсеместного распространения и прогрессирующей трансграничности цифрового общества она представляет собой фактор универсализации и развития конституционного права, касающийся большинства государств мира.

Анализируется массив международно-правовых актов, относящихся к данной сфере. Основываясь на его нормах, делается вывод о том, что в основном конституционными универсалиями наполняется институт прав и свобод человека и гражданина. Также обнаруживаются признаки процесса конвергенции систем международного и внутригосударственного права.

Очерчивается круг проблем правового регулирования процессов информатизации и цифровизации во внутригосударственном праве, акцентируется внимание на формировании новой модели государства. Отмечаются вопросы, связанные с проявлением внутренней стороны суверенитета государства. Заостряется внимание на недостаточной проработке нормативных правовых актов в этой сфере.

Ключевые слова: цифровизация в праве, информатизация в праве, конституционная универсальность, универсализация в праве, права и свободы человека и гражданина, информационные права

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE UNIVERSALIZATION AND DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL LAW: SOME ISSUES

Т.И. Ryakhovskaya

Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia)

In the presented article, the author examines such a phenomenon as digitalization, taking as a basis the idea that due to the widespread distribution and progressive transboundary nature of the digital society, it represents a factor in the universalization and development of constitutional law, concerning most states of the world.

The researcher analyzes the array of international legal acts related to this area. Based on its norms, the conclusion is made that the institute of human and civil rights and freedoms is mainly filled with constitutional universals. Signs of the process of convergence of the systems of international and domestic law are also found.

The article outlines the range of problems of legal regulation of informatization and digitalization processes in domestic law, focusing on the formation of a new model of statehood. Issues related to the manifestation of the internal side of state sovereignty are noted. Attention is focused on the insufficient development of regulatory legal acts in this area.

Keywords: digitalization in law, informatization in law, constitutional universality, universalization in law, human and civil rights and freedoms, information rights

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.8](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.8)

Такие термины, как «цифровизация», «компьютерные технологии», «информационное общество», стали не чужды не только России, но и большинству стран мира, что, безусловно, закладывает основу для формирования универсального в праве в целом и в конституционном праве в частности.

На некоторые важные моменты в сфере цифровизации обращал свое внимание в Послании Федеральному Собранию РФ еще в 2018 г. Президент РФ В. В. Путин, отмечая, что необходимо технологически развивать государство, чтобы не утерять национальный суверенитет; создавать массив нормативных правовых актов по применению новых технологий, который бы постоянно обновлялся, снимая затруднения с активизации «применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли и др.» [1].

В этом контексте весьма ярко прослеживается проблема несколько замедленного реагирования отечественного конституционного права на уже существующие и новые, только начинающие складываться общественные отношения. Безусловно, такую ситуацию нельзя признать удовлетворительной в связи с тем, что Конституция РФ является системообразующим нормативным правовым актом действующего правового массива. Вместе с тем относительно государств, имеющих конституции доцифровой эпохи, Российская Федерация одной из первых, благодаря поправкам 2020 г. в Основной закон, закрепила положения, касающиеся информационных отношений. Это отразилось, например, в п. «и», «м» ст. 71, в которых уточняется, что в ведении Российской Федерации находятся вопросы «информации, информационных технологий и связи», «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороне цифровых данных». Следует отметить, что закрепление указанного, к сожалению, не конкретизирует важнейших понятий, однако иллюстрирует попытку со стороны Российской Федерации продолжить конституционно-правовое развитие с учетом наличия отдельных универсальных категорий в отечественной правовой среде, которые, по идеи, впоследствии могут наполниться некоторыми чертами конституционной самобытности.

Примечательно, что термин «цифровизация» не имеет легального закрепления, однако впервые он употребляется, как это заметил А. А. Саурин [2, с. 26], в Приказе Госкомитета по связи и информации РФ от 19 октября 1998 г. № 187 «Об утверждении правил технической эксплуатации первичных сетей взаимоувязанной сети связи РФ» [3], где описывается переход от аналоговых ресурсов к цифровым. Однако, несмотря на частое использование, этот термин пока не уточнен и часто употребляется как синоним «информатизации».

Впрочем, и иные категории, связанные с этой сферой, довольно часто ставят в один ряд: «информационные права» и «цифровые права», «информационное общество» и «цифровое общество», «информационная сфера» и «цифровая сфера», «оцифровка» и «цифровизация» и др., что, в общем-то, как пишет Т. С. Масловская, не является допустимым [4, с. 19]. Таким образом, доктриной обнаруживается, что было бы не лишним в первую очередь четко определить терминологический аппарат, который касается сферы регулируемых общественных отношений.

Полагаем, под цифровизацией можно понимать интеграцию в различные области цифрового способа связи, формирования, сохранения и передачи данных с помощью специальных технических устройств, предназначенных для получения и обработки информации в цифровом формате, с целью повышения скорости и эффективности решения различных задач. Так как описанное происходит повсеместно, цифровизация становится причиной, условием, т. е. фактором, способствующим становлению новых, общих правил взаимодействия, которые распространяются на всех участников общественных отношений и на правовые системы государств мира.

Как верно отмечает В. Д. Зорькин, «зарождается новое право, регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта» [5].

В этом контексте нельзя не обратить внимание на тот массив международно-правовых актов, которые задают вектор развития праву конституционному, в связи с тесным переплетением их предмета правового регулирования с национальным правом.

В частности, Окинавская хартия Глобального информационного общества (Окинава, 22 июля 2000 г.) [6], представляющая собой обобщенное мнение государств — участников «Группы Восьми», стала отправной точкой для формирования внутригосударственного законодательства в сфере информатизации и цифровизации, а также иных международно-правовых актов.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» подтверждает, что «те же права, которые человек имеет в оф-

лайновой среде, должны так же защищаться и в онлайновой среде, включая право на неприкосновенность личной жизни». Этим международно-правовым актом государствам рекомендуется привести свое внутригосударственное законодательство в соответствие с наднациональным, а также в соответствие с международными обязательствами по международному праву человека [7].

Более того, «Комитет ООН по правам человека в своих рекомендациях указал РФ на необходимость принять специальное законодательство о защите частной жизни» [8, с. 102], — на что обратили внимание некоторые исследователи.

На региональном уровне существующим Договором о Евразийском экономическом союзе регламентировано (ст. 3), что «для обеспечения эффективного взаимодействия и координации государственных информационных ресурсов и информационных систем государства-члены проводят согласованную политику в области информатизации и информационных технологий» [9].

Второй по счету Модельный информационный кодекс для государств — участников СНГ от 28 октября 2022 г. (первый — от 3 апреля 2008 г.) легально закрепил термин «информация» (ст. 2) как «любые сведения, сообщения и (или) данные, независимо от формы их предоставления <...>, которые могут быть физически зафиксированы на материальных носителях или отображены в электронном виде» и в ст. 3 определил, что «национальное законодательство в сфере информации основывается на конституции государства с учетом применимых норм международного права в форме международных договоров <...>» [10].

Таким образом, следует констатировать, что международным правом довольно оперативно выработаны некоторые универсальные позиции для государств, которых они должны придерживаться при формировании внутреннего законодательства по вопросам информатизации и цифровизации. Однако все зависит не только от установленных «общих стандартов», но и от степени развития этого направления в конкретно взятой стране.

В России задолго до конституционных поправок 2020 г. система нормативного регулирования начинает откликаться на формирование новых общественных отношений, что подтверждается следующими документами:

1. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002-2010 годы)“» [11]. В результате ее реализации, например, была сформирована инфраструктура электронного правительства, создан и работает, продолжая наполняться новыми возможностями, «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» [12].

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [13], которым были установлены основные понятия, затрагивающие вопросы распространения, хранения информации как офлайн, так и в сети Интернет. Термин «информация», закрепленный в законе, имеет схожие черты с тем, что изложен в указанном выше Модельном информационном кодексе, что может свидетельствовать о проникновении норм внутригосударственного права в международное. Следует заметить, что в России этот термин оказался легально закреплен раньше, чем это произошло в первом и втором Модельных кодексах, это дает возможность предположить, что представленное может являться иллюстрацией сближения национальных начал и международного права и отражение последних во внутригосударственном праве, но через иные механизмы. Иными словами — процесса конвергенции.

3. Доктрина информационной безопасности России, утвержденная Указом Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646, которой уточнено, что «под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности <...>» [14].

4. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203, зафиксировала в пп. «г» п. 4, что «информационное общество — общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан», в п. 17 отмечено, что «международно-правовые механизмы, позволяющие отстаивать суверенное право государств

на регулирование информационного пространства, в том числе в национальном сегменте сети Интернет, не установлены» [15], таким образом, не только на уровне научных изысканий, но и нормативно определена проблема запаздывания правового регулирования относительно скорости развития новых общественных отношений.

5. К изложенному следует добавить, что в 2014 г. благодаря деятельности специалистов ИГП РАН был создан Проект концепции информационного кодекса России. Важнейшими задачами, решаемыми его нормами, являются: конкретизация права граждан на информацию; уточнение вопросов, касающихся ее оборота; установление стандартов, предъявляемых к государственным информационным системам.

По нашему мнению, обозначенные нормативные правовые акты лишь точечно «закрывают» проблему детальной правовой регламентации новой модели государственности.

Е. С. Аничкин отмечает, что единая доктрина, в которой была бы отражена структурно-функциональная характеристика складывающейся модели государственности, пока отсутствует [16, с. 19]. В то же время хотелось бы отметить, что наличие стратегий и доктрин не должно заменять собой качественно проработанных законов, носящих императивную составляющую.

Рассматривая модель государственности, формирующуюся в информационном пространстве, следует заострить внимание на некоторых узловых моментах, имеющих публично-правовой характер, которые, к сожалению, пока так и не нашли своей регламентации в правовом поле.

Во-первых, следует заметить, что в эпоху построения цифрового государства объектом цифровизации становится не только оно само, но и его суверенитет, что ставит «вопрос соотношения «традиционного» вида суверенитета с «новыми» (информационным и неинформационным)» [17, с. 192].

Как справедливо замечает А. А. Ефремов, особенностью правовой категории информационного суверенитета государства является способность государства реализовывать правовое регулирование определенного информационного пространства, которое может быть осуществлено как посредством внутригосударственных норм, так и норм наднационального права [18, с. 211].

Во-вторых, как пишет С. В. Липень, «новые теории, связанные с виртуализацией политической жизни, могут быть противопоставлены традиционным подходам к политико-правовой системе» [19, с. 31]. Появляются новые формы демократии: выражение воли народа посредством информационно-коммуникационных технологий, находящее свой результат в электронном голосовании и электронной петиции.

В-третьих, Е. В. Комбарова обращает внимание на появление такого феномена, как «транспарентность органов государственной власти — обеспечение открытости и доступности информации о решениях и действиях органов государственной власти» [20, с. 15], однако при видимом положительном результате это явление провоцирует цифровое неравенство среди граждан Российской Федерации, так как не все имеют доступ, например, к сети Интернет.

В-четвертых, активное развитие «цифровой экономики» требует ее правовой регламентации, которую представляется возможным осуществить посредством выработки новых нормативных правовых актов, направленных на регулирование формирующихся общественных отношений. Следует добавить, что существует национальный проект «Цифровая экономика», но система его правового регулирования еще только будет разработана, как утверждается на сайте проекта [21]. Вместе с тем интернет-торговля идет, активно работают различные платформы и доля ее относительно офлайна растет.

И наконец, с развитием информационных технологий появились, но до сих пор не решены важнейшие вопросы, касающиеся реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, ввиду того что содержание перечисленных в Главе 2 Конституции РФ прав и свобод существенно трансформировалось и наполнилось новым смыслом.

По идее, речь не идет о появлении абсолютно новых прав (это уточняют В. Д. Зорькин [5], Н. В. Варlamova [22]), которые были бы ранее не известны государствоведению, но необходимость в конституционно-правовом регулировании цифровых прав особо актуализировалась в современный период.

Например, гарантированное Конституцией РФ право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31) приобрело свое цифровое выражение в виде виртуальных митингов и собраний. Право избирать и быть избранным (ч. 2 ст. 32)

тоже трансформировалось, добавив новую возможность своей реализации, выразившуюся в проведении дистанционного электронного голосования. Право на образование (ст. 43) предполагает теперь не только ранее известные формы обучения: очную, очно-заочную и заочную, но и дистанционную. Право на свободу творческой деятельности (ст. 44) теперь может быть выражено и посредством деятельности соответствующего субъекта в интернете (ведение страниц в социальных сетях, представление широкой аудитории фото- и видеоматериалов).

В то же время в связи с вышеизложенным возникает и ряд вопросов, связанных с проявлением внутренней стороны суверенитета государства:

- 1) как обеспечить равенство в реализации этих прав, если не у всех граждан РФ есть доступ к «цифровым инструментам» (компьютеры, смартфоны);
- 2) как ликвидировать противоречие, например, принципа бесплатного доступа населения к образованию и наличие требований о введении того же самого электронного дневника школьника, доступ к которому подразумевает плату за услуги интернет-провайдера;
- 3) как регламентировать и обеспечить право субъекта на «исправление, удаление или прекращение обработки персональных данных по требованию их субъекта при наличии для этого основания» [22, с. 141], т. е. право на забвение;
- 4) каковы пределы контроля информационной среды со стороны государства;
- 5) как обеспечить неприкосновенность частной жизни в сети Интернет.

По мнению Е. С. Аничкина, обозначенные проблемные позиции в условиях повсеместного развития информационных технологий могут быть сведены к основному вопросу, касающемуся «поиска баланса между интересами государства, общества и отдельного человека» [16, с. 21].

Полагаем, нет необходимости создавать новые положения о правах и свободах человека и гражданина в Конституции РФ, которые бы касались цифровой сферы, так как нормы Основного закона традиционно имеют общий характер: для их конкретизации следует использовать отраслевое законодательство, а также возможность обратиться в Конституционный Суд РФ.

Примечательно, что непосредственно в подборках решений на официальном сайте Конституционного Суда РФ не содержится материалов об «информационных правах» или «праве на информацию» [23]. Такого раздела просто-напросто нет. Однако есть, например, Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 18-П, в котором судьи подчеркнули, что в связи с принципиальной трансформацией способов распространения информации «существует необходимость введения в правовое регулирование дополнительных законодательных гарантий защиты чести, достоинства и деловой репутации» [24], что наглядно иллюстрирует потребность в создании массива нормативных правовых актов, конкретизирующих отмеченное Конституционным Судом.

Описанное лишь дискретно фокусирует акценты на имеющихся вопросах, возникающих в конституционном праве под влиянием такого фактора его развития, как цифровизация.

В то же время можно обратить внимание и на изменение предмета конституционного права, расширение его границ, что связано с трансформацией объектов правового регулирования, происходящей под влиянием информатизации и цифровизации общества и государства.

Полагаем, что на фоне прогрессирующей транснациональности цифрового общества есть вероятность заметной универсализации норм конституционного права, происходящей под влиянием международного регулирования прав человека, что связано с выработкой не только национальных, но и наднациональных правил их защиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Послание Президента РФ Путина В. В. 1 марта 2018 года Федеральному Собранию РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 02.05.2025).
2. Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.
3. Об утверждении правил технической эксплуатации первичных сетей взаимоувязанной сети связи РФ : Приказ Госкомитета по связи и информации РФ от 19.10.1998 № 187 // СПС Консультант Плюс. Версия Проф.

4. Масловская Т. С. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 18–22.
5. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая. № 115.
6. Окинавская хартия Глобального информационного общества. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения 02.05.2025)
7. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2013 № 68/167. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/449/49/PDF/N1344949.pdf?OpenElement> (дата обращения 02.05.2025).
8. Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антимонополии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 99–119.
9. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астана 29.05.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения 02.05.2025)
10. Модельный информационный кодекс для государств — участников СНГ от 28.10.2022, принят Межпарламентской Ассамблей государств — участников Содружества Независимых Государств // Официальный портал Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/30 (дата обращения 03.05.2025)
11. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» : Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531.
12. Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.). URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения 03.05.2025).
13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Часть I). Ст. 3448.
14. Об утверждении Доктрины информационной безопасности России : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения 03.05.2025)
15. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
16. Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 19–22.
17. Шафалович А. А. Вызовы конституционному праву в эпоху цифрового государства // Российский конституционализм: научное осмысление и реальность : материалы X Международного конституционного форума, посвященного 100-летию Конституции РСФСР 1918 г., 25-летию Конституции РФ 1993 г., 70-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 2019. С. 190–194.
18. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.
19. Липень С. В. Аспекты виртуализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 1. С. 31–40.
20. Комбарова Е. В. Транспарентность органов публичной власти в условиях формирования информационного общества в России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 15–18.
21. Национальные проекты Российской Федерации. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения 12.05.2025)
22. Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 141–167.
23. Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/lp.aspx> (дата обращения 15.05.2025)
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2013/07/19/ks-gk-dok.html> (дата обращения 15.05.2025).

УДК 347.122
ББК 67.401.032

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Т.В. Телятицкая

Белорусский государственный экономический университет (Минск, Беларусь)

Рассматриваются новые формы и механизмы административного воздействия, возникающие в результате внедрения цифровых технологий, включая автоматическую фиксацию правонарушений, дистанционное исполнение административных взысканий, электронные формы контроля и профилактики. Анализируются особенности правового режима таких мер, в том числе их соответствие принципу презумпции невиновности, соблюдение процессуальных гарантий и необходимость законодательного урегулирования алгоритмических решений. Отдельное внимание удалено правоприменительной практике Республики Беларусь с привлечением сопоставительного материала из законодательства и практики Российской Федерации. Обоснована необходимость классификации форм цифрового административного принуждения и предложены направления модернизации национального законодательства с учетом перспектив использования ИИ и больших данных. Сделан вывод о необходимости нормативного обеспечения принципов прозрачности, верифицируемости и ответственности при реализации удаленного и автоматизированного административного воздействия.

Ключевые слова: административное принуждение, цифровизация, удаленное взыскание, автоматическая фиксация, электронное правосудие, профилактика правонарушений, Беларусь, алгоритмические решения, правовые гарантии

MODERN FORMS OF ADMINISTRATIVE COERCION IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

T.V. TELYATITSKAYA

Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus)

The article examines new forms and mechanisms of administrative enforcement arising from the implementation of digital technologies, including automatic detection of offenses, remote execution of administrative sanctions, and electronic forms of control and prevention. The legal specifics of such measures are analyzed, including their compliance with the presumption of innocence, procedural guarantees, and the need for legislative regulation of algorithmic decisions. Particular attention is paid to the law enforcement practice of the Republic of Belarus, with a comparative analysis of the legislation and practice of the Russian Federation. The article substantiates the need to classify forms of digital administrative coercion and proposes directions for the modernization of national legislation, considering the prospects for the use of AI and big data. It concludes with the necessity of legally ensuring the principles of transparency, verifiability, and accountability in the implementation of remote and automated administrative enforcement.

Keywords: administrative coercion, digitalization, remote enforcement, automatic detection, electronic justice, prevention of offenses, Belarus, algorithmic decisions, legal guarantees

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.9](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.9)

Цифровая трансформация государственного управления представляет собой объективную необходимость, обусловленную динамикой современных вызовов и усилением общественных ожиданий к деятельности органов власти. Она направлена на повышение прозрачности и эффективности управленческой деятельности, оптимизацию взаимодействия государства и общества путем внедрения инновационных информационно-коммуникационных технологий. Одним из ключевых инструментов такого процесса является использование технологий больших данных (BigData), которые позволяют существенно усовершенствовать процедуры планирования, мониторинга и оценки результатов управленческой деятельности благодаря оперативному анализу значительных массивов информации [1].

В Республике Беларусь процессы цифровой трансформации последовательно реализуются в рамках государственной политики по построению электронного правительства и формированию информационного общества. Это отражено в ряде утвержденных программных документов и государственных стратегий. В частности, активно внедряется межведомственная система электронного документооборота, осуществляется перевод государственных услуг в электронный формат, создаются специализированные электронные площадки и порталы, обеспечивающие дистанционное взаимодействие граждан и организаций с органами власти. Эти процессы создают необходимые предпосылки для качественной трансформации государственного управления, в том числе затрагивая сферу обеспечения законности и поддержания правопорядка.

Особую значимость проблема цифровизации административного принуждения приобретает в условиях активного взаимодействия Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза, что обуславливает необходимость «разумной интеграции информационных систем стран-участниц с целью повышения эффективности межведомственного взаимодействия, отвечающего национальным интересам всех государств — участников Союза» [2, с. 63–64] и унификации подходов к правовому регулированию в данной сфере.

Цифровизация государственных функций «демонстрирует высокую эффективность на практике и значительную процессуальную экономию» [3, с. 374] и подразумевает не только автоматизацию текущих административных процессов, но и качественное изменение самого характера и содержания управленческой деятельности, которое требует глубокого осмыслиения и адекватного правового регулирования.

В административно-правовой сфере процессы цифровой трансформации сопровождаются глубокими изменениями, затрагивающими как механизмы реализации административных процедур, так и методы осуществления государственного контроля и надзора [4, с. 40]. Так, в Республике Беларусь был принят Закон от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об административных процедурах», обеспечивающий гражданам гарантированное право на получение государственных услуг. Важной особенностью реализации данного закона является поэтапный перевод соответствующих процедур в электронную форму, осуществляемый посредством единого портала электронных услуг. Это, в свою очередь, существенно трансформирует взаимодействие гражданина с представителями органов власти, переводя его в дистанционную, программно-опосредованную плоскость, позволяющую снизить коррупционные риски. Вместе с тем существенно меняется и характер контроля за соблюдением установленных процедур: если ранее выявление нарушений административных процедур происходило преимущественно в рамках ведомственного либо прокурорского надзора, основанного на жалобах или проверках, то в настоящее время активно внедряются автоматизированные системы мониторинга, которые способны автоматически сигнализировать о нарушении сроков рассмотрения обращений и иных процедурных требований.

Цифровизация также оказывает значительное влияние на методы и формы государственного контроля и надзора. Органы, осуществляющие контрольные и надзорные функции, в частности Министерство внутренних дел, Министерство по чрезвычайным ситуациям, санитарные службы и экологические инспекции, активно внедряют автоматизированные информационные системы и базы данных, позволяющие в режиме реального времени отслеживать ключевые показатели и оперативно выявлять нарушения. Так, Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь активно использует интегрированные электронные датчики систем противопожарной сигнализации, данные с ко-

торых поступают непосредственно на центральные пульты мониторинга, обеспечивая немедленное реагирование при возникновении угрозы. Аналогично налоговые органы используют специализированные аналитические системы для автоматического сопоставления данных финансовой отчетности предприятий и выявления нарушений налогового и валютного законодательства [5, с. 131]. Такой формат позволяет существенно расширить сферу и интенсивность государственного надзора, а часть решений о применении мер административного принуждения принимается уже не только на основе личного усмотрения инспектора, но и исходя из автоматизированного анализа данных с применением алгоритмов, выявляющих «тревожные индикаторы» возможных нарушений.

Существенные изменения происходят и в процедуре административного делопроизводства, где активно реализуется переход на электронный документооборот с использованием электронной цифровой подписи (ЭЦП). В Республике Беларусь такая практика постепенно внедряется не только в рамках судебного производства, но и для административных процедур, осуществляемых вне судебного порядка, что позволяет существенно сократить сроки рассмотрения материалов и повысить оперативность принятия решений. Этот механизм способствует ускорению процедур и повышению оперативности принятия решений по делам об административных правонарушениях. Важную роль в таком процессе играет Единый банк данных о правонарушениях, обеспечивающий оперативный обмен информацией между компетентными органами, что, в свою очередь, позволяет централизованно контролировать исполнение административных взысканий и оперативно реагировать на факты их несвоевременного исполнения.

Эти изменения формируют принципиально новый контекст для реализации мер административного принуждения, поскольку происходит переход от традиционных форм непосредственного взаимодействия должностного лица и правонарушителя к технологиям, которые минимизируют прямой контакт человека и органов власти. Если ранее административное принуждение, как правило, предполагало физическое задержание нарушителя, личное вручение постановления, изъятие документов и другие аналогичные действия, то сегодня оно все чаще реализуется дистанционно, с использованием автоматизированных систем. Примером является система автоматической фото- и видеофиксации нарушений, в частности, в области дорожного движения. В Республике Беларусь на протяжении уже более 10 лет функционируют стационарные камеры контроля скорости, однако в последнее время наблюдается тенденция интеграции этих устройств в единую национальную сеть мониторинга, существенно расширяющую возможности государства по дистанционному выявлению и пресечению правонарушений.

Важным аспектом является планируемое введение механизма автоматического списания штрафов, наложенных на основе данных камер, непосредственно со счетов нарушителей. Переход к автоматическому списанию штрафов напрямую со счетов нарушителей уже рассматривается как ключевой элемент цифрового принуждения, направленного на сокращение сроков исполнения [6].

Использование подобного технологического решения потребует дальнейшего совершенствования законодательства, в частности, изменений в исполнительном производстве и административно-процессуальном регулировании. В настоящее время такие перспективы активно обсуждаются, причем акцентируется внимание на необходимости законодательного закрепления статуса электронных доказательств и процедур автоматического исполнения административных взысканий, что является неизбежным этапом развития национального административно-деликтного права в условиях цифровизации.

Внедрение систем автоматической фиксации правонарушений изменило не только процедуру административного преследования, но и саму правовую природу административного принуждения. Если ранее стандартной практикой считалось, что сотрудник Госавтоинспекции останавливает водителя непосредственно на месте нарушения, составляет протокол об административном правонарушении и вручает его копию правонарушителю, то сегодня подобная схема постепенно вытесняется полностью автоматизированными процессами. Процедура фиксации и взыскания все чаще осуществляется без участия лица и без протокола, на основании данных автоматических систем, что уже закреплено на законодательном уровне. Аналогичная правовая конструкция закреплена и в российском административном законодательстве, в частности в ст. 28.6 Кодекса Российской Федерации об адми-

нистративных правонарушениях, что свидетельствует о сходстве подходов двух стран в данном вопросе. При таком порядке привлечения к ответственности презюмируется виновность собственника (владельца) транспортного средства, если только он не представит доказательства того, что автомобилем управлял другой человек. Данная модель фактически переносит бремя доказывания на владельца транспортного средства, что в доктрине административного процесса рассматривается как потенциальное противоречие принципу презумпции невиновности [7, с. 279].

С внедрением автоматической фиксации административных правонарушений существенно изменились и масштабы применения административных взысканий. Опыт Российской Федерации свидетельствует о том, что подавляющее большинство административных постановлений по линии дорожной полиции теперь выносится на основе данных с автоматических камер. Следует отметить, что аналогичная тенденция складывается и в Беларуси, с учетом расширения сети камер автоматической фиксации и увеличения их технических возможностей. Современные камеры, помимо фиксации скоростных нарушений, способны выявлять такие правонарушения, как проезд транспортного средства без прохождения обязательного технического осмотра (путем автоматического считывания талонов и сопоставления с информацией из базы данных), непристегнутый ремень безопасности, пересечение стоп-линий и другие нарушения дорожных правил. Таким образом, автоматизация административного принуждения достигла уровня, ранее не характерного для административно-карательной деятельности государства.

Неотъемлемым элементом новой процедуры привлечения к ответственности является использование системы электронного уведомления правонарушителей. В условиях автоматического рассмотрения дел, при котором личное вручение постановления не производится, ключевое значение приобретает своевременное и эффективное информирование граждан о наложенных взысканиях. В Республике Беларусь для этой цели уже функционирует специальный электронный сервис уведомлений, размещенный на интернет-порталах органов внутренних дел. Собственники транспортных средств имеют возможность зарегистрироваться в личном кабинете и оперативно получать информацию о штрафах, назначенных по результатам автоматической фиксации нарушений.

Тем не менее автоматическая фиксация правонарушений наряду с очевидными преимуществами порождает ряд правовых и организационных вызовов. Центральной правовой проблемой выступает уже упомянутый перенос бремени доказывания с государства на гражданина, что может входить в противоречие с принципом презумпции невиновности. Дополнительную сложность представляет вопрос обеспечения точности и надежности технических средств фиксации: ошибки в распознавании номерных знаков могут привести к наказанию невиновных лиц, а возможности оперативного и эффективного обжалования таких решений в законодательстве пока недостаточно проработаны. Также активно обсуждается ситуация, когда участие уполномоченного должностного лица сводится к формальному утверждению решений, принятых алгоритмами. В некоторых зарубежных странах, например в отдельных штатах США, действует практика обязательного подтверждения автоматических решений сотрудниками правоохранительных органов, в то время как в Беларуси и России фактически господствует полностью автоматизированный подход.

На сегодняшний день в белорусском законодательстве отсутствует полноценная регламентация статуса электронных доказательств и порядка применения алгоритмических решений в административном процессе. Тем не менее существующие тенденции развития государственного управления в условиях цифровизации указывают на необходимость оперативного устранения данного правового пробела. В связи с этим целесообразно включить в ПИКоАП Республики Беларусь специальные нормы, закрепляющие статус электронного документа как полноценного доказательства, а также детально регламентировать порядок автоматического вынесения постановлений, установив ответственность должностных лиц за ошибки алгоритмов и обязательную верификацию данных сотрудниками перед наложением санкций.

Следует отметить, что современное административное принуждение включает также широкий спектр профилактических и предупредительных механизмов, эффективность которых в условиях цифровой трансформации существенно возрастает благодаря новым технологиям анализа данных и дистанционного мониторинга. Одним из наиболее ярких проявлений данного подхода в Республике Бе-

ларусь является Республиканская система мониторинга общественной безопасности (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09.09.2022 № 234 «О регламенте функционирования республиканской системы мониторинга общественной безопасности»). Эта система интегрирует различные сенсоры и видеокамеры, размещенные в публичных местах и на важных инфраструктурных объектах, сводя их в единую цифровую платформу. В результате государственные органы получают возможность круглосуточного мониторинга ситуации в режиме реального времени для оперативного выявления угроз общественной безопасности и принятия соответствующих мер реагирования. Особенность и новизна данной системы заключается в принудительном подключении к ней частных объектов, таких как торговые центры, спортивные арены и иные места массового пребывания граждан. Собственники таких объектов обязаны предоставить государству доступ к своим камерам видеонаблюдения, что представляет собой новый тип публично-частного партнерства в административно-принудительной сфере. Данное нормативное требование можно рассматривать как новую форму административного принуждения, направленную на профилактику правонарушений [8, с. 4–11].

Еще одним направлением профилактического воздействия выступают автоматизированные системы мониторинга и контроля в различных сферах, например экологическом и санитарном надзоре. Внедрение цифровых датчиков на предприятиях позволяет своевременно выявлять нарушения экологических нормативов и оперативно применять меры административного пресечения. В Беларуси данный подход постепенно реализуется, например, посредством портала электронного экологического мониторинга («Экопортал»).

Отдельного внимания заслуживает применение цифровых профилей рисков при осуществлении государственного контроля и надзора. Подобные системы активно используются налоговыми, таможенными и иными контрольными органами Республики Беларусь и Российской Федерации. Алгоритмический подход к оценке рисков позволяет дифференцировать частоту проверок субъектов хозяйствования, исходя из степени их благонадежности, что, по сути, является элементом административного принуждения. В налоговой сфере использование автоматизированных алгоритмов позволяет предварительно выявлять налогоплательщиков, которые потенциально могут нарушать законодательство, и автоматически инициировать в отношении них принудительные меры, такие как проверки и блокировки счетов, до окончательного выяснения обстоятельств [9, с. 133]. Внедрение риско-ориентированного подхода в контрольной деятельности закреплено, в частности, Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г. № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности».

Особым аспектом цифровизации административного принуждения является возможность применения мер воздействия на расстоянии, без физического присутствия представителей власти. В Республике Беларусь активно обсуждаются перспективы автоматизированного безналичного списания штрафов непосредственно со счетов нарушителей, а также удаленного приостановления деятельности предприятий путем изменения их статуса в электронных реестрах. Аналогично в области интернет-коммуникаций и информационной безопасности реализуются меры удаленной блокировки доступа к противоправным ресурсам через соответствующие предписания Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь.

Активно развивается также электронный контроль исполнения назначенных взысканий, таких как лишение специальных прав (водительских удостоверений, права на охоту), которое фиксируется в электронных базах данных и реализуется посредством автоматического ограничения соответствующих действий. Кроме того, развивается практика проведения административных проверок дистанционным способом с применением видеосвязи, что уже закреплено в законодательстве Республики Беларусь и продолжает совершенствоваться на практике.

Таким образом, цифровизация административного принуждения трансформирует взаимодействие государства и общества, создавая новый режим, при котором гражданин и должностное лицо могут фактически не вступать в прямой контакт, а административное воздействие осуществляется через информационные и технические системы.

Обобщая изложенное, можно заключить, что современные формы административного принуждения, возникшие в условиях цифровой трансформации, представляют собой качественно но-

вое явление, органично сочетающее технические инновации и стратегические задачи обеспечения управляемости и законности в обществе. Эффективное применение цифровых инструментов требует оперативного совершенствования нормативной базы, включая нормы, устанавливающие допустимость и юридическую силу электронных доказательств, а также регламент автоматического вынесения постановлений, порядок их обжалования и верификации. В то же время «внедрение информационно-коммуникационных технологий должно быть разумным, полезным для общества, учитывать существующие и предполагаемые угрозы» [10, с. 53], поскольку «за всеми техническими удобствами разного рода гаджетов скрывается крайне опасная для человечества тенденция — угроза тотального контроля над обществом» [11, с. 208].

Наиболее перспективным направлением представляется принятие отдельного нормативного акта или специализированной главы в ПИКоАП Республики Беларусь, регламентирующей особенности применения мер административного принуждения, реализуемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. В контексте взаимодействия Беларуси и Российской Федерации, особенно в рамках Союзного государства и ЕАЭС, следует учитывать возможность унификации подходов к правовому регулированию цифрового административного принуждения, что позволит обеспечить взаимное признание электронных решений и повысить эффективность совместного правового пространства. В конечном итоге от того, насколько взвешено и грамотно будет организована правовая поддержка новых цифровых форм административного воздействия, будет зависеть не только эффективность государственного управления, но и уровень доверия граждан к органам власти в цифровую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чернявская Ю.А., Лавров А. В. Цифровая трансформация государственного управления в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12, ч. 1. С. 156–162.
2. Отческая Т. И., Афанасьева Т. И., Жукова П. Д. [и др.] Сравнительно-правовое исследование цифровой трансформации органов прокуратуры в странах ЕАЭС // Право и цифровая экономика. 2024. № 1. С. 52–64.
3. Шашкова А. Н., Трещенко Е. В. Цифровизация как одно из приоритетных направлений совершенствования законодательства об административном судопроизводстве // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 26 июня 2024 г. Чебоксары : Среда, 2024. С. 372–374.
4. Федоренко К. П. Ключевые направления цифровизации и автоматизации таможенного контроля // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2023. № 9. С. 39–47.
5. Овчарова Е. В. Влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения и на развитие института административной ответственности (на примере налогового администрирования) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 129–136.
6. Камеры прошьют насквозь // GTO. by. URL: <https://gto.by/news/kamery-proshyut-naskvoz> (дата обращения: 30.05.2025).
7. Шурухнова Д. Н. Цифровые технологии в административной юрисдикции: проблемы правовой регламентации // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 278–280.
8. Лубенков А. В. Государственное принуждение и административная юрисдикция // Вестник Могилевского института МВД. 2022. № 1. С. 4–11.
9. Овчарова Е. В. Алгоритмы как элемент административного процесса: правовая природа и пределы применения // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 129–136.
10. Василевич Г. А. Проблемы антропологизации цифровой среды // Право и цифровые технологии : электронный сборник статей Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 ноября 2023 г. Новополоцк : Полоцкий гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. С. 50–54.
11. Сорокин В. В. Цифровизация права и защиты. Антропология человека // Право и цифровые технологии : электронный сборник статей Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 ноября 2023 г. Новополоцк : Полоцкий гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. С. 208–213.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.34:004.8

ББК 67.408.135 + 32.813.5

ПОНЯТИЙНЫЕ ГРАНИЦЫ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ КАТЕГОРИЙ

Д. А. Зубрик

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Исследуются понятийные границы в сфере искусственного интеллекта, в том числе его систем и технологий, с целью правового разграничения данных категорий. Автор акцентирует внимание на проблеме отождествления терминов «искусственный интеллект», «системы искусственного интеллекта» и «технологии искусственного интеллекта», что приводит к затруднениям при разработке эффективного регулирования. В работе анализируются различные подходы к интерпретации соответствующих понятий в правовых актах Республики Беларусь, Российской Федерации, КНР, США, Японии, ЕС и СНГ. Предлагаются авторские определения искусственного интеллекта, отражающие специфику каждой из категорий. Исследование опирается на философские, юридические и технические подходы к пониманию искусственного интеллекта как метафоры, технологии, системы и научной области.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, технологии, системы, определения, категории, анализ

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF AI: LEGAL ANALYSIS AND CATEGORIZATION

D. A. Zubrik

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

The article explores the conceptual boundaries between artificial intelligence, AI systems, and AI technologies, aiming to legally distinguish these categories. The author highlights the problem of equating the terms “artificial intelligence”, “AI system”, and “AI technologies”, which complicates the development of effective legal regulation. The paper analyzes various approaches of interpretations found in the legislation of Republic of Belarus, Russian Federation, China, the USA, Japan, the EU, and CIS. The author proposes original definitions of artificial intelligence reflecting the specifics of each category. The study is based on philosophical, legal, and technical perspectives of AI as a metaphor, a technology, a system, and a research domain.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, technologies, systems, definitions, categories, analysis

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.10](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.10)

Искусственный интеллект (далее — ИИ) уже стал неотъемлемой частью нашей жизни. В настящее время мы наблюдаем повсеместное внедрение данной технологии во все сферы общественной жизни. Вместе с тем действующее законодательство претерпевает различные изменения, а именно разрабатывается правовая регламентация использования ИИ. Однако следует отметить, что сейчас в доктрине и в законодательстве используются три вида понятий: «ИИ», «системы ИИ» и «технологии ИИ». Основная проблема использования данных понятий заключается в том, что они во многих случаях отождествляются, т. е. между ними ставится знак равенства. Более того, понятия «системы ИИ» и «технологии ИИ» зачастую заменяются понятием «ИИ», а это не совсем верно. Такое отождествление приводит к путанице понятий, что влечет за собой невозможность разработки эффективного правового регулирования данной технологии. В данной статье мы разграничим указанные понятия и приведем свое авторское толкование.

Проанализируем некоторые доктринальные подходы. Так, в своей работе М. И. Забежайло и В. В. Борисов определяют, что понятие «ИИ» интерпретируется в различных вариациях: 1) метафора; 2) устройство, превосходящее возможности человека; 3) совокупность системообразующих технологий; 4) особыя область исследований и разработок [1, с. 6]. Из этого следует, что понятие «ИИ» имеет широкий характер и включает в себя множество факторов. Однако необходимо разобраться с каждой из приведенных вариаций.

1. *Метафора*. Китайский исследователь Цзин Ван отмечает, что основная цель ИИ — достичь человеческого интеллекта, а именно приобрести способность понимания, отличную от понимания причинно-следственных связей. То есть речь идет о понимании чувств и эмоций человека. Однако, подытоживая, автор указывает, что ИИ не способен достичь указанной цели, так как является вычислительной машиной, не способной чувствовать и рассуждать [2]. Аналогичной позиции придерживаются Г. Д. Туленова и Д. Ш. Сагдуллаева. Авторы указывают, что ИИ является одной из задач использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но при этом не ограничивается биологическими возможностями человека [3, с. 1864]. Из этого можно понять, что ИИ как метафора выступает в качестве возможности имитации работы человеческого мозга. То есть это свойство машины выполнять те задачи, которые изначально были отнесены только к человеческой функции.

Следует отметить, что ИИ как метафора является собирательным понятием и включает в себя общие аспекты понимания данного понятия. К примеру, В. А. Лаптев определяет, что ИИ является моделируемой интеллектуальной деятельностью человека [4, с. 82]. Более широкое понятие ИИ в общем смысле приводит Д. М. Глуздов. Автор определяет, что ИИ — это теория и методы создания компьютерных программ, способных выполнять когнитивную работу, соответствующую той, которую выполняет человеческий мозг [5]. Исходя из этих двух понятий, можно сделать вывод, что ИИ — в общем понимании — представляет собой совокупность средств и методов, которые используются для выполнения интеллектуальных задач, изначально присущих человеку. Однако следует отметить, что сейчас ИИ выполняет множество задач, которые человек по своей природе выполнить не может в силу биологических возможностей. Поэтому мы предлагаем следующий вариант понятия ИИ в общем смысле: «ИИ — это совокупность методов и средств, использующихся для выполнения когнитивных задач».

2. *Устройство, превосходящее возможности человека*. С нашей точки зрения, понятие «устройство» следует заменить на понятие «технология». Это объясняется тем, что устройство подразумевает совокупность технических средств. В то же время понятие «технология» может включать в себя различные устройства. Свою позицию мы аргументируем тем, что, согласно англо-русскому словарю, технологии ИИ — это технологии, которые включают в себя ряд таких возможностей, не свойственных человеку: 1) роботизация; 2) машинное обучение; 3) машинное зрение; 4) обработка естественного языка [6]. То есть данное понятие подчеркивает тот факт, что ИИ является одним из средств реализации тех функций, которые человек по своей природе выполнить не может.

Следует указать, что понятие «технологии ИИ» также закрепляется в законодательстве ряда государств. Так, в Законе Японии от 14 декабря 2016 г. № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов» (далее — Закон Японии), а именно в п. 2. ст. 2, указано, что «технология, связанная с ИИ, — это технология для реализации таких интеллектуальных функций, как обучение, умозаключение и суждение, воплощаемых с помощью искусственных средств и использова-

ния соответствующих функций, реализуемых с помощью искусственных средств» [7]. В данном случае японский законодатель в своем понятии определяет, какие функции выполняет ИИ. С нашей точки зрения, такой подход позволяет сегментировать перечень выполняемых задач ИИ. Более того, такое раскрытие понятия позволяет ограничить данное понятие от других смежных.

Но следует указать, что данное понятие содержит и отрицательные моменты. В частности, речь идет о том, что при раскрытии понятия используется тавтология «технология ИИ — это технология». Такое разъяснение имеет место в законодательном акте при условии, если отдельно приводится понятие «технология». Для чего нужно это делать? Таким образом любому человеку, читающему законодательный акт, будет понятно, что именно относится к технологии, тем самым сократится возможность неверного толкования законодательных актов.

В ст. 33 Временных мер по администрированию услуг генеративного искусственного интеллекта в Китае указано, что технология генеративного ИИ относится к моделям и связанным с ними технологиям, которые способны генерировать контент, такой как текст, изображения, аудио и видео [8].

В Российской Федерации технологии ИИ определяются как технологии, основанные на использовании ИИ (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта) [9]. Российский законодатель, как и японский, раскрывает понятие через тавтологию. Однако, в отличие от японского законодателя, российский в своем понятии дает уточнение, какие именно виды технологий ИИ попадают под регулирование данного понятия.

Понятие «технологии ИИ» содержится также в Решении коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2015 г. № 173 «Об утверждении Правил классификации медицинских изделий в зависимости от потенциального риска применения». Здесь указывается, что технологии ИИ — это технологии, основанные на использовании ИИ, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и другие перспективные направления [10]. Здесь также можно отметить тенденцию использования тавтологии для раскрытия понятия. Нам же видится, что такое использование не раскрывает сущность технологической стороны технологии ИИ, тем самым создает проблемные аспекты для правового регулирования технологии ИИ, так как не совсем понятно, что именно можно считать технологией. С нашей точки зрения, в целях сокращения понятийного аппарата в отношении понятия «технологии ИИ» следует использовать «комплекс программно-технических средств». Таким образом подчеркивается сущность самих технологий ИИ.

В Модельном законе Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 18 апреля 2025 г. «О технологиях искусственного интеллекта» (далее — Модельный закон) определяется, что технологии ИИ — это технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, визуальное восприятие, интеллектуальную поддержку принятия решений, перспективные методы искусственного интеллекта, нейронные сети, а также другие подобные технологии, которые способны имитировать когнитивные функции человека [11]. Здесь также можно отметить, что понятие технологии ИИ раскрывается через тавтологию.

Что касается белорусского законодательства, то в приложении 2 к Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» (далее — Постановление) указано, что искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [12]. Можно сказать, что данное понятие раскрывается через призму выполняемых функций, но при этом конкретизируется, что именно используется при реализации указанных функций.

С нашей точки зрения, под технологиями ИИ следует понимать комплекс программно-технических средств, включающих в себя совокупность методов, инструментов и алгоритмов, работаю-

ших во взаимосвязи и направленных на реализацию интеллектуальных функций, воплощающихся при помощи ИИ.

3. *Совокупность системообразующих технологий*. Исходя из приведенного термина, можно сделать вывод, что речь идет о системах ИИ.

Стоит указать, что зачастую понятие системы ИИ подменяют общим понятием ИИ, которое мы ранее рассмотрели как метафору. В связи с этим важное значение приобретает разграничение данных понятий. К примеру, с точки зрения И. В. Понкина и А. И. Редькиной, ИИ — это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия» [13, с. 94–95]. П. М. Морхат также определяет, что «ИИ — это полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая система, наделенная или обладающая определенными способностями и возможностями [14, с. 69]. Необходимо также упомянуть определение, предложенное М. С. Абламейко. Автор указывает, что ИИ — это «мультимодальная интеллектуальная компьютерная система принятия решений, которая на основе входных данных, используя самообучающие технологии, получает результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, функционируя в определяемом правовом поле» [15]. По нашему мнению, данные понятия имеют место, однако необходимо понимать, что здесь исследователи рассматривают ИИ как систему. Соответственно использовать формулировку «понятие ИИ» в данном случае не совсем корректно.

Рассмотрим, как определяется понятие «системы ИИ» в законодательстве разных стран. В законодательстве США нет единого подхода к толкованию понятия «системы ИИ». Свою позицию законодатель аргументирует тем, что системы ИИ выполняют широкий перечень функций, поэтому невозможно все урегулировать одним понятием. В своей деятельности НАСА использует пять понятий систем ИИ, закрепленных в Указе от 3 декабря 2020 г. № 13960 «Содействие использованию надежного искусственного интеллекта в федеральном правительстве» [16].

1. «Любая искусственная система, которая выполняет задачи в изменяющихся и непредсказуемых обстоятельствах без существенного человеческого контроля или которая может учиться на опыте и повышать производительность при воздействии наборов данных». 2. «Искусственная система, разработанная в компьютерном программном обеспечении, физическом оборудовании или другом контексте, которая решает задачи, требующие человеческого восприятия, познания, планирования, обучения, общения или физических действий». 3. «Искусственная система, созданная для того, чтобы думать и действовать как человек, включая когнитивные архитектуры и нейронные сети». 4. «Набор методов, включая машинное обучение, предназначенный для аппроксимации когнитивной задачи». 5. «Искусственная система, предназначенная для рационального действия, включая интеллектуального программного агента или воплощенного робота, который достигает целей, используя восприятие, планирование, рассуждение, обучение, общение, принятие решений и действие» [17]. Можно сказать, что американский законодатель всесторонне подошел к проработке данного понятия. Однако, несмотря на такое множество подходов к толкованию, американский законодатель раскрывает понятие систем ИИ через слова «искусственная система». В связи с этим возникает вопрос, что именно закладывается в понятие «искусственная система». Нам же видится, что в данном случае подразумевался комплекс программ и средств, которые выполняют поставленные задачи.

В Постановлении Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 14 апреля 2023 г. № 55–23 «О Рекомендациях по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок» (далее — Постановление СНГ) определено, что системы ИИ — множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, которая содержит ИИ [18]. В данном понятии подчеркивается, что система состоит из множества взаимосвязанных элементов, которые содержат ИИ. Исходя из этого, можно понять, что в определении используется тавтология «системы ИИ — это ИИ». С нашей точки зрения, такой подход к раскрытию понятия возможен при условии, если будет отдельно раскрыто понятие ИИ.

В Регламенте Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающем гармонизированные правила в отношении ИИ (далее — Регламент), определено, что система ИИ — это «машина система, которая разработана для работы с различными уровнями автономности, которая может демонстрировать адаптивность после развертывания и которая для явных или неявных целей делает выводы на основе получаемых ею входных данных о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду» [19]. Здесь также мы можем заметить, что понятие раскрывается через тавтологию «система ИИ — это система». Однако в дальнейшем в понятии раскрываются функции и задачи, выполняемые системами ИИ. С нашей точки зрения, следовало бы разъяснить, что подразумевает машинная система, поскольку именно это является определяющим фактором для осуществления правового регулирования.

Следует упомянуть, что в Пояснительной записке об ИИ Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) указывается, что системы ИИ — это машинная система, которая для явных или неявных целей делает выводы из получаемых ею входных данных о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду [20]. Можно сказать, что в данном понятии упор делается на функции, которые выполняют системы ИИ.

По нашему мнению, под системами ИИ следует понимать комплекс элементов и средств, работающих во взаимосвязи и в определенной последовательности, направленных на решение конкретных задач, при этом имитируя когнитивные функции человека.

4. *Особая область исследований и разработок.* Необходимо указать, что ИИ является многоаспектной научной дисциплиной. В данном случае речь идет о том, что при разработке ИИ используются математические и алгоритмические основы, присущие точным наукам. В то же время, поскольку ИИ выполняют задачи, связанные с интеллектуальной деятельностью человека, ИИ неразрывно связан с гуманитарными и социальными науками.

В Стенфордской энциклопедии философии указывается, что ИИ — это область, посвященная созданию искусственных существ (в контексте могут быть животные или люди) [21]. В работе С. Рассела и П. Норвига ИИ определяется как область, которая направлена на создание рациональных действий и состоит из четырех методов: мыслить по-человечески, поступать по-человечески, мыслить рационально и действовать рационально [22, с. 21–22].

В.И. Евсеев определяет, что основная задача ИИ — это сформировать адекватное моделирование работы человеческого мозга. В свою очередь, автор подчеркивает, что ИИ — это научное направление, которое ставит перед собой следующие цели: 1) моделирование процессов познания и мышления человека; 2) использование применяемых человеком методов решения задач; 3) разработка методов автоматизированного поиска решений интеллектуальных творческих задач; 4) разработка диалоговых программно-аппаратных средств имитирования интеллекта [23, с. 26]. Исходя из анализа приведенных выше точек зрения, можно сделать вывод, что при рассмотрении ИИ как особой области исследования и разработок важное значение приобретает изучение ИИ как инструмента, эквивалентного работе человеческого мозга и выполняющего интеллектуальные задачи.

Таким образом, делается вывод, что ИИ можно рассматривать в нескольких вариациях: 1) метафора (общее понимание ИИ) — совокупность методов и средств, использующихся для выполнения когнитивных задач. В данном понятии ИИ изучается в общем смысле без привязки к технической составляющей; 2) технология ИИ — комплекс программно-технических средств, включающих в себя совокупность методов, инструментов и алгоритмов, работающих во взаимосвязи и направленных на реализацию интеллектуальных функций, воплощающихся при помощи ИИ; 3) система ИИ — комплекс элементов и средств, работающих во взаимосвязи и в определенной последовательности, направленных на решение конкретных задач, при этом имитируя когнитивные функции человека. Важно отметить, что системы ИИ могут включать в себя технологии ИИ, т. е. понятие «системы ИИ» шире понятия «технологии ИИ»; 4) особая отрасль исследований — изучение ИИ как инструмента, эквивалентного работе человеческого мозга и выполняющего интеллектуальные задачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Забежайло М. И., Борисов В. В. Об интерпретациях понятия «искусственный интеллект» // Речевые технологии. 2022. № 1. С. 5–18.
2. Wang J. Is Artificial Intelligence Capable of Understanding? An Analysis Based on Philosophical Hermeneutics // Cultures of Science. 2021. Vol. 4 (3). P. 135–146.
3. Tulenova G. J., Sagdullaeva D. S. A Philosophical Approach to the Problem of Artificial Intelligence // Journal of Pharmaceutical Negative Results. 2022. Vol. 13. P. 1864–1867.
4. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
5. Глуздов Д. В. Философия искусственного интеллекта и философия науки // Журнал философских исследований. 2021. №. 1. С. 32–42.
6. Англо-русский толковый словарь по профессиональному интеллекту и робототехнике // Флибустиа. URL: <https://flibusta.su/book/38568-anglo-russkiy-tolkovyiy-slovar-po-iskusstvennomu-intellektu-i-robotote/> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization № 103 of December 14, 2016 // Japanese Law Translation Database System. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2975> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Временные меры по администрированию услуг генеративного искусственного интеллекта // Office of the Central Cyberspace Affairs of China. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 15.05.2025).
9. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 233-ФЗ // СПС Гарант.
10. Об утверждении Правил классификации медицинских изделий в зависимости от потенциального риска применения : Решение Коллегии Евраз. эконом. комис. от 22.12.2015 № 173 (ред. от 18.02.2025 № 18 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система.
11. Модельные кодексы и законы // Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 15.05.2025).
12. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21.04.2023 № 280 (ред. от 01.03.2024 № 140 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система.
13. Понкин И. В., Редъкина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109.
14. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография. М. : Буки Веди, 2017. 257 с.
15. Абламейко М. С. Этические и правовые аспекты применения технологий искусственного интеллекта с учетом международного опыта // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=u02400320b> (дата обращения: 15.05.2025).
16. Promoting the Use of Trustworthy Artificial Intelligence in the Federal Government № 13960 of December 3, 2020 // Federal Register. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/12/08/2020-27065/promoting-the-use-of-trustworthy-artificial-intelligence-in-the-federal-government> (дата обращения: 19.05.2025).
17. What is Artificial Intelligence? // NASA. URL: <https://www.nasa.gov/what-is-artificial-intelligence/#:~:text=Defining%20Artificial%20Intelligence&text=An%20artificial%20system%20developed%20in,%2C%20communication%2C%20or%20physical%20action> (дата обращения: 19.05.2025).
18. О Рекомендациях по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок : Постановление Межпарламент-

ской ассамблеи государств — участников СНГ от 14.04.2023 № 55–23 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система.

19. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32024R1689> (дата обращения: 15.05.2025).

20. Explanatory memorandum on the updated OECD definition of an AI system // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/explanatory-memorandum-on-the-updated-oecd-definition-of-an-ai-system_623da898-en.html (дата обращения: 16.05.2025).

21. Artificial Intelligence // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/artificial-intelligence/#WhatExacAI> (дата обращения: 15.05.2025).

22. Russell, S. J., Norvig, P. (2010). Artificial Intelligence: A Modern Approach (3th ed.). 1152 p.

23. Евсеев, В. И. Искусственный интеллект в современном мире: надежды и опасности создания и использования // Аэрокосмическая техника и технологии. 2023. Т. 1, № 1. С. 16–34.

УДК 343.1:004.8
ББК 67.410.1

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ГРАНИЦЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

М. Ю. Порохов, Е. М. Кузнецова

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Рассматривается проблема соотношения судебного усмотрения и применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в гражданском судопроизводстве, в частности — в упрощенном и приказном производстве. Авторы анализируют правовую природу судебной дискреции, выделяя ее как межотраслевой феномен, связанный с оценочными категориями права и сложностью правоприменения. Подчеркивается, что полноценная замена судьи алгоритмом невозможна при наличии спора о праве и необходимости оценки доказательств. В то же время показано, что использование ИИ в приказном производстве, где отсутствует спор и оценка доказательств, может быть оправдано как средство оптимизации и разгрузки судов. На основе сравнительного анализа отечественного и зарубежного опыта делается вывод о допустимости ограниченного применения ИИ в формализованных процедурах, при сохранении за судьей полномочий по контролю и правовой оценке. В частности, отмечается, что даже в приказном производстве сохраняется элемент дискреции при оценке наличия спора о праве. Авторы обосновывают необходимость дифференцированного подхода к применению ИИ в зависимости от сложности дела и значимости оценочных понятий. Предлагается модель гибридного правосудия, в которой ИИ выполняет вспомогательные функции, не подменяя интеллектуальной деятельности судьи.

Ключевые слова: судебное усмотрение, искусственный интеллект, гражданский процесс, упрощенное и приказное производство, автоматизация правосудия

JUDICIAL INTERPRETATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL PROCEEDINGS: BOUNDARIES AND ENFORCEMENT PROSPECTS

M. Yu. Porokhov, E. M. Kuznetsova

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)

The article examines the problem of the relationship between judicial discretion and the use of artificial intelligence (AI) technologies in civil proceedings, particularly in simplified and order proceedings. The authors analyze the legal nature of judicial discretion, highlighting it as an interdisciplinary phenomenon related to the evaluative categories of law and the complexity of law enforcement. It is emphasized that a full-fledged replacement of a judge by an algorithm is not possible in the presence of a dispute over law and the need to evaluate evidence. At the same time, it is shown that the use of AI in order proceedings, where there is no dispute and no assessment of evidence, can be justified as a means of optimizing and unloading the courts. Based on a comparative analysis of domestic and foreign experience, it is concluded that the limited use of AI in formalized procedures is permissible, while the judge retains the authority to control and assess the legal situation. In particular, it is noted that even in order proceedings, there is an element of discretion.

Keywords: judicial discretion, artificial intelligence, civil proceedings, simplified and order proceedings, and automation of justice

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.11)

В условиях сложности и многообразия современных общественных отношений нечасто встречаются ситуации, в которых диспозиция правовой нормы может быть применена к жизненной ситуации с абсолютной точностью. В случаях, когда законодательное регулирование оказывается неполным или противоречивым, а аналогия закона и аналогия права не обеспечивает должного восполнения пробела, суд сталкивается с необходимостью выбора между несколькими допустимыми с правовой точки зрения решениями. При этом каждое из них может соответствовать таким основополагающим началам, как законность, обоснованность, справедливость и разумность. В подобных ситуациях судья, всесторонне и объективно исследовав обстоятельства дела, реализует свое право принять решение, руководствуясь внутренним убеждением и опираясь на собственное усмотрение.

Судейское усмотрение, безусловно, явление многозначное, и сложность его понимания обусловлена различными описывающими его критериями. Судейское усмотрение или судейскую дискрецию можно определить как форму умственной деятельности судьи; как форму правосознания; как юридический факт, влияющий на судебные правоотношения; как межотраслевой институт права. Так или иначе, для понимания термина «судейское усмотрение» необходимо установление не столько его родового понятия, сколько его сущностных критериев и оснований для применения судьей. К таким основаниям следует отнести «неясные правила, изложенные в законодательстве; противоречия между нормами разной отраслевой принадлежности; неурегулированность отношений, ставших предметом судебного разбирательства; предписания закона; оценочные законодательные понятия и иные обстоятельства, объективно вызывающие судейское усмотрение» [1, с. 12–13].

Существует подход к пониманию судейского усмотрения, содержание которого не противоречит перечисленным критериям, — под ним следует понимать «специфический вид правоприменительной деятельности, которому присуща интеллектуальная деятельность по поиску наилучшего решения в конкретной ситуации» [2, с. 15]. Искусственный интеллект (далее — ИИ) для целей гражданского процесса должен осуществлять аналогичную функцию — найти оптимально применимый ответ и решение для поставленной задачи. Так, значения рассматриваемых понятий в данном случае во многом синонимичны. Следовательно, возникает вопрос о возможности формирования нового явления, существующего и функционирующего параллельно дискреционным судейским полномочиям, — технологии ИИ (возможно, и заменяющего их). Ответ на данный вопрос также кроется и в плоскости того, насколько судье необходимо и целесообразно пользоваться дискреционными полномочиями при рассмотрении и разрешении конкретного дела и каково реальное влияние таких полномочий на вынесенное решение.

При этом некоторые иностранные государства уже активно используют технологии ИИ не только для помощи в работе судей, но и в процессе составления текста процессуальных документов. Однако необходимо отметить следующую особенность зарубежных правопорядков: одной из главных целей применения ИИ является унификация судебной практики. В этой связи, например, исторически в процессе формирования правовой системы во Франции судейское усмотрение воспринималось даже с неприязнью [3, с. 339], в связи с чем на современном этапе к данному институту отношение достаточно сдержанное. В КНР же целью привлечения ИИ к судопроизводству является в том числе резкое ограничение судейского усмотрения [4, с. 246]. В частности, в Китае «единобразие судебного усмотрения при рассмотрении дел остается проблематичным: решения выносятся более чем 3500 судами различных уровней; потенциально подобные дела с похожими фактическими обстоятельствами могут иметь различные правовые интерпретации» [5, р. 318]. В этой связи применение ИИ в «умных судах» направлено на «стандартизацию судебного усмотрения и содействию судебному равенству в различных регионах» [5, с. 319]. При этом критиками отмечается, что «судьи придерживаются рекомендаций ИИ с целью избежать необходимости оспаривать систему, даже если ИИ выбирает менее подходящий справочный материал или закон для данного дела» [6].

Российский законодатель и правоприменитель, хотя и не поощряют произвольное расширение пределов использования дискреционных полномочий судей, но при этом отмечают ценность и не-

обходимость такого «инструмента» в руках судьи [7], а также устанавливают легальные основания для его применения (в частности, ст. 333 ГК РФ, ст. 67 ГПК РФ и др.). Именно поэтому тезис о невозможности полной замены судьи искусственным интеллектом в гражданском судопроизводстве в России не раз высказывался в научной дискуссии. С таким суждением сложно не согласиться, поскольку в целом решение исхода гражданских дел единолично ИИ приведет к обесцениванию «человеческого фактора» судьи и формальному подходу к рассмотрению и разрешению дел, что, на наш взгляд, можно приравнять к нивелированию правосудия.

Однако указанный вывод применим лишь в части полноценного и непосредственного процесса рассмотрения и разрешения исковых дел по существу. Говоря же о более простых, сокращенных или «усеченных» формах судопроизводства (в частности, упрощенное, заочное и приказное производство), то использование при их разрешении механизмов ИИ на данный момент стоит определить как перспективную траекторию оптимизации судебной нагрузки.

Говоря об упрощенном производстве, необходимо подчеркнуть, что в данном случае судебное заседание не проводится, отсутствует вызов сторон в суд и, следовательно, отсутствует любой элемент устности; рассмотрение дел происходит лишь по представленным письменным доказательствам; установлены ограничения при принятии некоторых иных видов доказательств (например, показаний свидетелей, заключений эксперта и др.). Кроме этого, суд также освобожден от необходимости составлять мотивированную и описательную часть решения без соответствующего заявления стороны спора. Более того, исследователями отмечается, что подобный судебный акт, «не содержащий указаний на установленные судом факты и правоотношения, а также анализа и оценки представленных сторонами доказательств и документов, обосновывающих заявленные требования и возражения, не может быть приравнен к судебному решению, принятому в рамках ординарной процедуры в полном объеме, несмотря на их формально одинаковую силу» [8, с. 38].

Так, подобные изъятия из ординарной процедуры рассмотрения дел, с одной стороны, действительно свидетельствуют о низкой активности судьи-человека, что приводит к мысли о возможности замены его функцией ИИ. В таком случае можно предположить ситуацию, когда на ИИ возлагается необходимость подготовки лишь резолютивной части судебного решения, в которой надлежит указать только ключевые выводы суда об удовлетворении требований, порядок взыскания и размеры судебных расходов, а также порядок исполнения решения, в то время как составление полного мотивированного акта будет осуществлено судьей по заявлению лиц, участвующих в деле, или в случае апелляционного (кассационного) обжалования вынесенного решения.

С другой стороны, исходя из сущности упрощенного производства, мы понимаем, что речь идет о наличии спора о праве. Такая судебная процессуальная процедура не отделяется от общегражданского порядка и осуществляется в рамках единой процессуальной формы. В ее основе лежит «идея нерациональности полномасштабного производства» [8, с. 20], но никак не неоспоримости и формальности требования. Вместе с тем законодательно все же закреплена возможность активного участия судьи применительно к упрощенной форме судопроизводства. Так, согласно п. 2 ст. 232.2 ГПК РФ по инициативе суда в порядке упрощенного производства могут быть рассмотрены иные дела, прямо не указанные в законе (при согласии сторон и соответствии иным требованиям, перечисленным в Кодексе). Указанное положение демонстрирует, что основанием отнесения требования к рассмотрению по упрощенной процедуре является усмотрение судьи. Более того, по смыслу п. 4 указанной статьи обоснованность перехода из упрощенной формы в исковое производство самостоятельно также определяет судья. При этом, если судья оценит представленные доказательства как недостаточные (субъективная категория) для подтверждения позиции стороны, он вправе предложить сторонам как представить дополнительные доказательства, так и перейти к рассмотрению дела по общим правилам исковой формы (при этом основанием для перехода к исковому производству может служить также инициатива судьи о необходимости проведения осмотра, исследования доказательств по месту их нахождения, устного заслушивания свидетельских показаний или назначения экспертизы). Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ суд принимает доказательства по делу, если сроки их представления были пропущены по уважительным причинам. Поскольку перечень причин, признанных уважительными, не является исчерпывающим, его конкретизация оставлена на усмотрение суда.

В этой связи вывод о возможности наделения судейскими функциями (не полномочиями) ИИ по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, в России, на наш взгляд, хоть и перспективен, но является преждевременным ввиду необходимости использования судом инструмента дискреции. Фактически можно говорить о том, что чем шире возможности использования ИИ в гражданском процессе, тем меньше остается места для судейской дискреции.

Тезис о возможности замены дискреционных полномочий ИИ так же спорен и в заочном производстве, проводимом в случае неявки ответчика по правилам, предусмотренным гл. 22 ГПК РФ. В отличие от упрощенного производства, формой рассмотрения судебного разбирательства при заочном производстве является судебное заседание, в рамках которого проводится исследование представленных доказательств, а также учет доводов лиц, участвующих в деле. В этой связи взаимодействие с людьми, принимающими участие в судебном процессе, требует человеческого фактора. Более того, в обязанности судьи входит подготовка полного решения суда, состоящего в том числе из описательной и мотивированной частей. Следовательно, такие процессуальные действия требуют использования судьей своих профессиональных навыков, подготовки и опыта и при необходимости — собственного усмотрения, имитация которого машиной невозможна.

По-иному дело обстоит с приказным производством, которое осуществляется без судебного разбирательства, только по бесспорным требованиям. Быстро получившее распространение и признание как функционально обособленный самостоятельный институт системы, оно представляет собой упрощенный судебный процесс, не имеющий «споры о праве». В связи с небольшим размером заявленных требований, фактической бесспорностью этих требований, отсутствием необходимости вызова сторон, рассмотрения доказательств и заслушивания объяснений участников процесса функции судьи в приказном производстве в конечном итоге сводятся к достаточно рутинным и механическим действиям, а именно в вынесении и выдаче судебных приказов на основании документов, предоставленных взыскателем (кредитором). В связи с этим применение ИИ в данном виде судопроизводства могло бы способствовать, безусловно, оптимизации процесса, так как освобождает судью «от рутинных, шаблонных дел, чтобы он сосредоточился именно на тех делах, где присутствует "чистый судебный спор", который требует именно человеческого интеллекта и высшей квалификации» [9, с. 82]. Ввиду достаточно формальной сущности данного вида судопроизводства, а также колossalной занятости мировых судей в России уже были предприняты попытки внедрения ИИ в приказное производство. В целях разгрузки к трем судебным участкам Белгородской области ИИ подключили для подготовки судебных приказов по взысканию налогов (имущественного, транспортного и земельного) с граждан [10]. ИИ в этом процессе занимался проверкой реквизитов и перенесением информации об участниках процесса и предмета взыскания, созданием карточек дел и подготовкой иных документов. При этом судья лишь подписывал судебный приказ, что значительно упрощало указанную процедуру, не влияло на качественную составляющую рассмотрения взысканий и не требовало судейского усмотрения. В Амурской области на основе технологии ИИ был разработан конструктор судебных приказов «Магис», необходимый для автоматизированного переноса информации о взыскателях в сводную базу данных, автоматического формирования документов [11]. Однако, так или иначе, судья продолжает осуществлять проверку «работы» перечисленных технологий, причем на предмет не только корректности внесенных сведений, но и формальной обоснованности и верности заявленного требования. Указанные механизмы тестируются и в других регионах.

Подобные инициативы подтверждают шаблонность принятия решений по данному виду судопроизводства, а также необходимость его оптимизации (в том числе посредством применения технологий ИИ) ввиду низкой активности судьи в нем. Кроме того, авторами выдвигается тезис о том, что требования приказного производства являются «очевидным примером недостойных правосудия категорий дел». Подобное отношение законодателя, правоприменителя и представителей науки к рассматриваемой процедуре, примитивный способ отмены судебного приказа детерминируют более реальную перспективу осуществления ИИ приказного производства, нежели такую замену в упрощенном производстве: необходимо понимать, что последнее все же является состязательным процессом и предполагает учет доводов сторон и оценку представленных доказательств.

Однако, на наш взгляд, такой вывод не совсем корректен и верен лишь отчасти, и говорить о полном отсутствии дискреционных полномочий судьи в приказном производстве нельзя.

Так, в соответствии со ст. 125 ГПК РФ одним из оснований вынесения мировым судьей определения об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа является «усмотрение наличия спора о праве», что исходит из заявления взыскателя и представленных документов. Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ, в таком случае «лицо вправе обратиться в суд в порядке искового производства с указанием на то, что в принятии заявления о выдаче судебного приказа отказано» (п. 21) [12]. Уже при обращении лица с иском в суд последний вправе возвратить исковое заявление, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства; в определении о возвращении искового заявления в данном случае судья укажет на необходимость обращения лица с заявлением о выдаче судебного приказа в мировой суд (ст. 135 ГПК РФ). При этом законодателем не установлено предельное количество подобных «возвратов» — получается, что один судья может отказать в принятии заявления, поскольку усмотрел наличие спора, вытекающего из различных правоотношений, а другой судья увидел бесспорное требование, подлежащее возвращению стороне с указанием об обращении за судебным приказом. В связи с чем еще на стадии принятия заявления к производству присутствует доля судейских дискреционных полномочий, предопределяющих само существование бесспорного требования. Такая ситуация может усложняться и оценкой «степени спорности» заявленных требований — небезосновательно отмечается, что, несмотря на наличие разъяснений Пленума ВС РФ [12], «отсутствуют четкие параметры, по которым можно установить критерий бесспорности требований» [13, с. 218]. ИИ, напротив, не способен корректно оценить требование на предмет его бесспорности, именно поэтому судья в любом случае будет вынужден «перепроверять» законность и обоснованность принятия заявления или отказа в его принятии.

Вместе с тем необходимо отметить, что сложность проверки обоснованности заявленного требования зависит от его конкретной категории. Так, требования о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей основаны на простом фактическом составе и предполагают понятный алгоритм такой проверки: он обеспечивается соотнесением данных из ЕГР ЗАГС с основаниями, представленными кредитором. С учетом открытости и достоверности информации публичного реестра и отсутствия в данном случае возможностей для проявления судейского активизма представляется, что ИИ вполне под силу справиться с поставленной задачей. Вариативность правоотношений, ставших предметом судебного разбирательства, нуждается в персональном контроле и активной судейской дискреции. В этой связи представляется проблематичным вывод подобных требований из компетенции судьи и их передача автоматизированному алгоритму.

Не только ГПК РФ, но и процессуальные кодексы других стран содержат положения о различных формах упрощенных производств. При этом в большинстве иностранных правопорядков термином «упрощенные производства» охватываются и не разграничиваются по аналогии с российским подходом в целом все специальные процедуры, связанные с рассмотрением дел с небольшой ценой иска, производства при отсутствии сторон, по бесспорным требованиям и др.

Нормы отдельных иностранных правопорядков применительно к приказному производству свидетельствуют о формальном подходе к такой деятельности суда. В частности, в ст. 12 Регламента ЕС № 1896/2006 «О введении европейского приказного производства» указано, что приказ выносится только на основе данных, указанных кредитором в заявлении, а также о том, что проверка обоснованности требований заявителя не проводится [14]. В этой связи, например, в Германии и Венгрии уже давно осуществлена полноценная автоматизация приказного производства [15]. В Верховном суде г. Сакраменто, штат Калифорния, функционирует Formal Order After Hearing (FOAH) — система электронного документооборота, «которая позволяет сократить время для подготовки приказа и получения его сторонами до нескольких минут; автоматизированное web-приложение также создано для электронных судебных приказов в Верховном суде Сан-Бернардино и др. [15]. Такие примеры показывают как формальное отношение зарубежного законодателя к процедуре по выдаче судебного приказа, так и очевидную тенденцию к минимизации дискреционных полномочий судьи; причем указанная тенденция детерминирует вовлечение автоматизированных систем и механизмов, в том числе ИИ, в приказном производстве.

При этом зарубежная практика свидетельствует все же о наличии дискуссии по поводу глубины проверки судом обстоятельств каждого конкретного дела и о пределах судебского активизма [16, с. 53].

Так, иностранному правоприменению известны и изъятия из указанных выше общих правил. В частности, в Решении Европейского Суда по объединенным делам от 19 декабря 2019 г. C-453/18 и C-494/18 «Bondora AS против Carlos V. C. и XY» кредитор требовал вынесения платежного поручения (судебного приказа) об уплате выданной должнику (потребителю) ссуды. Однако судья запросил у кредитора предоставления основного договора ссуды для определения наличия или отсутствия в соглашении условий, нарушающих равенство контрагентов в пользу взыскателя (при этом испанским национальным законодательством и процессуальными регламентами ЕС предоставление договора, служащего условием для подачи заявления в суд, не предусмотрено, но такое требование фигурирует в Директиве Совета Европейских Сообществ от 5 апреля 1993 г. N 93/13/EЭС «О несправедливых условиях в Договорах с потребителями») [17]. Таким образом, на первый взгляд простое и не нуждающееся в активном судебском участии требование о выдаче судебного приказа дошло до выяснения судьей условий сделки, лежащей в основе взыскиваемой задолженности, на предмет их справедливости и законности. На наш взгляд, подобные действия суды в подобных случаях являются целесообразными и оправданными, поскольку неисследование судом указанных обстоятельств могло привести к вынесению неправосудного акта.

Таким образом, российское правоприменение в большей мере, чем зарубежное, свидетельствует о необходимости использования судьей дискреционных полномочий, поскольку функция суда даже при «упрощенных» судебных процедурах не всегда сводится лишь к техническим и формальным действиям. Несмотря на столь формальное отношение к приказному производству, в отечественном правопорядке предусмотрена проверка обоснованности требования на основе представленных доказательств, в отличие от автоматизированной процедуры в странах ЕС и США. Идея китайского правоприменителя заключается в максимальном ограничении свободы действий судей путем сокращения решений, которые приняты «на усмотрение суда». В этой связи, а также ввиду исторических предпосылок и технического превосходства иностранный правоприменитель наиболее активно воспринимает тенденцию сильного ограничения инструмента судебного усмотрения с целью строгой унификации практики по делам упрощенного производства. Используемая технология ИИ способна реализовывать только логический и автоматический метод, чего недостаточно для всестороннего рассмотрения любого гражданского дела.

При этом отдельные категории дел приказного производства, составляющие значительную долю в объеме всех требований о выдаче приказа, не требуют проявления судебского активизма и применения дискреционных полномочий и поэтому могут быть переданы на автоматическое разрешение искусственному интеллекту с последующим контролем со стороны суда.

В связи с этим определение пределов правомерного использования ИИ в гражданском процессе требует более дифференцированного подхода, основанного на классификации судебных дел с учетом их сложности. Ключевое значение приобретает необходимость обращения к правовым категориям, имеющим оценочное значение. Такие понятия, как «справедливость», «разумность», «соразмерность» или «уважительность причин», неизбежно апеллируют к субъективному правовому восприятию, обусловленному профессиональной интуицией и жизненным опытом судьи. Их жесткая алгоритмизация практически невозможна без потери содержательной юридической глубины, а потому любое дело, в котором такие категории имеют определяющее значение, трудно адаптировать к полностью автоматизированному рассмотрению дела.

Одновременно с этим внедрение технологий ИИ в сферу правосудия не обязательно влечет за собой угрозу самостоятельности судебной власти. Наоборот, ИИ может эффективно выполнять вспомогательную функцию — в качестве аналитического инструмента, способного формировать проектные модели решений, автоматизировать повторяющиеся процессуальные действия и ускорять документооборот. В данном контексте обоснованным представляется переход к модели гибридного правосудия, при которой алгоритмы ИИ генерируют черновой вариант решения, а окончательную редакцию формирует судья, осуществляя надзор за его юридической корректностью и соответствием индивидуальным особенностям дела. Подобный подход позволяет соединить преимущества цифровизации

и машинной точности с необходимым уровнем гибкости, присущим человеческому правоприменению, особенно в контексте оценочных категорий и нестандартных правовых ситуаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Егорова О.А. К вопросу о понятии судейского усмотрения в условиях современного общества // Судейское усмотрение : сборник статей (отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин ; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко). М. : Юстицинформ, 2020. С. 10–20.
2. Макарихина О.А. К вопросу о судебном усмотрении в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 14–17.
3. Ситников М.С. К вопросу о судейском усмотрении в России и зарубежных странах // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 337–345.
4. Гун Н., Дун Д. Применение и теоретическое развитие искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Правоведение. 2024. Т. 68, № 2. С. 241–256.
5. Wang P, Guannan Qu. AI in Court: the Promotion and Regulation of Information Technology in China's Smart Court Movements // Artificial Intelligence and International Human Rights Law. Pp. 309–324.
6. Judges in China Must Justify Every Ruling to an AI-report // the-decoder.com. URL: <https://the-decoder.com/judgesin-china-must-justify-every-ruling-to-an-ai> (дата обращения: 28.12.2024).
7. Судьи рассказали о судейском усмотрении в уголовном и гражданском судопроизводствах // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudi-rasskazali-o-sudeyskom-usmotrenii-v-ugolovnom-i-grazhdanskom-sudoproizvodstvakh/> (дата обращения: 28.12.2024).
8. Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском процессе : монография. М. : Зерцало-М, 2022. 164 с.
9. Хуноян А.С. Моделирование применения технологии искусственного интеллекта в судебной системе // Правовая информатика. 2022. № 4. С. 76–86.
10. Суды подключили искусственный интеллект к взысканию транспортного налога // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/04/10/sudy-podkliuchili-iskusstvennyj-intellekt-k-vzyskaniju-transportnogo-naloga.html> (дата обращения: 28.12.2024).
11. Судья Олег Васильев: модернизация законодательства — процесс непрерывный // Благовещенский городской суд Амурской области. URL: https://blag-gs.amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=109 (дата обращения: 28.12.2024).
12. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 (ред. от 05.04.2022) // СПС «Консультант Плюс».
13. Гринь Е.А. Преимущества и недостатки приказного производства в арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 217–219.
14. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 1896/2006 от 12.12.2006 о введении Европейского приказного производства // СПС «Гарант».
15. Кашанин А. В. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад // www.црсп.рф. URL: <https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/Информационные%20технологии%20в%20правосудии.pdf> (дата обращения: 28.12.2024).
16. Крымский Д. И. Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2020. № 12. С. 51–55.
17. Judgment of the Court of Justice of the European Union (First Chamber) of 19 December 2019 in Bondora (Joined Cases C-453/18 and C-494/18). URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=221787&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=622838> (дата обращения: 28.12.2024).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.13
ББК 67.401.061.5

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВОЙ

А. Ф. Абушахмин

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Вопросы, касающиеся проблем и перспектив развития судебно-следственных отношений, формирующихся между субъектами уголовно-процессуальной деятельности, охватывают все стадии уголовного процесса и подлежат незамедлительному разрешению в целях устранения пробелов, влекущих существенные нарушения в процессе взаимодействия судов и органов предварительного расследования, способствующих ненадлежащему направлению правосудия посредством незаконного вмешательства федеральных, региональных и муниципальных органов государственной власти, должностных лиц, юридических лиц, граждан и их объединений. Особое внимание уделяется уголовно-процессуальному институту следственных действий, классификации и основаниям их производства. Суды, как субъекты уголовно-процессуальных отношений, наделены процессуальной нейтральностью, не позволяющей им вступать в судебное разбирательство в ходе уголовного судопроизводства на стороне обвинения или стороне защиты, так как федеральные суды общей юрисдикции обладают функцией разрешения дела, ограниченной от функций обвинения и защиты, которыми не могут быть обусловлены один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Ключевые слова: судебный контроль, органы предварительного расследования, дознание, дознаватель, следственные действия с конфиденциальной основой, предварительное следствие, производство неотложных следственных действий

PROBLEMS OF JUDICIAL CONTROL IN RELATION TO INVESTIGATIVE ACTIONS WITH A CONFIDENTIAL BASIS

A. F. Abushakhmin

Orenburg State University (Orenburg, Russia)

Issues related to the problems and prospects for the development of judicial and investigative relations between subjects of criminal procedural activity cover all stages of the criminal process and must be resolved immediately in order to eliminate gaps that lead to significant violations in the process of interaction between courts and preliminary investigation bodies, contributing to the improper administration of justice through unlawful interference by federal, regional and municipal authorities, government agencies, officials, and legal entities, citizens and their associations. The article pays special attention to the criminal procedure institute of investigative actions, classification and grounds for their production. The courts, as subjects of criminal

procedural relations, are endowed with procedural neutrality, which does not allow them to enter into judicial proceedings during criminal proceedings on the side of the prosecution or the side of the defense, since federal courts of general jurisdiction have the function of resolving the case, separated from the functions of the prosecution and defense, which cannot be conditioned by the same body or the same official.

Keywords: judicial control, preliminary investigation bodies, inquiry, inquirer, investigative actions with a confidential basis, preliminary investigation, urgent investigative actions

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.12](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.12)

Уголовно-процессуальное законодательство как фундаментальная основа российского уголовно-процессуального права является динамичной формой правовой системы, представляющей собой сложный механизм, регулирующий отношения, формируемые в сфере уголовно-процессуальной отрасли. Данные отношения, в свою очередь, возникают в связи с совершением того или иного негативного действия — деяния, что и является причиной появления обстоятельств, влекущих возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Примером могут послужить отношения между посягающим и обороняющимся, виновным и лицом, жизни которого причинен вред (с точки зрения уголовного материального права), подозреваемым и следователем, судом и подсудимым, свидетелем и потерпевшим (в аспекте уголовно-процессуального права).

Зачастую ученые — материалисты и процессуалисты, изучающие уголовно-процессуальные отношения как с теоретической, так и с правоприменительной точки зрения, устанавливают определенное количество проблем, одними из которых признаются: отсутствие в законе исчерпывающего перечня следственных и иных процессуальных действий с конфиденциальной основой и проблематика функционирования судебного контроля посредством вынесения органом, осуществляющим властные полномочия в сфере правосудия судебного акта, дающего право на производство конкретных видов следственной деятельности, реализуемой должностными лицами, входящими в состав органов предварительного расследования.

Судебный контроль — это деятельность районных и иных судов, входящих в систему федеральных судов общей юрисдикции, осуществляется в ходе досудебного производства по уголовному делу и содержащая в себе полный перечень полномочий судьи во взаимодействии с работниками судебного аппарата до предоставления материалов дела в суд первой инстанции, т. е. до начала рассмотрения и разрешения уголовного дела в судебном порядке.

Судебный контроль как судебно-следственный элемент охватывает весь аспект уголовно-процессуальной деятельности, отраженный в полномочиях должностных лиц, возбуждающих уголовные дела о преступлениях, обусловленных характером и степенью общественной опасности, свойственных только для конкретной категории деяний. Такого же мнения придерживались в своих научных трудах А.Д. Назаров и А.С. Шагинян, предположившие, что судебный контроль — это часть процессуальной деятельности, рассматриваемая в форме досудебного производства, сущностью которого является надзор и контроль за соблюдением сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-разыскную³ деятельность, следователями и дознавателями законности в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий, предварительного следствия или дознания. Данные авторы пришли к мнению, что судебный контроль предназначен устранять «фундаментальные нарушения в уголовном судопроизводстве» [1, с. 10]. Характер общественной опасности рассматривается как качественный показатель совершенного деяния, т. е. как обстоятельство, характеризующееся виновностью и наказуемостью обвиняемого, в том числе подлежащее доказыванию в суде. Степень общественной опасности, в свою очередь, характеризуется количественным принципом, выраженным в следующих юридических аксиомах:

³ Написание слова *оперативно-разыскной* дано в соответствии с современными правилами русского языка. См.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М., 2006. С. 53 (§ 40). В документах орфография сохранена. — Прим. ред.

- убытки и имущественный вред, причиненные обвиняемым имуществу (движимому и недвижимому) потерпевшего, в частной собственности которого находилась уничтоженная или поврежденная вещь, подлежат обязательному возмещению на основании судебного решения;
- установление четкого количества лиц, принимавших участие в совершении преступления, что позволит правоприменителям, в частности дознавателям, следователям, прокурорским работникам и судьям, правильно квалифицировать то или иное преступное действие;
- выявление и компенсация расходов, понесенных потерпевшим от действий обвиняемого, пропорциональны стоимости вещи, уничтоженной или поврежденной в процессе совершения уголовно наказуемого посягательства.

Дав характеристику качественному и количественному показателям, можно сделать вывод, что возмещение имущественного вреда — это один из конструктивных способов защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, именуемых потерпевшими, а в некоторых случаях и гражданскими истцами, и один из механизмов, входящих в общую систему судебного контроля, сформированную на основе принципов конфиденциальности и взаимодействия между судебными органами и органами предварительного расследования. Законодатель определил гражданского истца как субъекта судебного разбирательства в случаях, если он или иное физическое лицо во-leizъявит подать в районный суд иск, юридически оформленный исковым заявлением, содержащим требование о компенсации или возмещении вреда, причиненного деянием.

Законодатель закрепляет институт судебного контроля в ч. 2 ст. 29 гл. V раздела II УПК РФ, в которой заложены следственные, в том числе иные процессуальные действия, реализуемые только на основании решения судебного органа.

Проанализировав указанные положения, важно отметить, что законодательный орган обращает внимание практиков и правоприменителей на те уголовно-процессуальные нормы, которые допускают производство следственных действий, прописанных в конструкции ст. 29 УПК РФ [2], без вынесения судебного решения. Так, например, следователь, производящий предварительное следствие, вправе осуществлять осмотр, обыск или выемку в зданиях, сооружениях или жилых помещениях на основании своего же постановления или процессуального документа иного соответствующего должностного лица. Данные следственные действия обладают определенного рода особенностями и юридическими свойствами, позволяющими дифференцировать их между собой и от иных процессуальных действий, имеющих однородную с ними специфику, в том числе значение, принципы и признаки.

Множество авторов юридической и правовой литературы, затрагивающей статическую проблему, связанную с осуществлением судебного контроля в отношении следственных действий с конфиденциальной основой, выделяют базис недостатков и пробелов, вытекающих из законодательства, в частности, из норм закона, регулирующего отношения в сфере уголовного судопроизводства. К таким пробелам относятся:

1. Отсутствие четкого механизма регулирования отношений, возникающих между двумя сторонами, одной из которых является суд, а другой — органы предварительного следствия. Здесь хотелось бы отметить, что главной пробельностью определяется как судебная, так и следственная деятельности, а именно отсутствие при их взаимодействии принципа конфиденциальности в момент разрешения вопроса об удовлетворении судом ходатайства, возбужденного перед ним следователем, а в некоторых случаях и дознавателем для производства определенного следственного действия. Принцип конфиденциальности следственных действий должен лежать в основе не только предварительного расследования, но и в корне всей уголовно-процессуальной деятельности в целом. П. А. Лупинская, доктор юридических наук, профессор и ученьи, в своих научных трудах ссылалась на то, что «принципом является исходное, основное, руководящее положение какой-либо науки, учения, деятельности. Принципом уголовного судопроизводства называется исходное, основное, правовое положение, определяющее назначение уголовного судопроизводства, и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур (форм)» [3, с. 104], что безусловно подтверждает необходимость в принципе конфиденциальности следственных действий, закрепленном на законодательном уровне и неотчуждаемом из общей системы отраслевых принципов, характерных исключительно для уголовного процесса.

2. Отсутствие нормы — дефиниции, характеризующей и обуславливающей понятие следственных действий с конфиденциальной основой в УПК РФ, в том числе в иных законодательных актах, отражающих нормы уголовно-правового характера или элементы уголовно-процессуального права. Таковыми могут быть признаны Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» [4], Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» [5] либо Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [6], предметом которых законодатель выделил отношения, имеющие как административный, так и уголовно-процессуальный характер. Такого же мнения придерживались А. Н. Халиков [7, с. 11], Е. А. Чибурова [8, с. 180] и К. Л. Яковлев [9, с. 24], настаивавшие на юридическом установлении понятия следственных действий с конфиденциальной основой.

Принцип конфиденциальности следственных действий — это основополагающее, неотчуждаемое начало уголовно-процессуального законодательства, вытекающее из уголовно-процессуальных, административных, конституционных и иных публичных (властных) правоотношений, направленное на сокрытие той или иной информации государственного значения, либо сведений о частной жизни физического лица, распространение которых без разрешения государства или личности не допускается.

3. Отсутствие централизованного и децентрализованного законодательства, способствующего регулированию отношений, вытекающих из судебно-следственной деятельности в лице федеральных и региональных органов исполнительной власти, представителями которых законодатель должен обозначить сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскные функции, что обеспечит контроль и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и укреплением законности при юридическом взаимодействии судебных органов и органов предварительного расследования. Особое значение также должно быть уделено принятию закона, устанавливающего исчерпывающий перечень следственных действий, признанных конфиденциальными, отсутствие которого затрудняет идентификацию и квалификацию процессуального действия как следственного, ядром которого является конфиденциальный принцип. Затронутая проблема получила свое развитие и актуализировалась в ходе формирования судебной практики, сложившейся на основании разъяснений Верховного Суда, Следственного комитета и других органов государственной власти, которые занимают значимое место как в институте правосудия, так и в институте предварительного расследования.

Изучив правоприменительную практику, удалось зафиксировать случаи, когда при производстве в отношении физического лица следственных действий с конфиденциальной основой (осмотра, обыска, выемки в жилище, освидетельствования и др.) были осуществлены фотографирование, киносъемка и иные незаконные действия, в результате чего данные об освидетельствуемом лице, документы, содержащие коммерческую, семейную, личную и иную охраняемую законом тайну, обнародовались следственным органом в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, что противоречит как требованиям УПК РФ, так и конституционным положениям, регламентируемым в ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации [10]. В предусмотренной статье установлено, что истребование, реализация, использование и распространение тех или иных сведений о частной жизни лица без его разрешения не допускаются, так как с юридической точки зрения любые сведения, полученные в ходе предварительного расследования, могут быть разглашены самими должностными лицами, осуществляющими как предварительное следствие, так и дознание, только в случаях, когда это затрагивает предмет следствия, за исключением данных, включающих информацию исключительно о личной или иной тайне субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, находящегося в статусе подозреваемого.

Но все же немалое значение уделяется криминологами и криминалистами судебному контролю, обеспечивающему реализацию принципа законности и своевременности при работе с институтом неотложных следственных действий, не требующих решения суда, что делает их более уязвимыми в отрасли уголовного процесса, что и прослеживается как пробельность осуществления судебно-контрольных функций в отношении следственных действий с конфиденциальной основой.

Кроме того, важно отметить, что исследуемая практика получила широкое применение и в государствах — членах международной организации Содружества Независимых Государств (СНГ), к ко-

торым относятся Армения, Казахстан, Кыргызстан и др., в том числе и Россия, в некоторых странах Европы и штатах Америки, относящихся к англосаксонской системе права. Достаточно четко это демонстрируется при взаимодействии органов, осуществляющих судебно-контрольные, надзорные и следственные функции, т. е. при предоставлении следователем (дознавателем) в суд материалов дела, отражающих в себе и персонализированные данные о лице, подверженном следственным действиям, сопровождающемся ходатайством о производстве необходимого рода действия не только на бумажном носителе, но и в электронном виде (в форме электронного документа) посредством использования специализированных государственных информационных систем, что не гарантирует абсолютную защищенность предоставляемых сведений и в последующем влечет их утечку в процессе получения, это нередко является причиной подрыва безопасности судебных органов и вмешательства других лиц в следственную и дознавательскую деятельность органов следствия и дознания.

Дело в том, что законодатель, осуществляющий законодательную и нормотворческую деятельность, не использует понятие «следственные действия с конфиденциальной основой», не закрепляет их перечень, в том числе не регламентирует в законе меры по выявлению и пресечению неблагоприятных факторов, способствующих распространению и разглашению информации, что затрудняет классификацию конфиденциальных следственных действий и гласных.

Конфиденциальная основа, как основополагающий механизм негласных действий, направлена на обусловливание и обременение судебно-контрольных, следственных, оперативно-разыскных и иных уголовно-процессуальных функций, среди которых посредническое и факультативное место занимает оперативно-разыскная деятельность, возложенная на должностных лиц, выполняющих свои полномочия на основании объективности, беспристрастности, комплексности, системности, оперативности, законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств, в частности конфиденциальности.

Акцентируя внимание на взаимодействии между федеральными судебными органами и органами предварительного расследования, законодатель определил четкий перечень оснований, в рамках которых следователь (дознаватель) вправе участвовать в судебном заседании в ходе досудебного производства, что отражает их специфическое содействие с федеральными (районными) судами.

Судебная практика, возникшая в ходе разрешения вопроса, касающегося взаимодействия федеральных судов и органов предварительного расследования, связанного с ненадлежащим исполнением ими своих должностных обязанностей посредством осуществления судебного контроля в отношении следственных действий, обусловленных конфиденциальной основой, внешне выражается в государственно-управленческой деятельности и устанавливается как институционная часть науки уголовно-процессуального права, направленная на устранение пробелов в судебно-следственной сфере. Разъяснения прокуратуры Чувашской Республики [11], вытекающие из следственно-прокурорской деятельности, сформированные с учетом требований, предусмотренных ст. 164 (Общие правила производства следственных действий) и ст. 165 (Судебный порядок разрешения производства следственных действий) УПК РФ, дают следующее определение понятию следственных действий с конфиденциальной основой:

«Следственные действия с конфиденциальной основой — возложенные на органы предварительного расследования процессуальные действия, общепризнанные правоприменителями и учеными-процессуалистами, в систему которых входят:

- осмотр жилища в случае отсутствия согласия проживающих в нем лиц (ст. 176 УПК РФ);
- обыск в жилище, производимый не иначе как на основании решения суда (ст. 182 УПК РФ), за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, где установлена норма, разрешающая следователям (дознавателям) производить данное следственное действие на основании постановления о производстве обыска в жилище в случае, если промедление может повлечь за собой утрату следов преступления или уничтожения вещественных доказательств, имеющих значение для уголовного дела;
- выемка в жилище, производимая на основании судебного решения (ст. 183 УПК РФ), за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Выемка как самостоятельное следственное действие производится только в случае, если точно известно, что предмет, документ,

имущество, предназначенное для использования в качестве оружия, оборудования или иного средства совершения деяния, подлежащие изъятию, находятся именно у этого лица и именно в данном месте.

Выемка как конфиденциальное действие уголовно-процессуального и криминалистического характера состоит из нескольких разновидностей, схожих по своей природе и значению, но наделенных разграничительными особенностями, одними из которых правоприменителями выдвигаются:

- выемка в жилище, упомянутая уже ранее, в субъектный состав которой входят следователь (дознаватель) и житель, в частной собственности которого находится недвижимое имущество, подверженное данному следственному действию на основании решения должностных лиц органа предварительного следствия или дознания (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) либо на основании решения суда (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);
- выемка предметов и документов, содержащих сведения о государственной, служебной, коммерческой и иной охраняемой федеральным законом тайне, производимая не иначе как на основании решения суда (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), в субъектный состав которой входят должностные лица органов предварительного расследования и физические лица, руководствующиеся данными сведениями;
- выемка предметов и документов, содержащих сведения о счетах и вкладах физических лиц (граждан Российской Федерации, иностранных граждан, временно или постоянно пребывающих на территории Российской Федерации, либо лиц без гражданства) в банках и иных финансово-кредитных учреждениях. Субъектный состав данного следственного действия выражен в отношениях, участниками которых являются должностные лица органов предварительного расследования и вкладчики — лица, делающие вклады в финансовые учреждения (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);
- другие следственные действия.

Рассмотрев следственные действия, входящие, по мнению работников прокуратуры Чувашской Республики, в систему конфиденциальных следственных действий, необходимо заметить, что их производство и реализация допускаются только на основании разрешения суда как обязательного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, занимающего фундаментальное и преимущественное место в судебно-следственных отношениях и способствующего соблюдению законности и защите прав и свобод человека и гражданина, так как судебная власть, в корне которой располагаются формы судопроизводства (конституционное, уголовное, гражданское, арбитражное, административное), обоснована на принципе приоритетности личности, ее прав, свобод и законных интересов.

Статистика, сложившаяся в деятельности федеральной службы по государственной статистике (Росстата) и Президиума Верховного Суда, касающаяся выявления незаконных действий судов и органов предварительного расследования, повлекших нарушение УПК РФ, зафиксировала, что за 2024 г. в Верховный Суд Российской Федерации было подано свыше 2 тыс. жалоб и представлений уголовного, экономического, административного и гражданского характера, 1757 из которых рассматривались Судебной коллегией по уголовным делам, 30% жалоб из установленного количества анализировалось коллегией с учетом материалов и вступивших в законную силу приговоров судов первой инстанции, вынесенных в первую очередь на основании протоколов следственных и судебных действий, признанных недопустимыми [12].

Уголовно-процессуальный институт следственных действий, ограниченных латентной природой, до сих пор не нашел своей дефинитивности в науке уголовно-процессуального права, что породило пробелы — как фундаментальные причины становления противоречий не только в правовой, но и в государственной системе в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Назаров А.Д., Шагинян А. С. Фундаментальные ошибки в уголовном судопроизводстве : монография. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. 142 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 21.04.2025) // С3 РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

3. Лупинская П.А., Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. 4-е изд. М. : Норма, Инфра-М, 2017. 1012 с.
4. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28.10.2010 № 403-ФЗ (с изм. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
6. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73 (с изм. от 22.07.2024) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
7. Халиков А.Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 2-е изд. М. : РИОР, Инфра-М, 2019. 324 с.
8. Чибурова Е.А. Следственные органы (МВД и Прокуратуры) Алтайского края в 50-е гг. XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-2.
9. Яковлев К.Л. Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.) : дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 387 с.
10. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. от 01.07.2020) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
11. Обзор правоприменительной практики прокуратуры Чувашской Республики за 2024 год. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_21/.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2024 год URL: <https://www.vsrf.ru>.

УДК 343.126
ББК 67.401.061.5

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПОНИМАНИЕМ ТЕРМИНА «РЕАБИЛИТАЦИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Э. А. Егорова

Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Проводится теоретико-правовой анализ одного из наиболее дискуссионных и социально значимых институтов отечественного уголовного процесса — реабилитации как социально-правового явления в российской юриспруденции и уголовном судопроизводстве. Автор подчеркивает, что, несмотря на формальное закрепление понятия в п. 34 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ, сущность реабилитации как комплексного социально-правового явления остается неясной и порождает серьезные противоречия как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике. С опорой на основные научные подходы к определению реабилитации в юридической литературе анализируется термин «реабилитация» во взаимосвязи с такими понятиями, как «реабилитированный», «презумпция невиновности» и «оправдательный приговор». На основе проведенного исследования предлагается внести изменения в законодательство: рекомендуется изложить п. 34 ст. 5 УПК РФ в новой редакции с целью более четкого определения понятия «реабилитация».

Ключевые слова: реабилитация, нарушение прав, реабилитируемый, возмещение вреда, восстановление нарушенных прав и законных интересов, оправдательный приговор

SOME PROBLEMATIC ISSUES RELATED TO THE UNDERSTANDING OF THE TERM “REHABILITATION” IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA AND LEGAL LITERATURE

E. A. Egorova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Nizhny Novgorod, Russia)

The article provides a theoretical and legal analysis of one of the most controversial and socially significant institutions of the domestic criminal process: rehabilitation as a socio-legal phenomenon in Russian jurisprudence and criminal proceedings. The author emphasizes that despite the formal recognition of the concept in Article 5, paragraph 34 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the essence of rehabilitation as a complex socio-legal phenomenon remains unclear and generates serious contradictions both in scientific doctrine and in law enforcement practice. Based on the main scientific approaches to the definition of rehabilitation in legal literature, the author analyzes the term of rehabilitation in relation to such concepts as “rehabilitated”, “presumption of innocence” and “acquittal”. Based on the conducted research, it is proposed to amend the legislation by recommending a new wording for paragraph 34 of Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in order to provide a clearer definition of the concept.

Keywords: rehabilitation, violation of rights, rehabilitated, compensation for damage, restoration of violated rights and legitimate interests, acquittal

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.13](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.13)

В современном научном дискурсе реабилитация рассматривается как сложное и многоаспектное явление, затрагивающее различные сферы общественной и государственной жизни. Несмотря на то что этимологически термин «реабилитация» происходит от латинского *rehabilitatio*, означающего «восстановление», его значение гораздо шире. Исследователи, такие как Г. З. Климова, выделяют три основных значения реабилитации: медицинское, морально-этическое и правовое [1, с. 21].

Многие исследователи отмечают, что правовая реабилитация, в частности, требует более глубокого изучения и совершенствования законодательной базы [2, с. 265].

Ключевыми задачами уголовного судопроизводства, согласно ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), являются: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод [3].

В рамках этих задач институт реабилитации необходим для восстановления прав и законных интересов лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию. Обеспечение реабилитации — важный элемент поддержания справедливости и законности.

Термин «реабилитация» получил законодательное закрепление в п. 34 ст. 5 УПК РФ [3]. Согласно этому положению реабилитация — это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

Несмотря на наличие законодательного определения, сущность реабилитации продолжает обсуждаться как в научных кругах, так и в правоприменительной сфере.

В теории уголовного процесса реабилитация рассматривается как совокупность правовых норм и соответствующих правоприменительных практик, направленных на защиту прав и восстановление социального статуса граждан, включая возмещение морального и материального вреда, причиненного незаконными действиями. Этот процесс включает в себя:

- 1) восстановление нарушенных прав путем отмены судебных решений, касающихся привлечения к ответственности, а также устранение судимостей и иных негативных правовых последствий;
- 2) материальную компенсацию ущерба, понесенного лицом вследствие незаконного преследования (например, потеряянной заработной платы, расходов на адвоката и т.д.);
- 3) компенсацию морального вреда, т. е. признание факта причинения лицу психологических страданий, морального унижения, потери репутации и т.д.;
- 4) социальную реабилитацию, направленную на облегчение возвращения лица к нормальной жизни (помощь в трудоустройстве, психологическая поддержка, восстановление репутации в профессиональной и общественной среде).

В российском уголовном процессе институт реабилитации, регламентированный гл. 18 УПК РФ, является инструментом защиты лиц от незаконных действий (бездействия) правоохранительных органов. Анализ этой главы показывает, что институт реабилитации основывается на принципе правовой определенности: процедура должна быть понятной, доступной, а ее итоги — предсказуемыми. Исследователи отмечают, что в законе должны быть четко прописаны критерии, по которым действия правоохранительных органов признаются незаконными, а также указаны положенные виды компенсации в разных ситуациях [3; 4, с. 483]. Схожей позиции придерживается А. И. Корчагина, утверждая, что права реабилитированного могут быть соблюдены лишь при условии выполнения государством своих обязательств [5, с. 144].

В современной юридической литературе вопрос о сущности социально-правового явления «реабилитация» продолжает обсуждаться. Авторы, изучающие проблемы реабилитации в уголовном процессе, выделяют разные особенности, отражающие ее суть [6, с. 135]. Анализ юридической литературы показывает формирование в современной правовой доктрине трех основных подходов к пониманию реабилитации.

Первый подход к пониманию реабилитации не приравнивает ее к полному оправданию и восстановлению всех прав. Вместо этого ее рассматривают как прекращение уголовного дела по реабилитирующем основаниям, что дает пострадавшему право на восстановление чести и доброго име-

ни. Однако этот подход содержит противоречия, которые не позволяют в полной мере признать его обоснованным [7, с. 34]. Например, Б. Т. Безлепкин считал, что «под реабилитацией следует понимать вынесение исключительно оправдательного решения, в отношении определенного круга субъектов, без обеспечения реализации оправдательного решения» [8, с. 15]. Согласно п. 35 ст. 5 УПК РФ «реабилитированным» считается лицо, имеющее право на возмещение вреда, причиненного необоснованным или незаконным уголовным преследованием [3]. Этот статус и связанные с ним права приобретаются с момента вступления в силу соответствующего решения. Важно учитывать, что ч. 1 ст. 14 УПК РФ закрепляет принцип презумпции невиновности: обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина в совершении преступления не будет доказана в установленном УПК РФ порядке и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда. В то же время, согласно п. 28 ст. 5 УПК РФ, приговор устанавливает виновность или невиновность подсудимого [3]. Отсюда следует, что реабилитация не может сводиться только к прекращению уголовного преследования по реабилитирующими основаниям. Вынесение оправдательного приговора или другого решения о прекращении дела означает, что государство признает свою ошибку и, следовательно, должно восстановить нарушенные права. Таким образом, ключевым условием реабилитации является устранение правовых последствий допущенной ошибки.

Второй подход к пониманию реабилитации представлен в научных работах Л. В. Бойцовой и М. В. Максименко. Согласно их точке зрения, реабилитация заключается в восстановлении прав и законных интересов граждан, которые были незаконно или необоснованно привлечены к уголовной ответственности или подвергнуты уголовному преследованию [9, с. 24; 10, с. 14]. Однако, на наш взгляд, данный подход не полностью отражает суть реабилитации. Более того, определение реабилитации в УПК РФ противоречит понятию «реабилитированный» (как процессуальному статусу гражданина, имеющего право на возмещение вреда, так и положениям главы 18 УПК РФ). Часть 2 ст. 135 УПК РФ, гласит, что «...реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, постановивший приговор» [3]. Анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель лишь предоставляет реабилитированному право на возмещение вреда, но не обязывает его реализовывать.

В этой связи следует согласиться с мнением Л. И. Корчагиной, которая отмечает, что законодатель не заставляет человека требовать возмещения ущерба в рамках реабилитации, а лишь гарантирует такую возможность, рассматривая реабилитацию как условие для возмещения вреда [11, с. 273]. В свою очередь, возмещение вреда, основанное на восстановлении прав реабилитированного, не является безусловной обязанностью государства. Не все лица, пострадавшие от незаконного или необоснованного уголовного преследования, реализуют свое право на реабилитацию. Однако рассматриваемый подход предполагает, что фактическое возмещение вреда — это неотъемлемая часть реабилитации, а значит, реабилитация не должна зависеть от желания пострадавшего.

Наиболее убедительным представляется третий подход, который рассматривает реабилитацию не только как вынесение оправдательного решения, но и как фактическое восстановление нарушенных прав и законных интересов гражданина. Согласно этой точке зрения, процедура реабилитации предполагает наличие реабилитирующего акта, гарантирующего реализацию всех правовых последствий, включая обязательство государства компенсировать причиненный вред [12, с. 8; 13, с. 14].

По мнению Р. В. Вразовской, реабилитация включает в себя возмещение имущественного и морального вреда, а также восстановление нарушенных прав [14, с. 215]. Аналогичной позиции придерживался М. И. Пастухов, подчеркивая, что реабилитация подразумевает признание невиновности, восстановление прежних прав и компенсацию имущественного и морального вреда [15, с. 27].

Рассматриваемый подход к определению реабилитации наиболее полно отражает ее суть: официальное признание необоснованности обвинения и последующее возмещение причиненного вреда. В уголовном процессе реабилитация направлена на восстановление правового статуса лица, существовавшего до незаконного вовлечения в уголовное судопроизводство [16, с. 18].

Несмотря на различные точки зрения, законодатель, определяя термин «реабилитация» в п. 34 ст. 5 УПК РФ, акцентирует внимание на порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно подвергнутого уголовному преследованию. В свою очередь, ст. 133 УПК РФ устанавливает, что основа-

ниями для реабилитации являются обстоятельства, перечисленные в ст. 5 УПК РФ, а также незаконное применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу [3]. Как отмечает Л. В. Головко в своих научных трудах, буквальное толкование норм законодательства позволяет сделать вывод о возможности реабилитации даже в случаях правомерного уголовного преследования [17, с. 117]. Таким образом, происходит расширенное толкование понятия «реабилитация», закрепленного законодателем.

На основе произведенного анализа различных научных подходов к реабилитации как социально-правовому явлению можно выделить два аспекта, регулируемых законодателем:

1. Юридическая реабилитация: вынесение компетентным органом юридического акта, восстанавливающего нарушенные права гражданина, пострадавшего от незаконного или необоснованного уголовного преследования. Следствием вынесения соответствующего юридического акта является признание государством допущенной ошибки.

2. Компенсационная реабилитация: восстановление нарушенных прав гражданина и возмещение ущерба (включая моральный вред) за нарушения, допущенные следственными органами в ходе уголовного преследования.

Следовательно, законодательное определение реабилитации, закрепленное в ст. 5 УПК РФ, не полностью отражает содержание этого правового института. Оно сводится к констатации факта вынесения юридического акта о невиновности и признанию права на восстановление нарушенных прав и компенсацию ущерба. Это приводит к логическому противоречию с принципом презумпции невиновности, поскольку реабилитирующее решение, признающее невиновность, выносится уже после того, как этот принцип должен был действовать.

Также из-за неполного законодательного определения реабилитации происходит подмена понятий: вынесение оправдательного решения ошибочно приравнивается к реабилитации. На самом деле реабилитация является следствием оправдательного решения, направленным на восстановление нарушенных прав и предусматривающим возможность получения компенсации от государства за причиненный вред.

В данной связи законодательное определение реабилитации не полностью отражает суть реабилитационных отношений, что приводит к неоднозначности в правоприменительной деятельности. Таким образом, на основании произведенного анализа предлагается изложить ч. 34 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции:

«Реабилитация — это вынесение компетентным органом реабилитирующего решения, которым предписано восстановление всех правовых последствий (восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию) и выплата гражданину соразмерной имущественной компенсации государством».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Климова Г. З. Реабилитация как правовой институт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 35 с.
2. Лисовец Д. А. Институт реабилитации в уголовном процессе России // Молодой ученый. 2017. № 15. С. 265–267.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2025).
4. Лисизу И. А. Сущность и правовая природа института реабилитации в уголовном процессе // Аллея науки. 2021. № 3. С. 482–485.
5. Корчагина Л. И. К вопросу о понятии и сущности реабилитационных правоотношений в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 143–149.
6. Фисенко Д. Ю. Институт реабилитации в законодательстве Российской Федерации: современное состояние и перспективы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 134–140.
7. Орлова А. А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в Российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 59 с.

8. Безлекин Б. Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975. С. 15.
9. Бойцова Л. В. Ответственность государства за ущерб, причиненный гражданам в сфере право-судия: генезис, сущность, тенденции развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 32 с.
10. Максименко М. В. Реабилитация в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 25 с.
11. Корчагина Л. И. О некоторых аспектах содержания понятия «реабилитация» в отечественном законодательстве и юридической литературе // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 271–274.
12. Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 24 с.
13. Антонов В. И. Институт реабилитации и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. 22 с.
14. Бразовская Р. В. Некоторые проблемные вопросы реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Образование и право. 2019. № 11. С. 214–218.
15. Пастухов М. И. Реабилитация невиновных. Основы правового института : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1993. 50 с.
16. Амирбекова Г. Г. Институт реабилитации в уголовном процессе: теория и практика реализации (по материалам Республики Дагестан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 23 с.
17. Головко Л. В., Дытченко Г. В. Проблемы реализации права на реабилитацию // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 4. С. 171–180.

УДК 343.143
ББК 67.410.204.12

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА АНОНИМНОГО СВИДЕТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А. А. Караева

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Анализируется правовое положение анонимных свидетелей в российском уголовном процессе. Исследуется, насколько оправданно скрывать личность свидетелей в ходе расследования уголовного дела и судебного разбирательства, с опорой на мнение экспертов в области уголовного процесса. Даётся определение понятия «анонимный свидетель» и подробно рассматриваются все аспекты его участия в уголовном судопроизводстве, включая специфику его взаимодействия с органами следствия и судом. Рассматриваются проблемы, связанные с допустимостью показаний анонимного свидетеля, гарантии его безопасности и возможность проверки достоверности информации, предоставляемой им. Поднимаются вопросы, касающиеся гарантий безопасности анонимных свидетелей, что является критически важным аспектом с учетом возможных угроз, с которыми они могут столкнуться. В целом статья представляет собой глубокое изучение правовых и практических вопросов, связанных с использованием анонимных свидетельских показаний в рамках российского уголовного процесса. Делается вывод о том, что, несмотря на определенные преимущества, связанные с анонимностью свидетелей, необходимо тщательно взвешивать все риски и последствия, чтобы обеспечить справедливость и правосудие в уголовных делах.

Ключевые слова: анонимность, свидетель, персональные данные, безопасность, защита, угроза, показания свидетелей, псевдоним, засекречивание личных данных

FEATURES OF THE PROCEDURAL AND LEGAL STATUS OF AN ANONYMOUS WITNESS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

A. A. Karaeva

Orenburg State University (Orenburg, Russia)

The article analyzes the legal status of anonymous witnesses in Russian criminal proceedings. The author examines the extent to which it is justified to conceal the identity of witnesses during criminal investigations and trials, relying on the opinion of experts in the field of criminal proceedings. The article defines the term "anonymous witness" and examines in detail all aspects of his or her participation in criminal proceedings, including the specifics of his or her interaction with the investigative authorities and the court. The article considers issues related to the admissibility of anonymous witness testimony, guarantees of his or her safety, and the possibility of verifying the accuracy of the information he or she provides. The author raises questions regarding the guarantees of the safety of anonymous witnesses, which is a critically important aspect given the possible threats they may face. Overall, the article provides an in-depth study of the legal and practical issues associated with the use of anonymous witness testimony in Russian criminal proceedings. The author concludes that despite certain advantages associated with the anonymity of witnesses, it is necessary to carefully weigh all the risks and consequences in order to ensure fairness and justice in criminal cases.

Keywords: anonymity, witness, personal data, security, protection, threat, testimony of witnesses, pseudonym, classification of personal data

Впервые использование показаний анонимных свидетелей в качестве доказательств было закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) в 2001 г. До этого момента такой возможности законодательство не предоставляло, что существенно ограничивало следствие в расследовании особо тяжких преступлений, где свидетели, обладающие важной информацией, по тем или иным причинам опасались открыто давать показания. Внедрение этой нормы стало результатом анализа международного опыта и осознания необходимости защиты свидетелей, чьи жизни и благополучие находятся под угрозой.

Однако введение возможности использования анонимных показаний не стало простым добавлением статьи в уголовно-процессуальное законодательство: параллельно с введением возможности использования анонимных показаний в 2004 г. был принят Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», который стал ключевым инструментом, позволяющим обеспечить безопасность свидетелей, желающих сотрудничать со следствием, но боящихся расплаты за свою помощь [1]. Закон предусматривает широкий спектр мер защиты, начиная от изменения места жительства и работы и заканчивая полной конспирацией личности свидетеля, что является критически важным аспектом, позволяющим гарантировать анонимность свидетеля и предотвратить его идентификацию преступникам.

В п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ четко закреплено право свидетеля ходатайствовать о применении к нему мер безопасности. Это право не является формальностью, а предоставляет возможность свидетелю активно участвовать в обеспечении своей безопасности [2]. Статья 11 УПК РФ детализирует процедуру принятия мер безопасности. Она конкретизирует ситуации, в которых такие меры необходимы: угрозы убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества либо иные опасные противоправные действия, направленные против свидетеля или его близких. В этих случаях суд, прокурор, следователь и другие должностные лица и уполномоченные органы обязаны принять все необходимые меры, предусмотренные законом. К таким мерам относятся скрытие личных данных в протоколах и других процессуальных документах, контроль и запись телефонных и иных переговоров, специальные условия при опознании и допросе свидетеля в суде без раскрытия его личности.

Таким образом, использование показаний анонимных свидетелей в российском уголовном судопроизводстве — сложный механизм, требующий тщательного баланса между интересами правосудия и гарантиями безопасности свидетелей. Законодательство, предусматривая широкий спектр мер для обеспечения анонимности и защиты свидетелей, позволяет использовать их показания в судебном процессе только при строгом соблюдении законодательных норм и при наличии достаточных гарантий их безопасности. Внедрение этих механизмов позволяет эффективнее бороться с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, где традиционные методы расследования оказываются неэффективными из-за угроз в адрес потенциальных свидетелей.

Е. А. Дикусар определяет анонимность свидетелей в уголовном процессе как «конфиденциальность их персональных данных, скрываемых от всех, кроме государственных органов и должностных лиц, ведущих расследование. Главная цель такой конфиденциальности — обеспечение безопасности свидетеля, предотвращение любых противоправных действий, которые могут быть направлены против него и его близких в связи с его показаниями или участием в уголовном процессе» [3, с. 29].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит четкого определения «анонимного свидетеля». Рассуждая логически, анонимный свидетель — это человек, обладающий информацией, важной для расследования и разрешения уголовного дела, чьи персональные данные тщательно скрываются в целях безопасности. Важно подчеркнуть, что, несмотря на анонимность, такой свидетель обладает теми же правами и обязанностями, что и любой другой свидетель, чья личность не является секретной. Это означает, что он обязан давать правдивые показания, нести ответственность за дачу ложных показаний и имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его жизнь.

Анализ архивных уголовных дел показывает, что в документации анонимные свидетели обозначаются по-разному: «засекреченное лицо», «анонимное лицо», «аноним», «анонимный свидетель» и другие варианты. Для устранения этой неоднозначности и обеспечения единобразия в правоприменительной практике предлагается внести дополнение в ч. 1.1 ст. 56 УПК РФ следующего содержания: «свидетель, в отношении которого приняты меры безопасности по скрытию персо-

нальных данных, предусмотренные законодательством Российской Федерации, является анонимным свидетелем». Без четкого определения и законодательного закрепления статуса анонимных свидетелей остается высокой вероятность судебных ошибок, связанных с неправильным пониманием роли и прав этих участников процесса, что, в свою очередь, может привести к нарушению прав человека и даже вынесению несправедливых приговоров. Поэтому принятие предложенных изменений является не просто желательным, но и крайне необходимым шагом для совершенствования российского уголовного судопроизводства. Единый подход к определению и обозначению анонимных свидетелей в процессуальных документах — это гарантия прозрачности, эффективности и справедливости правосудия.

Вопрос о праве свидетелей на анонимность в уголовном судопроизводстве вызывает в научной среде оживленные дискуссии, разделив ученых-процессуалистов на два основных лагеря. Преобладающее большинство специалистов выражают поддержку данной меры, аргументируя свою позицию необходимостью защиты свидетелей от потенциального давления со стороны заинтересованных лиц, чьи интересы могут быть задеты результатами уголовного расследования. Они подчеркивают, что гарантия анонимности позволяет свидетелям свободно и без страха за свою безопасность предоставлять следствию информацию, имеющую важное значение для раскрытия преступления. Без такой защиты свидетели, особенно те, кто боится мести или репрессий со стороны преступников или влиятельных лиц, могут отказаться отдачи показаний, что существенно затруднит расследование и, возможно, приведет к несправедливому приговору или даже полному срыву уголовного процесса по расследованию дела. Анонимность, по их мнению, является необходимым инструментом для установления истины и обеспечения справедливого правосудия, позволяя привлечь к ответственности виновных лиц и защитить интересы общества. Они считают, что потенциальный риск злоупотреблений со стороны правоохранительных органов, хотя и существует, не должен перевешивать жизненно важные интересы обеспечения безопасности свидетелей и эффективного расследования преступлений [4, с. 86; 5, с. 82].

Однако существует и альтернативная точка зрения, выраженная, в частности, учеными А. В. Ивановым и А. А. Рязанцевым, по мнению которых такая мера может приводить к серьезным нарушениям принципов справедливого судопроизводства. Главное их опасение заключается в том, что анонимность позволяет манипулировать доказательствами, используя непроверенную информацию для обвинения виновных. Отсутствие возможности проверить личность и подтвердить достоверность показаний анонимного свидетеля, по их мнению, создает риск ошибочных приговоров и несправедливого наказания. Более того, они указывают на потенциальную возможность злоупотреблений со стороны должностных лиц органов предварительного расследования. Засекречивание личности свидетеля может служить прикрытием для фальсификации доказательств или умышленного исказжения фактов. Возможность использовать анонимные показания в качестве доказательств, по мнению А. В. Иванова и А. А. Рязанцева, удовлетворяет в первую очередь интересы самих правоохранительных органов, поскольку снижает их ответственность и позволяет избегать неудобных вопросов о достоверности полученной информации [6, с. 10; 7, с. 11]. Таким образом, они считают, что право на анонимность, хотя и преследует благие цели, на практике часто приводит к противоположному результату — нарушению принципов уголовного судопроизводства и прав человека. В результате дебаты вокруг этого вопроса продолжаются, и поиск оптимального баланса между необходимостью защиты свидетелей и рисками злоупотреблений остается актуальной задачей для юридической науки и практики.

Право на анонимность для свидетеля в уголовном процессе — это исключительная мера, призванная защитить его жизнь и благополучие. Законодательство четко указывает, что такое право возникает только при наличии значимых оснований, подтверждающих реальную и обоснованную угрозу. Речь идет не о каких-то абстрактных опасениях, а о конкретных фактах, свидетельствующих о намерении причинить вред свидетелю или его близким. Это может быть угроза убийства, физического насилия, уничтожения или повреждения имущества, а также другие опасные противоправные действия, которые представляют собой непосредственную и серьезную опасность для жизни и здоровья. Важно понимать, что сама по себе потенциальная угроза недостаточна. Необходимо наличие убеди-

тельных доказательств, которые подтверждают ее реальность и масштаб. Это могут быть показания свидетелей, аудио- или видеозаписи угроз, результаты оперативно-разыскных мероприятий и другие объективные данные.

Однако на практике часто возникают ситуации, когда право на анонимность используется нецелесообразно или даже им злоупотребляют. Следователи и другие должностные лица, наделенные полномочиями по обеспечению безопасности свидетелей, порой принимают решения о засекречивании данных без должного обоснования. Вместо тщательного анализа ситуации и проверки информации о предполагаемой угрозе они формально предоставляют свидетелю анонимность, не приводя объективных доказательств существования реальной опасности и необходимости такой защиты. Это приводит к снижению эффективности расследования, так как анонимность свидетеля может затруднить сбор доказательств и осложнить взаимодействие с ним. Поэтому в научной литературе, посвященной уголовно-процессуальному праву, неоднократно поднимался вопрос о необходимости четкого определения критериев предоставления свидетелю анонимности.

В науке уголовно-процессуального права неоднократно предпринимались попытки сформулировать условия, при наличии которых засекречивание персональных данных о личности свидетеля было бы обоснованным и законным. Так, Д. С. Соколов предложил подобную схему оценки ситуации, включающую несколько ключевых аспектов. Прежде всего, по его мнению, необходимо тщательно изучить и проанализировать каждый источник информации об угрозе, критически оценивая его достоверность и объективность. Простое заявление свидетеля о наличии угрозы не может служить достаточным основанием для засекречивания его данных. Далее необходимо оценить процессуальный статус свидетеля и его значение для расследования. Если свидетель обладает ключевой информацией, крайне важной для раскрытия преступления, то его защита приобретает особую значимость. В этом случае обеспечение анонимности может быть оправданным даже при наличии определенных сомнений в наличии реальной угрозы. Третий момент — это характер предполагаемого воздействия на свидетеля. Если речь идет о незначительных угрозах, не представляющих серьезной опасности для жизни и здоровья его или его близких, то целесообразность анонимности крайне сомнительна. В таком случае более эффективными мерами защиты могут быть другие, например обеспечение личной охраны или изменение места жительства свидетеля. Анонимность же, как крайняя мера, должна применяться только в тех случаях, когда другие способы защиты оказываются недостаточными. И наконец, нужно определить необходимый срок защиты. Анонимность не должна предоставляться на неопределенный срок. Решение о ее продолжении должно приниматься на основании регулярной оценки ситуации и наличия продолжающейся угрозы. Если угроза миновала, то анонимность должна быть отменена, чтобы не препятствовать ходу расследования уголовного дела и судебного разбирательства [8, с. 174].

Е. О. Зайцев также справедливо указывает на комплекс факторов, которые необходимо тщательно взвешивать при принятии решения о предоставлении свидетелю анонимности. Среди этих факторов он выделяет прежде всего реальность и масштаб угрозы, которая может нависнуть над свидетелем в случае раскрытия его личности. Важно также оценить степень его содействия следствию и суду: насколько существенна его помощь в раскрытии преступления и установления истины. Тяжесть самого преступления играет не последнюю роль — в случаях тяжких или особо тяжких преступлений, например терроризма или организованной преступности, анонимность свидетеля может быть критически важной для успешного расследования. И, конечно, нельзя не учитывать ценность информации, которой обладает свидетель: насколько она значима для раскрытия преступления и привлечения виновных лиц к ответственности. Таким образом, чем ценнее информация, тем выше вероятность того, что анонимность свидетеля будет признана необходимой мерой [9, с. 8].

Закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве, а также в ином нормативно-правовом акте все случаи, при которых предоставление анонимности свидетелю можно считать допустимым, невозможно. Многообразие преступлений, личностных характеристик свидетелей и угрозы делает подобную попытку бесперспективной. Жесткое регламентирование данного аспекта может существенно ограничить возможности правоохранительных органов и привести к невозможности привлечения к ответственности виновных лиц, если потенциальные свидетели будут опасаться раскрытия их личности. Поэтому вопрос о предоставлении анонимности свидетелю должен решаться индивидуально

в каждом конкретном случае, с учетом всей совокупности обстоятельств. Это требует взвешенного подхода, внимательного анализа всех факторов, включая детали совершенного преступления, особенности уголовного дела, а также индивидуальные характеристики свидетеля. Необходимо оценить не только наличие угрозы, но и ее вероятность, масштабы потенциального вреда, а также возможности и ресурсы лиц, предоставляющих эту угрозу. Важно также провести тщательный анализ готовности свидетеля к сотрудничеству с правоохранительными органами, его искренность и мотивы предоставления свидетельских показаний.

Более того, оценка значимости информации, предоставляемой свидетелем, должна быть максимально объективной и проводиться с учетом всех накопленных доказательств. Эта оценка не должна основываться лишь на субъективных мнениях, а должна быть подкреплена конкретными фактами и доказательствами. Только такой комплексный подход, учитывающий все нюансы конкретного дела, позволит принять взвешенное и обоснованное решение о предоставлении анонимности свидетелю, обеспечивая баланс между защитой его прав и интересами правосудия. При этом важно помнить, что анонимность — мера исключительная и применяется только в случаях острой необходимости.

В связи с этим считаем, что данный вопрос решается в каждом конкретном случае индивидуально, учитывая обстоятельства совершенного преступления, особенности и сложность уголовного дела. Для решения вопроса о засекречивании персональных данных свидетеля необходимо учитывать ценность и значимость информации, которой владеет свидетель, для расследования уголовного дела. Оценить степень его готовности к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом, а также угрозу, исходящую от заинтересованных в исходе уголовного дела лиц, с точки зрения возможности, способности и целесообразности ее осуществления.

Участие анонимных свидетелей в уголовном судопроизводстве требует строгого соблюдения определенной процедуры и прав, призванных обеспечить как интересы правосудия, так и безопасность самого свидетеля. Главная цель — получить ценную информацию, не раскрывая личность источника, что часто является критическим условием для успешного расследования. Этот механизм призван защитить тех, кто боится открыто выступать против преступников из-за опасений за свою жизнь, здоровье или имущество.

Процесс начинается с присвоения анонимному свидетелю псевдонима — это его условное имя, под которым он будет фигурировать во всех документах и на всех этапах уголовного судопроизводства. Эта анонимность гарантируется законом (ч. 6 ст. 278 УПК РФ), и любая попытка раскрытия персональных данных засекреченного свидетеля без обоснованного судебного решения строго запрещена. Для того, чтобы такое решение было вынесено, стороны процесса должны предоставить суду веские аргументы, доказательство необходимости раскрытия информации. Даже это решение принимается лишь в исключительных обстоятельствах и с учетом максимальной защиты свидетеля.

В процессуальных документах анонимный свидетель ставит специальную, придуманную подпись, не совпадающую ни с какими его реальными подписями. Эта мера предпринимается, чтобы не дать возможности идентифицировать его почерком. Все следственные действия с его участием проводятся с особой осторожностью и при максимальном соблюдении мер безопасности. Это может включать в себя проведение допроса в специально оборудованных помещениях, исключающих визуальное наблюдение со стороны, а также применение технических средств, изменяющих голос свидетеля во время записи его показаний. При этом анонимному свидетелю категорически запрещается задавать вопросы или давать показания, которые могут каким-либо образом, прямо или косвенно, раскрыть его личность.

Важно отметить, что не всякая информация, полученная от анонимного свидетеля, может быть принята в качестве доказательства в суде. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ сведения, сообщенные анонимным свидетелем, который не может указать источник своей осведомленности или ссылается на слухи, догадки и предположения, признаются недопустимыми доказательствами. Это означает, что суд не может использовать такую информацию при вынесении приговора. Для того чтобы показания анонимного свидетеля были признаны допустимыми, они должны быть подкреплены другими доказательствами или обладать высокой степенью достоверности, что подтверждается дополнительными расследованием и анализом.

В завершение анализа института анонимности свидетелей в уголовном судопроизводстве необходимо подчеркнуть его неоднозначный характер и необходимость взвешенного подхода к его применению. Безусловно, возможность давать показания анонимно способствует раскрытию преступлений и достижению целей правосудия, особенно в случаях, когда на свидетеля или его близких действитель но оказывается реальное давление, угрожающее их жизни и здоровью. Однако критически важно отличать объективные угрозы от искусственно созданных или преувеличеннных с целью избежать ответственности или оказать влияние на ход следствия. Зачастую граница между реальной опасностью и желанием избежать неприятностей весьма размыта, и здесь необходима тщательная проверка всех обстоятельств со стороны правоохранительных органов.

Ключевым аспектом является соразмерность. Потенциальная ценность информации, предоставленной свидетелем, должна соответствовать уровню реальной угрозы, которой он подвергается. Нельзя допускать ситуации, когда анонимность предоставляется лицу, информация которого не имеет существенного значения для дела, а причина анонимности является надуманной. Такой подход не только не способствует объективности следствия, но и может привести к нарушению прав других участников процесса. Право свидетеля на анонимность не должно абсолютизоваться, поскольку оно не должно нарушать права подозреваемого (обвиняемого), его защитника и других участников процесса на защиту и справедливое рассмотрение дела. Если анонимность свидетеля существенно ограничивает возможность обвиняемого и подсудимого опровергнуть предъявляемые ему обвинения, предотвращая его право на защиту, то это может серьезно подорвать легитимность и справедливость вынесенного приговора. В итоге приговор, основанный на анонимных показаниях, без достаточно объективного подтверждения их достоверности и без возможности для обороны надлежащим образом проверить их, может быть признан незаконным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. 28.02.2025) // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22.11.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (Часть I). Ст. 4921.
3. Дикусар Е.А. Показания анонимных свидетелей в российском уголовном процессе : дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. 176 с.
4. Шестакова С.Д., Маркова Е.А. Право на анонимность в российском уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского МВД России. 2016. № 1. С. 85–87.
5. Коваль А. В. Анонимность свидетеля в уголовном процессе // Проблемы совершенствования российского законодательства : сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Барнаул, 2021. 443 с.
6. Иванов А. В. Ориентир на Европу // Новая адвокатская газета. 2015. № 14. С. 9–10.
7. Рязанцев А.А. Защита с «неизвестным» // Новая адвокатская газета. 2017. № 5. С. 10–11.
8. Соколов Д. С. Некоторые проблемы, возникающие при принятии решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2. С. 173–176.
9. Зайцев Е. О. Государственная защита анонимного свидетеля в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 33 с.

УДК 343.6
ББК 67.408.11 + 88.544.4

ЛИЧНАЯ НЕПРИЯЗНЬ: КВАЗИМОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП?

А. А. Сергеева

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия)

Значение мотива преступления в механизме преступного поведения трудно переоценить. В то же время следует констатировать доминирование в науке уголовного права формализованного подхода к определению роли мотива преступления как побудительной силы, вызывающей криминальную активность субъекта преступления.

В статье исследуется структура низменной мотивации преступного поведения, акцентуализуется соотношение наиболее типичных мотивов совершения насильственных преступлений против личности с мотивационной конструкцией *a posteriori* «неприязнь, возникшая на почве личных отношений».

Проводится анализ судебной практики по делам о насильственных преступлениях против личности, в результате которого делается вывод о том, что чрезмерно упрощенный и обобщенный подход правоприменителя, выраженный в сведении всего многообразия низменных мотивов насильственных преступлений к конструкции «личные неприязненные отношения», искачет смысл мотива преступления как внутренней побудительной силы, оставляет за границами судебно-следственного познания истинные причины и условия криминальной агрессии, ценностные установки преступника.

Ключевые слова: мотив преступления, низменный мотив, личная неприязнь, криминальная агрессия, насильственные преступления против личности

SUBJECTIVE HOSTILITY: A QUASI-MOTIVE OF AN OFFENSE OR LAW ENFORCEMENT STEREOTYPE?

A. A. Sergeeva

Saint Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
(Saint-Petersburg, Russia)

The significance of the motive of the crime in the mechanism of criminal behavior is difficult to overestimate. At the same time, the dominance in the science of criminal law of a formalized approach to determining the role of the motive of a crime as an incentive force causing the criminal activity of the subject of the crime should be stated. The article explores the structure of low-powered motivation for criminal behavior, accentuate the ratio of the most typical motives for the commission of violent crimes against the personality with the motivational structure *a posteriori*, called «hostility arising on the basis of personal relations». The author carried out an analysis of judicial practice in cases of violent crimes against the personality, which concluded that an excessively simplified and generalized approach of the law enforcer, expressed in the attention of the entire variety of low-powered crimes to the design of “subjective hostile relations”, distorts the meaning of the motive of the crime as internal incentive force, leaves the borders The causes and conditions of criminal aggression, the value of the criminal.

Keywords: motive of an offense, hostile motive, subjective hostility, criminal aggression, violent crimes against a person

Недооцененность мотива преступления в теории уголовного права, значение которого сводится, как правило, к факультативности или необязательности в сравнении с главным признаком субъективной стороны состава преступления — виной, обусловлена сложившимся в доктрине уголовного права, а также в правоприменительной практике подходом, основанным на выводе о второстепенной роли мотива преступления до того момента, пока особенности его содержания не отражают свойство деяния — общественную опасность, а точнее ее степень [1, с. 6].

С одной стороны, императивность нормы о включении мотива преступления, наряду с виновностью и формой вины, в состав обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (п. 2, ч. 1 ст. 73 УПК РФ), требует от правоприменителя дать оценку мотиву совершения преступления. С другой стороны, не все законодательно установленные мотивы имеют квалифицирующее значение [2, с. 113]. Упоминание о мотиве совершения преступления в нормах уголовного законодательства осуществляется тремя способами: как условие уголовной ответственности за преступление, когда мотив становится конститутивным признаком состава преступления (например, в составе преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, невыплата работодателем части установленных законом выплат за период свыше трех месяцев является уголовно наказуемым деянием, если совершена из корыстной или иной личной заинтересованности), признаком, усиливающим уголовное наказание (например, корыстная заинтересованность в ст. 183 УК РФ), и, наконец, как обстоятельство, отягчающее или смягчающее наказание при его назначении [3, с. 81].

Дифференциация мотивов преступления на имеющие квалифицирующее значение или без такого нередко дополняется исследователями другими классификациями. Например, мотивы преступлений могут быть дивергентны в зависимости от наличия либо отсутствия низменной составляющей [4, с. 272]. При этом законодатель упоминает мотив с низменным содержанием, не раскрывая его сущности, в одном ряду с корыстными побуждениями. Низменность остальных мотивов совершения преступления может быть определена исходя из семантики самого термина, который означает «подлый», «бесчестный» [5, с. 630]. В различных нормах УК РФ встречаются такие мотивы совершения преступления, именуемые законодателем то побуждениями, то заинтересованностью (что гносеологически неверно), как корыстный мотив (корыстная заинтересованность), хулиганские побуждения, личная заинтересованность, мотив ненависти или вражды, не связанный с личными отношениями (в законе имеет шестеричное выражение в форме политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, а также ненависти или вражды по отношению к какой-либо социальной группе), кровной мести, сострадания, мотив, связанный со стремлением уклониться от обязанности (например, ст. 144.1, 145 УК РФ).

Разъясняя порядок применения норм об уголовной ответственности за различные насильственные преступления, Пленум Верховного Суда Российской Федерации упоминает такие мотивы, не влияющие на квалификацию, как ревность, мотивы мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшие на почве личных отношений, удовлетворение половой потребности, желание унизить потерпевшее лицо и др. Очевидно, что в некоторых из перечисленных выше мотивов отсутствие низменной составляющей (сострадание), как и ее наличие, очевидно (месть, ненависть, удовлетворение половой потребности, желание унизить и т.д.), низменность других мотивов неоднозначна, ее наличие вызывает бурную дискуссию (например, мотив ревности зачастую признается «социально нейтральным» мотивом, лишенным низменного содержания [6, с. 623]).

Но особо дискуссионным следует признать мотив, который является порождением правоприменителя, мотив *a posteriori*, упоминаемый в юридической литературе, как правило, в связи с характеристикой субъективной стороны преступления [7, с. 68], — личная неприязнь или личные неприязненные отношения.

Значение слова «неприязнь» определяется как «недружелюбное, недоброжелательное чувство к кому-, чему-либо; нерасположение». Словосочетание «личная неприязнь» указывает на межличностный характер взаимоотношений виновного и потерпевшего и исключает возможность при отсутствии так называемой «борьбы мотивов» установления такого мотива в случаях, если преступление, например, совершено в отношении потерпевшего в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга либо из хулиганских побуждений.

В то же время формальное, порою избыточное, беспричинное использование мотива неприязни, возникшей на почве личных отношений (данный термин представляется более информативным, отражающим сущность мотива, чем «личная неприязнь» или «личные неприязненные отношения»), приводит к постановлению судом обвинительных приговоров, в которых, например, «уживаются» два взаимоисключающих мотива преступления: хулиганский и мотив неприязни, возникшей на почве личных отношений.

Так, Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга постановил приговор по уголовному делу № 1-112/2024 в отношении Рамиля Еремеева, которого признал виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ. В мотивировочной части приговора указано, что Еремеев, находясь у д. 7 по Московскому пр. в Адмиралтейском районе г. Санкт-Петербурга, действуя умышленно, испытывая внезапно возникшую личную неприязнь к незнакомому ранее Г., грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, умышленно нанес последнему удар кулаком правой руки в область лица слева, от чего Г. испытал физическую боль и упал на тротуар. Далее Еремеев нанес лежащему на тротуаре потерпевшему Г. еще один удар правой ногой в область туловища справа, затем совершил наступление правой ногой в область живота, чем причинил своими действиями потерпевшему физическую боль и вред здоровью средней тяжести, что было квалифицировано судом как умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести из хулиганских побуждений.

Внезапно возникшую личную неприязнь, упоминаемую в приговоре как проявление недружелюбности или враждебности к незнакомому человеку, следует признать квазимотивом, а подлинной побудительной силой в данном случае послужило стремление виновного противопоставить себя обществу, продемонстрировать свое пренебрежительное отношение к сложившимся моральным и правовым нормам, обусловленные устойчивыми негативными составляющими мотивационной сферы виновного.

Такая же практика сложилась в связи с рассмотрением уголовных дел о преступлениях против порядка управления, когда преступное посягательство в отношении представителя власти совершается в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, но суд одновременно устанавливает и наличие внезапно возникших личных неприязненных отношений.

Например, Колпинский районный суд г. Санкт-Петербурга, рассмотрев уголовное дело № 1-400/2024, признал Романа Иванова виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ.

Суд установил, что Иванов, находясь в патрульном автомобиле ОР ППСП ОМВД России по Колпинскому району г. Санкт-Петербург, во время движения у д. 35, корп. 1 по бульвару Трудящихся в г. Колпино, будучи в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапно возникшей личной неприязни к находившемуся в том же автомобиле инспектору ППСП ОМВД России по Колпинскому району г. Санкт-Петербурга А., в ответ на законные требования последнего прекратить совершать противоправные действия в связи с предшествовавшим произведенным задержанием Иванова за совершение им административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ, который желал избежать доставления в отдел полиции и привлечения к административной ответственности, находясь на заднем сиденье совместно с инспектором А., не менее одного раза ударил левой боковой частью своей головы в голову потерпевшего, чем причинил последнему физическую боль и моральные страдания.

Фактически, руководствуясь логикой суда, виновный осуществлял посягательство на нормальную деятельность органов власти по мотиву личной неприязни, что противоречит сущности посягательства на порядок управления.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» словосочетание «личная неприязнь» или «личные неприязненные отношения» отсутствует, а мотив неприязни среди равно положенных мотивов мести, зависти, ненависти упоминается в связи с его возникновением на почве личных отношений.

Исследование судебно-следственной практики показало, что правоприменитель, не обременяясь необходимостью анализа низменной мотивации виновного, использует размытую конструк-

цию «личная неприязнь или «личные неприязненные отношения» как универсальную, которая лишь объясняется в материалах дела путем описания повода ее возникновения на основе анализа характера взаимоотношений виновного и потерпевшего, сопровождаемого изложением обстоятельств дела в хронологическом порядке, и не нуждается в подтверждении следственным путем. Подобная формальная практика является стереотипной, неправильной и нуждающейся в актуализации [2, с.114].

Абстрактный, лишенный доказательственного содержания характер используемых правоприменителем мотивов *a posteriori* «личная неприязнь» или «личные неприязненные отношения» в большинстве случаев скрывает богатейшую палитру внутренних побуждений преступника, например, связанных с аморальным или противоправным поведением потерпевшего, местью за ранее совершенные действия, предшествующими интимными отношениями участников конфликта [8, с. 157]. Чаще всего данный конструкт используется при описании внутренних психических процессов преступника, совершающего насильственные преступления против личности.

Так, Санкт-Петербургский городской суд приговором от 20 марта 2025 г. по уголовному делу № 2-25/2025 (2-69/2024) Варвару Жеребцову признал виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105, 125, 156 УК РФ. Суд установил, что с 18 по 20 января 2024 г. Жеребцова совершила неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию своих малолетних детей — Ж., 2023 г.р., и Ж1., 2022 г.р. Находясь в квартире в пос. Парголово, действуя умышленно, испытывая личную неприязнь к своей малолетней дочери Ж., 2023 г.р., а также с целью избавления себя от обязательств по ее воспитанию, достоверно зная о ее возрасте, положила последнюю спиной на диван в комнате. Далее, приискав тупой предмет, которым могла быть подушка, положила его на Ж., в том числе закрыв лицо и органы дыхания последней, проградив доступ кислорода, и с силой, присущей взрослому человеку, придавила не менее одного раза, а также осуществила не менее семи воздействий тупым твердым предметом (предметами) с ограниченной следообразующей поверхностью в области головы, шеи, туловища, а также верхних и нижних конечностей, после чего покинула жилище, отсутствуя не менее чем двое суток, вплоть до обнаружения Ж. не позднее 20 января 2024 г. без признаков жизни. Смерть потерпевшей наступила на месте происшествия от механической асфиксии.

В этот же период, находясь по месту своего проживания совместно со своим малолетним сыном Ж1, 2022 г.р., пренебрегая жизненными потребностями последнего, который по малолетству, вследствие своей беспомощности, лишен возможности самостоятельно принимать меры к самосохранению, не обеспечила мер предосторожности в вышеуказанной квартире, покинула жилище не менее чем на двое суток, т. е. на продолжительное время, заведомо оставив малолетнего Ж1 одного без помощи и присмотра.

Представляется, что в данном случае доминирующим мотивом совершения преступления, способствующим постижению общей направленности личности, ее ценностной ориентации [9, с. 16], следует признать стремление виновной прервать обременительное для нее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних детей, а не личную неприязнь.

Следует полагать, что убийство малолетнего, лица, находящегося в беспомощном состоянии, беременной женщины должно характеризоваться низменными побуждениями *a priori*, поскольку для виновного особая уязвимость жертвы и недопустимость причинения ей вреда очевидны. Указание в приговоре на личную неприязнь в таких случаях нельзя признать достаточным.

Многообразие эмпирического материала, подтверждающего вывод о сложившейся порочной практике формального исполнения требования законодателя устанавливать и доказывать по уголовному делу не только виновность, форму вины, но и мотив совершения преступления, представлено уголовными делами о совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 111 УК РФ, более 80% которых упоминают о фактах преступной агрессии на почве неприязни. Проявление криминальной агрессии в таких случаях часто сопровождается внезапно возникшей неприязнью в ходе совместного употребления виновным и потерпевшим алкогольных напитков или употреблением алкоголя одним из них, усиливаемой ссорой, словесным конфликтом, взаимными оскорблениеми, дракой.

Чаще всего криминологическая картина преступлений, совершенных по мотиву внезапно возникшей неприязни, весьма схожа с картиной неприязни устойчивого характера. Отличает ее, как правило, отсутствие длительной вражды между потерпевшим и виновным. Возникшая неприязнь не носит устойчивого характера, поэтому ее следует относить к эмоциям, а не к чувствам, как неприязнь устойчивого характера [10, с. 224]. При этом до момента возникновения неприязни, возникшей на почве личных отношений, виновный и потерпевший, как правило, демонстрировали если не симпатию, то, по крайней мере, толерантное отношение друг к другу.

Устойчивый характер неприязни проявляется в случаях, когда недружелюбная атмосфера, недружелюбное или даже враждебное отношение к кому-нибудь формировалось в течение более или менее длительного промежутка времени, неприязнь накапливалась, наполняла сознание виновного, порою перерастая в ненависть, и в результате привела к криминальному насилию. Неприязнь, возникшая на почве личных отношений, может выступать в таких случаях, например, следствием неприемлемого, не одобряемого виновным поведения потерпевшего (например, аморального).

Так, например, Красносельский районный суд г. Санкт-Петербурга постановил обвинительный приговор по уголовному делу № 1-253/2025 в отношении Рамина Багирова, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Багиров, испытывая личную неприязнь и личную обиду к своей сестре Б., действуя умышленно, желая причинить особые боль и страдания потерпевшей, имея умысел на убийство последней с особой жестокостью, нанес Б. не менее 13 ударов колюще-режущим предметом в область задней поверхности груди. После причинения вышеуказанных телесных повреждений Багиров наблюдал за мучениями Б., после чего, с целью доведения до конца своего преступного умысла, направленного на убийство потерпевшей, нанес Б. не менее одного удара вышеуказанным предметом в правую боковую поверхность шеи, причинив своими действиями потерпевшей телесное повреждение с полным пересечением правой сонной артерии. Потерпевшая в связи с причиненными ей вышеуказанными множественными телесными повреждениями находилась в длительном состоянии агонии продолжительностью до 30 минут и испытывала особую боль (страдания), после чего умерла. Багиров пояснил, что с его сестрой Б., уроженкой и гражданкой Республики Азербайджан, были натянутые отношения, она вела разгульный образ жизни, и ему это сильно не нравилось, в силу своего молодого возраста он считал, что своим образом жизни она позорит семью. Б. состояла в браке, однако муж от нее ушел из-за того, что она вела разгульный образ жизни. В браке сестра родила двоих детей, которые проживают в Республике Азербайджан, связь с ними она особо не поддерживает. Как указано в приговоре, в связи с тем, что сестра вела разгульный образ жизни и, как он считал, позорила семью, он стал испытывать к ней личную неприязнь, и в ноябре 2006 г. у него возникло желание ее убить.

Очевидно, что неприязнь Багирова, возникшая на почве родственных отношений с сестрой, как мотив не охватывает сложные психические процессы, происходящие в сознании виновного, и правоприменитель существенно упрости судебно-следственное познание низменного содержания подлинного мотива преступления Багирова, испытывающего ненависть к сестре и стремление отомстить сестре за поруганную честь семьи.

Несмотря на то что в данном случае неустановление истинного мотива совершения убийства с особой жестокостью не препятствовало осуждению виновного лица, следует признать суждения некоторых авторов о том, что процесс субъективизации уголовного судопроизводства ставит непосильные для правоприменителя задачи, осложняет процесс изобличения виновного в случаях, когда установление истинного мотива преступления не влияет на квалификацию [11, с. 31], не обосновано и противоречит принципу вины.

Таким образом можно констатировать, что современная судебно-следственная практика, демонстрирующая избыточно упрощенный подход к процессу познания мотивации преступного поведения, приводит в том числе к возникновению значительного числа судебно-следственных ошибок, выраженных в неправильной квалификации преступлений, в нарушении принципа справедливости, обусловленных предпочтением квазимотива «личные неприязненные отношения», не требующего подтверждения следственным путем подлинных мотивов совершения преступления.

В заключение можно отметить, что структура низменной мотивации умышленных преступлений, в большей степени направленных против жизни и здоровья, значительно шире беспринципно используемой мотивационной конструкции «личная неприязнь». Неприязнь, возникшая на почве личных отношений, как равноположенный с ненавистью, местью, завистью мотив преступления, подлежит тщательному судебно-следственному познанию, что позволит создать необходимые гарантии уголовно-правовой охраны жизни и здоровья граждан от преступных посягательств, а равно усовершенствовать механизм коррекции преступного поведения посредством выявления истинных причин и условий криминальной агрессии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступления. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1968. 166 с.
2. Питулько К. В., Сергеева А. А. Проблемы определения структуры низменной мотивации умышленных преступлений (на примере ревности, мести, зависти, ненависти и вражды) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10. С. 113–115.
3. Музюкин А. П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 127 с.
4. Якушин В. А. Нужна ли классификация мотивов преступления в уголовном праве? // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 2. С. 270–274.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. 1376 с.
6. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. 1066 с.
7. Уголовное право. Особенная часть : учебник. М. : ИНФРА-М, 2008. 800 с.
8. Мосечкин И. Н. Личные неприязненные отношения как мотив совершения убийства // Психология и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 154–164.
9. Печников Н. П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России : курс лекций. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2009. 64 с.
10. Севостьянов Р. А. Личная неприязнь как мотив совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 9А. С. 221–227.
11. Боруленков Ю. П. Мотив как элемент предмета доказывания // Мировой судья. 2013. № 2. С. 28–32.

УДК 343.34:004
ББК 67.408.135

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Т. В. Филипенко

Институт экономических исследований (Донецк, Россия)

В современном цифровом мире, где информационные данные и компьютерные системы играют ключевую роль, кибербезопасность приобретает первостепенное значение. Она включает в себя комплекс мер, направленных на защиту от киберугроз, таких как взлом, кражи данных и другие злонамеренные действия, и является критически важной для обеспечения стабильности и безопасности бизнеса, государства и каждого пользователя. Для обеспечения кибербезопасности требуется слаженная работа технических специалистов, юристов, управленцев, политиков.

На пути к надежной защите от киберугроз стоит целый ряд организационно-правовых проблем, среди которых несовершенство законодательной базы, пробелы в правовом регулировании, недостаточная координация государственных органов и частных компаний, занимающихся кибербезопасностью, дефицит специалистов, недостаточное финансирование, низкая культура кибербезопасности.

Решение перечисленных проблем требует комплексного подхода, направленного на совершенствование законодательства, организационных структур и технических средств, внедрение новых технологий, повышение квалификации специалистов и осведомленности населения о киберугрозах. Только совместными усилиями государства, бизнеса и общества можно создать надежную систему кибербезопасности, способную защитить от современных киберугроз.

Ключевые слова: кибербезопасность, информационная безопасность, киберугрозы, кибермошенничество, кибератаки, компьютерные преступления

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF ENSURING CYBERSECURITY

Т. В. Filipenko

Institute of Economic Research (Donetsk, Russia)

In today's digital world, where information data and computer systems play a key role, cybersecurity is of paramount importance. It includes a set of measures aimed at protecting against cyberthreats such as hacking, data theft and other malicious activities, and is critically important for ensuring the stability and security of businesses, the state and every user. Cybersecurity requires the coordinated work of technical specialists, lawyers, managers, and politicians.

There are a number of organizational and legal problems on the way to reliable protection against cyberthreats, including imperfection of the legislative framework, gaps in legal regulation, insufficient coordination of government agencies and private companies involved in cybersecurity, shortage of specialists, insufficient funding, low culture of cybersecurity.

Solving these problems requires an integrated approach aimed at improving legislation, organizational structures and technical means, introducing new technologies, improving the skills of specialists and public awareness of cyberthreats. Only through the joint efforts of the state, business and society can a reliable cybersecurity system be created that can protect against modern cyberthreats.

Keywords: cybersecurity, information security, cyberthreats, cyberfraud, cyberattacks, computer crimes

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.16](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.16)

Современные информационные технологии кардинально меняют экономику, политику, государственное управление и общество, открывая новые перспективы для граждан. В России большинство людей имеют круглосуточный доступ к осуществлению разнообразных финансовых операций через интернет и мобильные приложения. Однако вместе с распространением компьютерных технологий растет и опасность киберпреступности, которая подрывает экономическую стабильность страны.

Вопросы кибербезопасности и киберпреступности рассматриваются в работах многих российских ученых, среди которых: М. С. Решетникова, И. А. Пугачева, В. В. Попов, Д. И. Филиппов, Е. В. Кунц, В. Ф. Джадарли, М. В. Финкель, Р. В. Мещеряков, А. Р. Маргамов, А. Р. Набиева, Р. Ф. Гуляутдинов, Т. И. Чембарисов [1–7] и др. Однако актуальность существующих проблем требует дальнейшего изучения организационно-правовых аспектов кибербезопасности.

В соответствии с национальным стандартом ГОСТ Р 56205–2014 кибербезопасность включает в себя «действия, необходимые для предотвращения неавторизованного использования, отказа в обслуживании, преобразования, рассекречивания, потери прибыли или повреждения критических систем или информационных объектов» [8].

Термин «кибербезопасность» тесно связан с термином «информационная безопасность», они часто используются как взаимозаменяемые, однако они не идентичны. Информационная безопасность имеет более широкую сферу действия, охватывая защиту всех данных организации как в цифровом, так и в аналоговом формате. Кибербезопасность, напротив, фокусируется на защите цифровой информации от угроз в киберпространстве.

Цель кибербезопасности заключается в минимизации рисков, связанных с киберугрозами, что включает в себя защиту от физического вреда, ущерба репутации, утечки критически важной информации, финансовых потерь и несоблюдения нормативных требований. Эти риски актуальны для любых систем, используемых в производстве, от отдельных устройств до сложных интегрированных сетей. Безопасное взаимодействие между этими системами, будь то через внутренние каналы или внешние интерфейсы, требует строгой аутентификации, надежной функциональности, эффективного управления и безопасного обмена данными. Поэтому основополагающими принципами кибербезопасности являются идентификация, аутентификация, отслеживаемость, авторизация, доступность и приватность.

Реализация киберугроз чревата серьезными последствиями. Помимо потери и изменения данных, злоумышленники могут получить доступ к конфиденциальной информации. В то время как некоторые инциденты могут быть относительно безобидными, другие наносят значительный ущерб и даже ставят под угрозу национальную безопасность.

Киберугрозы проявляются в виде вирусных атак, мошеннических операций с кредитными картами, кражи денег с банковских счетов, утечки конфиденциальных данных и сбоев в работе автоматизированных вычислительных систем. Эксперты в области информационных технологий и права выражают обеспокоенность тем, что компьютеры все чаще используются для совершения таких серьезных преступлений, как терроризм, шпионаж, финансовое мошенничество, кражи, распространение детской порнографии и другие противозаконные действия.

Наибольшему риску кибератак подвержены телекоммуникационные, финансовые, розничные и промышленные компании. Малый и средний бизнес также становится привлекательной целью для киберпреступников из-за их активной деятельности и одновременно слабой кибербезопасности и недостаточной оценки рисков. Переход на удаленную работу усугубляет ситуацию, расширяя периметр безопасности компаний за счет домашних сетей и личных устройств сотрудников, что делает их более уязвимыми.

Согласно отчету компании Verizon за 2024 г., человеческий фактор является основной уязвимостью в кибербезопасности: 68% утечек данных происходит из-за человеческих ошибок или невнимательности, а не из-за злонамеренных действий. Это означает, что существует огромный потенциал для снижения рисков кибербезопасности за счет повышения осведомленности сотрудников и улучшения обучения в этой области [9].

Основными видами киберугроз, представляющих серьезную опасность для организаций, являются программы-вымогатели, целевые кибератаки, DDoS-атаки, фишинг, инсайдерские (внутренние) угрозы [10, с. 39].

Программы-вымогатели, шифруя данные и требуя выкуп, могут парализовать работу целых компаний.

Целевые атаки, или APT (Advanced Persistent Threat — развитая устойчивая угроза), — это сложные, хорошо спланированные операции, включающие проникновение в корпоративную сеть, похищение конфиденциальной информации и скрытие следов взлома. В целевых атаках могут использоваться и другие методы киберпреступности — фишинг, вымогательство и т.д. Хотя такие атаки часто приписываются государственным структурам или крупным корпорациям из-за их сложности и стоимости, однако даже небольшие компании с перспективными разработками могут стать их целью.

DDoS-атаки — это попытки вывести из строя компьютерную систему, такую как веб-сервер, путем перегрузки ее ресурсами. Злоумышленники генерируют огромное количество одновременных запросов, которые система не может обработать. В результате система перестает отвечать на запросы пользователей, что приводит к отказу в обслуживании. Особенно уязвимы к таким атакам компании, ведущие бизнес онлайн, и телекоммуникационные компании.

Фишинг (fishing — рыбалка) — это мошенническая тактика, при которой злоумышленник пытается обманом выманить у жертвы конфиденциальную информацию. Обычно это делается путем рассылки обманчивых электронных писем, которые выглядят как официальные сообщения. Эти письма содержат либо вредоносные файлы, либо ссылки на поддельные сайты, предназначенные для кражи личных данных.

Инсайдерские угрозы — это риски безопасности, возникающие изнутри организации. Они могут быть вызваны действиями сотрудников, как намеренными (например, кража данных), так и не-преднамеренными (например, ошибки или случайная утечка информации).

Мировой ущерб от кибератак в 2024 г. оценивается в 9,22 трлн долларов США, прогнозируется, что к 2028 г. эта цифра достигнет 13,82 трлн долларов США [11]. Отмечается, что методы злоумышленников становятся все более совершенными, используются технологии искусственного интеллекта для атак на пользователей и компании.

По данным Министерства внутренних дел в 2024 г. кибермошенники нанесли ущерб россиянам на сумму 200 млрд руб., что на 36% больше, чем в 2023 г. Основной причиной роста ущерба стало увеличение хищений кредитных средств, что подтверждает приоритет финансовой выгоды для киберпреступников. Жертвами этих преступлений стали 448,9 тыс. чел. [12].

Вместе с удобствами, которые цифровые технологии принесли клиентам, пришел и значительный рост мошеннических действий. Это создало благоприятную почву для нелегальных участников финансового рынка и расцвета финансовых онлайн-пирамид. В настоящее время российские банки особенно уязвимы перед телефонным мошенничеством и аферами с банковскими картами.

По данным Центробанка России, в 2024 г. объем средств, похищенных мошенниками у клиентов банков, резко возрос, достигнув 27,5 млрд руб. Это на 74,4% превышает показатель 2023 г. Больше всего пострадали физические лица, потерявшие 26,9 млрд руб., в то время как потери юридических лиц составили 667 млн руб. При этом наблюдается смена приоритетов у злоумышленников. Если раньше они в основном нацеливались на прямое хищение денежных средств, то теперь все чаще используют сложные многоступенчатые схемы, направленные на подрыв доверия к организациям. В 2025 г. регулятор ожидает увеличения числа репутационных атак, включающих утечки данных, манипуляции с корпоративными системами и распространение информационной обстановки недоверие [13].

В настоящее время ведется работа по ужесточению ответственности финансовых учреждений за случаи мошенничества, связанные с переводами денежных средств клиентов. С июля 2024 г. банки обязаны возвращать деньги гражданам, которые были незаконно списаны с их счетов. Возврат средств осуществляется в тех случаях, если перевод был отправлен на мошеннический счет, зарегистрированный в Центральном банке, а также если операция была выполнена без предварительного уведомления клиента. В таких ситуациях финансовые организации обязаны вернуть деньги в течение 30 дней с момента получения заявления от гражданина [14].

В 2024 г. российские банки вернули клиентам 2,7 млрд руб. похищенных мошенниками средств, что составляет 9,9% от общего объема. Также банкам удалось предотвратить хищения 13,5 трлн руб. Кроме того, с июля 2025 г. вводится обязательная двухдневная задержка платежей, если получатель средств фигурирует в базе данных Банка России как участник мошеннических схем.

Для повышения безопасности денежных переводов Генпрокуратура РФ инициировала внедрение автоматизированной системы, блокирующей переводы на счета, фигурирующие в мошеннических схемах. Министерство цифрового развития РФ, в свою очередь, работает над созданием единой платформы для противодействия кибермошенничеству, которая позволит объединить и усилить существующие механизмы выявления и предотвращения подозрительных транзакций.

В юридической литературе выделяются следующие виды негативных последствий компьютерных преступлений:

1. Нарушение работоспособности систем: а) дестабилизация рабочих процессов, нарушение графиков и планов; б) ограничение доступа к системе для пользователей; в) повреждение аппаратного и программного обеспечения системы.

2. Материальный ущерб: утрата денежных средств, товарно-материальных ценностей, оборудования, конфиденциальной информации.

3. Потеря исключительных прав на использование информации, в том числе коммерческой тайны.

4. Нарушение прав интеллектуальной собственности, незаконное использование объектов авторского и смежных прав, патентных прав, прав на изобретения и других охраняемых законом прав.

По информации Positive Technologies наиболее распространенными последствиями успешных кибератак на бизнес являются утечка конфиденциальной информации (67%) и нарушение основной деятельности (44%) [15].

Оценка полного спектра последствий преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, является крайне сложной задачей. Причина в том, что эти последствия напрямую зависят от типа и ценности информации, ставшей объектом преступного воздействия. Масштаб ущерба в каждом конкретном случае определяется значимостью общественных отношений, которые призваны оптимизировать компьютерные технологии.

Кибератаки оказывают влияние не только на финансовые показатели деятельности организаций и компаний. Они могут разрушить доверие клиентов, ухудшить репутацию компании, привести к заметному снижению стоимости акций [1, с. 4122].

Компьютерные преступления совершаются как сотрудниками организации, так и посторонними лицами. Однако подавляющее большинство (94%) таких преступлений совершается внутренними пользователями, причем основная их часть (70%) приходится на обычных пользователей компьютерных систем, а 24% — на обслуживающий персонал.

В сфере компьютерных технологий наблюдается тенденция к росту злоупотреблений и увеличению наносимого ими вреда. Это обусловлено несколькими факторами:

- повсеместное распространение информационных технологий создает больше возможностей для злоумышленников;
- увеличение числа квалифицированных специалистов в области информационных технологий сопровождается увеличением числа потенциальных злоумышленников с необходимыми знаниями и навыками;
- законодательная база, регулирующая информационные отношения и безопасность, не успевает за развитием технологий и оставляет лазейки для злоумышленников;
- многие системы не имеют адекватных технических средств защиты информации, что делает их уязвимыми для атак;
- низкий уровень раскрываемости преступлений в сфере информационных технологий снижает риск наказания и стимулирует злоумышленников.

По данным Генеральной прокуратуры РФ раскрываемость кибермошенничеств в 2024 г. составила лишь 23% [16]. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, включающего активизацию взаимодействия между различными ведомствами, подготовку квалифицированных кадров и повышение осведомленности граждан о киберугрозах.

В отличие от обычных преступлений, киберпреступления характеризуются беспрецедентной скоростью и масштабом распространения, стирая границы времени, географии и даже личности преступника. Если для совершения традиционного преступления, например кражи, требуется физическое проникновение в охраняемое место, то для киберпреступления достаточно компьютера, базовых знаний о компьютерных системах и специализированного программного обеспечения. Это позволяет злоумышленникам совершать преступления, не покидая своего дома и не сталкиваясь с физическими препятствиями.

Важной особенностью компьютерных преступлений является анонимность цифровой информации, что существенно затрудняет расследование. В отличие от традиционных преступлений, где используются методы идентификации, такие как анализ почерка или отпечатков пальцев, в цифровой среде электронные следы часто не содержат явных идентификаторов, делая их анализ крайне сложным.

Характерной чертой компьютерных правонарушений является широкий спектр используемых инструментов. Вместо привычного физического оружия злоумышленники применяют разнообразное программное обеспечение для осуществления цифровых вторжений.

Преступления, связанные со взломом и нарушением работы компьютерных систем, представляют серьезную опасность. Несмотря на отличие от традиционных криминальных деяний, потенциальный ущерб от таких атак может быть сравним с последствиями крупных техногенных катастроф.

В настоящее время в развитии информационных технологий и кибербезопасности важное место занимает использование искусственного интеллекта [5, с. 39], 44% организаций по всему миру внедряют его для выявления и предотвращения киберугроз. Российские компании также активно работают над технологиями, которые позволяют с помощью искусственного интеллекта обнаруживать сетевые нападения, заражения вредоносным программным обеспечением и другие киберугрозы.

Использование искусственного интеллекта стало ключевым фактором в развитии ИТ-рынка и кибербезопасности. По данным исследований, 44% организаций по всему миру применяют ИИ для проактивного выявления и блокировки киберугроз. Российские компании также инвестируют в разработку систем искусственного интеллекта, способных автоматически обнаруживать сетевые атаки, вредоносное программное обеспечение и другие виды киберугроз [5, с. 41]. Например, в Сбербанке России нейросеть интегрирована в программное обеспечение, защищающее от утечки данных. В социальной сети «ВКонтакте» искусственный интеллект помогает выявлять и блокировать оскорбительные комментарии, предупреждает пользователей о подозрительных контактах. Почтовый сервис Mail.ru и социальная сеть «Одноклассники» применяют искусственный интеллект для борьбы с фишингом, спамом и для восстановления утраченного доступа к аккаунтам.

По прогнозам Центра стратегических разработок технологии искусственного интеллекта будут ежегодно расти на 24%, при этом их развитие тесно взаимосвязано с кибербезопасностью [17].

С учетом перечисленных факторов злоупотребления в сфере компьютерных технологий превратились в острую проблему, требующую срочных и скоординированных усилий общества и государства. Для эффективного решения этой проблемы необходимо глубокое понимание компьютерной преступности как социального явления и разработка не только методов расследования, но и, что особенно важно, превентивных мер, направленных на предотвращение таких преступлений и формирование системной стратегии противодействия [3, с. 100].

Целью государственных инициатив является создание безопасной, надежной и доступной цифровой экосистемы, отвечающей интересам всех пользователей [2, с. 1517]. В то же время в России отсутствует комплексная, официально утвержденная концепция кибербезопасности. Разработанный в 2010 г. соответствующий проект так и не был реализован. Регулирование в сфере кибербезопасности осуществляется посредством отдельных нормативных правовых актов, охватывающих различные аспекты информационной безопасности и деятельности в киберпространстве [18].

К таким документам можно отнести Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации, утвержденные Указом Президента РФ от 3 февраля 2012 г. № 803. Документ определяет критически важный объект инфраструктуры Российской Федерации как объект, отказ или прекращение работы

которого влечет за собой серьезные и долговременные последствия. К ним относятся: утрата управляемости, разрушение инфраструктурных элементов, нанесение непоправимого ущерба экономике (на национальном, региональном или местном уровне), а также значительное ухудшение условий безопасности жизнедеятельности населения. Установлено, что государственная политика направлена на минимизацию рисков, связанных с несанкционированным влиянием на системы управления производственными и технологическими процессами этих объектов, и на смягчение потенциальных негативных последствий такого воздействия.

Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» определяет, какие информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления считаются объектами критической информационной инфраструктуры. К ним относятся системы, работающие в таких жизненно важных сферах, как здравоохранение, наука, транспорт, связь, энергетика, финансовый сектор, топливно-энергетический комплекс, атомная промышленность, оборона, космическая отрасль, горнодобывающая, металлургическая и химическая промышленность. Закон устанавливает основные принципы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры, определяет полномочия государственных органов в этой области, а также права, обязанности и ответственность организаций, эксплуатирующих эти системы. Для защиты критической информационной инфраструктуры закон предусматривает ряд мер, включая категоризацию объектов по степени значимости, ведение реестра значимых объектов критической информационной инфраструктуры, оценку уровня их защищенности, осуществление государственного контроля и создание специализированных систем безопасности.

Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (Концепция ГосСопка), утвержденная Указом Президента РФ от 12 декабря 2014 г. № К 1274, определяет цели, задачи, принципы построения и функционирования соответствующей государственной системы, а также необходимые виды обеспечения для ее создания и эксплуатации. ГосСопка представляет собой иерархически организованную сеть государственных и коммерческих центров, осуществляющих непрерывный обмен информацией об инцидентах информационной безопасности и методах их нейтрализации.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, определяет состав и структуру информационной сферы, включая информацию, объекты информатизации, информационные системы, веб-ресурсы, средства связи, информационные технологии и субъекты, осуществляющие деятельность в данной сфере. Доктрина устанавливает, что обеспечение информационной безопасности является комплексной задачей, требующей реализации взаимосвязанных мер правового, организационного, оперативно-разыскного, разведывательного, контрразведывательного, научно-технического, информационно-аналитического, кадрового и экономического характера. Целью этих мер является прогнозирование, выявление, сдерживание, предотвращение и отражение информационных угроз, а также устранение последствий их реализации и регулирование общественных отношений в информационной сфере.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, ключевой целью в сфере информационной безопасности является укрепление суверенитета РФ в информационном пространстве. Для ее достижения, помимо противодействия киберпреступности и защиты критической инфраструктуры, особое внимание уделяется развитию и внедрению передовых технологий в сфере информационной безопасности. В частности, планируется активное использование искусственного интеллекта и квантовых вычислений для создания более эффективных средств и методов защиты.

Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» ввел прямой запрет на приобретение и использование иностранного программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов на соответствующих объектах, за исключением согласованных случаев. Ключевая задача заключается в переходе на преимущественное использование отечественных разработок.

В соответствии с Концепцией формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 22 декабря 2022 г. № 4088-р, поставлена задача повышения уровня информационной безопасности граждан РФ. Ключевой целью является формирование у населения компетенций, необходимых для противодействия современным угрозам, включая информационно-психологические. Реализация концепции предполагает проведение регулярных информационных кампаний, ориентированных на распространение знаний о правилах личной информационной безопасности в доступной и ненавязчивой форме, с использованием популярных интернет-ресурсов.

Для снижения уровня киберпреступности и дальнейшего укрепления кибербезопасности в стране представляется необходимым:

- продолжить разработку законодательства, охватывающего все аспекты кибербезопасности;
- создать единый координационный центр, обеспечивающий согласованную работу государственных структур и частного сектора в сфере кибербезопасности;
- увеличить количество образовательных программ по кибербезопасности и повысить привлекательность работы в этой сфере;
- обеспечить достаточное финансирование для поддержания и развития системы кибербезопасности;
- проводить образовательные мероприятия для сотрудников организаций и населения для повышения их цифровой грамотности и безопасного поведения в сети;
- укреплять международное сотрудничество для борьбы с киберпреступностью и разработки единых международных стандартов кибербезопасности.

Таким образом, борьба с киберпреступностью и обеспечение кибербезопасности требует комплексного подхода, включающего усиление государственной защиты, повышение цифровой грамотности населения и создание современной системы кибербезопасности, основанной на соответствующем законодательстве и передовых информационных технологиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Решетникова М. С., Пугачева И. А., Попов В. В. Киберугрозы: фактор неопределенности цифровой экономики // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 11. С. 4113–4130.
2. Филиппов Д. И. Финансовые инновации в условиях развития цифровой экономики // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 8. С. 1503–1520.
3. Кунц Е. В. Противодействие современным киберпреступлениям // Российско-Азиатский правовой журнал. 2025. № 1. С. 97–104.
4. Джадарли В. Ф., Финкель М. В. Актуальность обеспечения криминологической кибербезопасности в предпринимательской деятельности // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г. Б. Мирзоева. 2024. № 2. С. 79–82.
5. Мещеряков Р. В. Вопросы безопасности систем искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: теория и практика. 2023. № 4. С. 38–41.
6. Маргамов А. Р., Набиева А. Р. Развитие взаимодействий органов власти с получателями государственных услуг с учетом рисков кибербезопасности // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 5. С. 49–51.
7. Гуляутдинов Р. Ф., Чембарисов Т. И. Тенденции развития кибермошенничества в России // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2. С. 256–258.
8. Национальный стандарт Российской Федерации «Сети коммуникационные промышленные. Защищенность (кибербезопасность) сети и системы. Часть 1–1. Терминология, концептуальные положения и модели»: ГОСТ Р 56205–2014 (IEC/TS 62443–1–1:2009) от 01.01.2016 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200114169> (дата обращения: 30.05.2025).
9. Отчет о расследовании утечки данных за 2024 год: Большинство нарушений связаны с незлонамеренным человеческим фактором. URL: <https://newsletter.radensa.ru/archives/6363> (дата обращения: 30.05.2025).

10. Филипенко Т.В. Киберугрозы экономической безопасности государства // Устойчивое развитие науки и образования. 2023. № 12. С. 38–42.
11. Ущерб от киберпреступлений вырастет на треть за следующие 4 года // ИММР. URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/userb-ot-kiberprestuplenij-vyrastet-na-tret-za-sledusie-4-goda/> (дата обращения: 30.05.2025).
12. Ущерб от действий кибермошенников в РФ в 2024 г. вырос на 36%, до 200 млрд руб. // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1009710> (дата обращения: 30.05.2025),
13. ЦБ зафиксировал рекордную сумму хищений у банковских клиентов в 2024 году // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516?ysclid=mb7nj8b38f464513655> (дата обращения: 30.05.2025).
14. О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» : Федеральный закон от 24.07.2023 № 369-ФЗ // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/407426196/> (дата обращения: 30.05.2025).
15. Positive Technologies: четыре из пяти атак носят целенаправленный характер. URL: <https://telecomdaily.ru/news/2023/08/29/positive-technologies-chetyre-iz-pyati-atak-nosyat-celenapravlennyharakter> (дата обращения: 30.05.2025).
16. Генпрокуратура России оценила раскрываемость кибермошенничеств в 23% // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1009713> (дата обращения: 30.05.2025).
17. Что будет с кибербезопасностью в 2024 году // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/657718709a7947ed6188d010> (дата обращения: 30.05.2025).
18. Стратегии кибербезопасности: Аналитический отчет InfoWatch. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/publication_file/analiticheskiy-otchet-strategii-kiberbezopasnosti.pdf?ysclid=m1wgqyl832715941524 (дата обращения: 30.05.2025).

УДК 343.72
ББК 67.408.121.2

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕЛЕФОННОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

E. O. Филиппова

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Статья посвящена анализу современного состояния противодействия телефонному мошенничеству в Российской Федерации. Рассматриваются основные схемы телефонного мошенничества, правовые основы борьбы с данным видом преступлений, технические средства защиты граждан, а также межведомственное взаимодействие в сфере противодействия дистанционным хищениям. Особое внимание уделяется новым технологическим решениям, внедренным в 2024–2025 гг. для защиты граждан от мошеннических действий. Анализируется эффективность принимаемых мер и предлагаются направления совершенствования системы противодействия телефонному мошенничеству.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, дистанционные хищения, социальная инженерия, информационная безопасность, киберпреступность, финансовая безопасность, цифровая грамотность, антифрод-системы

COUNTERACTION TO TELEPHONE FRAUD IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. O. Filippova

Orenburg State University (Orenburg, Russia)

The article is devoted to the analysis of the current state of counteraction to telephone fraud in the Russian Federation. The main schemes of telephone fraud, the legal basis for combating this type of crime, technical means of protecting citizens, as well as interdepartmental cooperation in the field of counteraction to remote theft are considered. Particular attention is paid to new technological solutions implemented in 2024–2025 to protect citizens from fraudulent activities. The effectiveness of the measures taken is analyzed and directions for improving the system of counteraction to telephone fraud are proposed.

Keywords: telephone fraud, remote theft, social engineering, information security, cybercrime, financial security, digital literacy, anti-fraud systems

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralf\(2025\)4.17](https://doi.org/10.14258/ralf(2025)4.17)

Телефонное мошенничество представляет собой одну из наиболее распространенных форм киберпреступности в современной России. По данным МВД России ущерб от действий телефонных мошенников исчисляется десятками миллиардов рублей ежегодно, что делает данную проблему одним из приоритетных направлений работы правоохранительных органов и финансовых институтов страны.

Развитие цифровых технологий и повсеместное распространение мобильной связи создали благоприятную среду для деятельности мошенников, использующих методы социальной инженерии для хищения денежных средств граждан. Преступники постоянно совершенствуют свои схемы, адаптируясь к новым защитным механизмам и используя актуальные информационные поводы для введения граждан в заблуждение.

В России сформировалась комплексная система противодействия телефонному мошенничеству, включающая правовые, организационные и технические компоненты. Центральный банк Россий-

ской Федерации совместно с кредитными организациями внедрил усовершенствованные антифрод-системы, позволяющие выявлять подозрительные операции в режиме реального времени. Введенный в 2024 г. механизм приостановки подозрительных переводов на срок до двух рабочих дней дает возможность банкам провести дополнительную проверку операций и связаться с клиентом для подтверждения транзакции.

Во многих работах ученых юристов подчеркивается необходимость борьбы и предотвращения совершения подобного рода правонарушений, поскольку они подрывают основу конституционного строя Российской Федерации, гарантирующую гражданам страны неприкосновенность частной жизни, и в целом безопасности государства [1, с. 83].

Операторы связи играют ключевую роль в системе противодействия телефонному мошенничеству. С 2025 г. все операторы обязаны использовать технологию определения подмены номера, что существенно затрудняет мошенникам возможность представляться сотрудниками банков или государственных органов. Внедрение системы маркировки звонков позволяет абонентам видеть предупреждение о потенциально опасном звонке еще до ответа на него.

Правовая база противодействия телефонному мошенничеству включает нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа по ст. 159.3 УК РФ [2]. Максимальное наказание по данной статье составляет до десяти лет лишения свободы при особо крупном размере хищения. Кроме того, применяются нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации и общие нормы о мошенничестве.

Межведомственное взаимодействие обеспечивается через специализированные координационные центры, созданные при МВД России и Банке России. Эти структуры осуществляют оперативный обмен информацией между правоохранительными органами, финансовыми организациями и операторами связи. Создание единой базы данных номеров телефонов, используемых мошенниками, позволяет оперативно блокировать их деятельность.

Технологические инновации играют все большую роль в противодействии телефонному мошенничеству. Искусственный интеллект используется для анализа поведенческих паттернов и выявления нетипичных операций. Биометрическая идентификация, внедренная в большинстве крупных банков, существенно усложняет несанкционированный доступ к счетам клиентов.

Важным элементом является формирование культуры безопасного финансового поведения, включающей регулярную смену паролей, использование двухфакторной аутентификации и критическое отношение к любым просьбам предоставить конфиденциальную информацию.

Судебная практика по делам о телефонном мошенничестве демонстрирует тенденцию к ужесточению наказаний для организаторов преступных схем. Суды все чаще применяют дополнительные виды наказаний, включая конфискацию имущества, полученного преступным путем. Возмещение ущерба потерпевшим становится обязательным условием для возможного смягчения наказания.

Анализ следственной и судебной практики позволяет сделать вывод, что наиболее часто с целью завладения денежными средствами потерпевших мошенники выдают себя за:

- попавших в дорожно-транспортное происшествие родственников, обращаясь с просьбой срочно передать денежные средства, чтобы избежать уголовного преследования;
- сотрудников правоохранительных органов (МВД, ФСБ) с просьбой оказать содействие в поимке преступников, которые хотят завладеть денежными средствами потерпевшего;
- сотрудников операторов сотовой связи, говоря о том, что у потерпевшего заканчивается договор с оператором связи и в случае желания его продлить просят сообщить цифровой код из поступившего сообщения, получая тем самым доступ к порталу Госуслуг с конфиденциальной информацией потерпевшего;
- работников банковских организаций с сообщением потерпевшему, как клиенту банка, что на его имя мошенники хотят взять кредит. С целью недопущения противоправных действий предлагают действовать на опережение, сохранив денежные средства потерпевшего путем перевода их на «безопасный счет»;

- работников почтовых отделений, сообщая о поступлении на имя потерпевшего корреспонденции или посылки, для бесплатной доставки которой требуется сообщить цифровой код, поступивший ему в сообщении;
- знакомых, родственников или же руководителей организаций работодателя, где потерпевший учится или работает, полностью скопировав личные данные человека, от имени которого пишут, включая фотографию, посредством написания сообщений или звонков в мессенджерах, таких как «Телеграмм», «Вотсап» и др., с просьбой дать денежные средства в долг;
- сотрудников Центробанка России, сообщая, что в ближайшее время выходят денежные купюры нового образца, и необходимо срочно поменять все имеющиеся денежные средства старого (действующего) образца на новые;
- продавцов торговых интернет-площадок (маркетплейсов), которые заинтересовавшемуся товаром покупателю направляют ссылку якобы для оплаты товара, которая ведет на фишинговый сайт [3, с. 45–46].

Это далеко не полный перечень. Список способов обмана постоянно пополняется новыми мошенническими схемами. Об этом регулярно пишут и в СМИ [4].

Роль финансовых организаций в противодействии телефонному мошенничеству постоянно возрастает. Банки инвестируют значительные средства в развитие систем безопасности и обучение сотрудников методам выявления мошеннических операций. Введение обязательного «периода охаждения» перед осуществлением крупных переводов дает клиентам время обдумать свои действия и при необходимости обратиться за консультацией.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько основных категорий мошеннических схем, получивших распространение в Российской Федерации.

Первую группу составляют схемы, основанные на представлении мошенников сотрудниками банков или государственных органов. Злоумышленники используют технологии подмены номеров, создавая у потенциальных жертв иллюзию звонка от официальных организаций. Под предлогом предотвращения несанкционированных операций или блокировки подозрительных транзакций мошенники получают доступ к конфиденциальной информации и денежным средствам граждан.

Вторая категория включает схемы, эксплуатирующие эмоциональное состояние жертв. Мошенники сообщают о якобы произошедших несчастных случаях с родственниками, необходимости срочной медицинской помощи или юридической поддержки. Создавая атмосферу паники и временного дефицита, преступники добиваются перевода денежных средств без должной проверки полученной информации.

Третью группу образуют схемы, связанные с предложением различных товаров и услуг по привлекательным ценам. Мошенники создают фиктивные интернет-магазины, размещают объявления о продаже товаров, организуют лженивестиционные проекты. После получения предоплаты связь с покупателями прерывается, а обещанные товары или услуги не предоставляются.

Правовую основу противодействия телефонному мошенничеству составляет комплекс нормативных актов различного уровня. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд составов преступлений, под которые подпадают действия телефонных мошенников.

Профилактическая работа является ключевым элементом системы противодействия телефонному мошенничеству. Повышение уровня информированности населения о типичных схемах мошенничества и способах защиты от них способствует снижению количества успешных преступных посягательств.

Образовательные программы по цифровой и финансовой грамотности должны включать разделы, посвященные безопасному поведению в цифровой среде. Особое внимание следует уделять работе с наиболее уязвимыми группами населения, включая пенсионеров и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Противодействие телефонному мошенничеству в Российской Федерации представляет собой комплексную задачу, требующую координированных усилий государственных органов, финансовых организаций, операторов связи и общества в целом. Несмотря на значительный прогресс в развитии

технических средств защиты и совершенствовании правовой базы, проблема остается актуальной и требует постоянного внимания.

Эффективность противодействия телефонному мошенничеству определяется не только применением передовых технологий и ужесточением наказания для преступников, но и уровнем информированности и бдительности граждан. Формирование культуры безопасного поведения в цифровой среде должно стать приоритетным направлением государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности.

Дальнейшее развитие системы противодействия телефонному мошенничеству должно основываться на принципах комплексности, превентивности и адаптивности к изменяющимся условиям и новым вызовам. Только совместными усилиями всех заинтересованных сторон можно обеспечить надежную защиту граждан от преступных посягательств и создать безопасную среду для развития цифровой экономики и общества.

Видится важность в организации более качественных и эффективных способов контрольных мероприятий. Отметим, контроль выступает основным способом обеспечения законности в государстве [5, с. 187–188].

Ключевыми факторами успеха в борьбе с телефонным мошенничеством являются технологическое развитие защитных систем, повышение финансовой грамотности населения и эффективное межведомственное взаимодействие. Дальнейшее развитие системы противодействия должно учитывать постоянную эволюцию мошеннических схем и необходимость опережающего реагирования на новые угрозы. Только комплексный подход, сочетающий превентивные меры, оперативное реагирование и неотвратимость наказания, способен обеспечить надежную защиту граждан от телефонного мошенничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Останина А. М. К вопросу о контрольной деятельности в сфере защиты персональных данных от телефонного мошенничества // Наука. Образование. Современность. 2024. № 1. С. 83–86.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Тюхтин Д. А. Противодействие телефонному мошенничеству // Правовой альманах. 2025. № 1. С. 42–47.
4. Бевза Д. Эксперты рассказали о самых популярных мошеннических схемах в 2024 году // Российская газета. 2024. 27 декабря.
5. Останина А. М., Павлов Н. В. Контроль и надзор как основные способы обеспечения законности в административно-публичной деятельности // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2. С. 187–188.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340.5
ББК 67.082

КОНТРОЛЬ ЗА РАЗРАБОТКОЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

А. А. Богустов

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Анализируется роль права интеллектуальной собственности (ИС) в обеспечении технологического суверенитета Беларуси и России, определяемого как национальный контроль над критическими технологиями. Сделан вывод, что ИС, особенно через функцию контроля за разработкой и использованием технологий, трансформирует концепцию суверенитета в конкретные правовые механизмы. Проведен сравнительно-правовой анализ защиты секретных изобретений — ключевого инструмента контроля за разработкой и использованием технологий. Выявлено сходство целей регламентации этих отношений в праве Беларуси и России и отмечено существование технико-юридических отличий в законодательстве этих стран. Автор обращает внимание на необходимость выработки нормативных подходов к регулированию отношений по поводу результатов деятельности искусственного интеллекта как нового направления контроля за разработкой и использованием технологий. Сделан вывод, что перспективы развития законодательства Беларуси и России состоят в гармонизации подходов к секретным объектам и регулировании результатов ИИ для установления контроля над новыми технологиями, стимулирования инвестиций и предотвращения их неkontrollируемого присвоения.

Ключевые слова: технологический суверенитет, интеллектуальная собственность (ИС), секретные изобретения, сравнительно-правовой анализ, патентное право, искусственный интеллект (ИИ), гармонизация законодательства.

CONTROL OVER THE DEVELOPMENT AND USE OF TECHNOLOGIES AS AN ELEMENT OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND INTELLECTUAL PROPERTY LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF BELARUS AND RUSSIA

A. A. Bogustov

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

The article analyses the role of intellectual property (IP) law in ensuring the technological sovereignty of Belarus and Russia, defined as national control over critical technologies. It concludes that IP, especially through its function of controlling the development and use of technologies, transforms the concept of sovereignty into specific legal mechanisms. A comparative legal analysis of the protection of secret inventions, a key tool for controlling the development and use of technologies, is conducted. The similarity of the objectives of regulating these relations in the laws of Belarus and Russia is revealed, and the existence of technical and legal differences in the legislation of these countries is noted. The author draws attention to the need to develop regulatory approaches to regulating relations concerning the results of artificial intelligence as a new direction for controlling the development and use of technologies. It is concluded that the prospects for the development of Belarusian and Russian legislation lie in harmonising approaches to secret objects and regulating the results of AI in order to establish control over new technologies, stimulate investment and prevent their uncontrolled appropriation.

Keywords: technological sovereignty, intellectual property (IP), secret inventions, comparative legal analysis, patent law, artificial intelligence (AI), harmonisation of legislation

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.18](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.18)

Π остановка проблемы

Концепция технологического суверенитета характеризуется в доктрине как «обеспечение экономической безопасности страны, основанной на инновационной политике с ориентацией на внутренний ресурсный потенциал при сохранении участия в международном научно-техническом сотрудничестве» [1, с. 15], «возможность государства контролировать технологии, которые имеют ключевое значение для обеспечения его благосостояния и конкурентоспособности. Это также включает в себя способность самостоятельно разрабатывать эти технологии или получать их от других государств, избегая односторонней зависимости от внешних экономик» [2, с. 31]. Из сказанного можно сделать вывод, что обеспечение технологического суверенитета должно носить комплексный характер и включать помимо прочего средства, относящиеся к праву интеллектуальной собственности (далее — ИС). Это обусловлено ключевой ролью ИС для развития собственных технологий и защиты инноваций в условиях глобальных геополитических вызовов и санкционного давления, с которыми сталкиваются в настоящее время Беларусь и Россия.

Сравнительно-правовой анализ законодательства Беларуси и России в этой сфере приобретает особую актуальность, так как позволяет выявить общие закономерности и существенные различия в правовом регулировании отношений ИС в рамках Союзного государства, оценить эффективность подходов, используемых на национальном уровне для защиты технологий, определить возможности гармонизации законодательств и сформулировать рекомендации по совершенствованию правовых механизмов, непосредственно способствующих достижению технологического суверенитета как Беларуси, так и России.

Можно выделить несколько ключевых функций, которые выполняет право ИС в процессе обеспечения технологического суверенитета. Например, оно создает механизмы институциональной поддержки технологического суверенитета, закрепляя правовой режим национальных ведомств

по интеллектуальной собственности и порядок зарубежного патентования, обеспечивает охрану критически важных знаний путем регламентации отношений, возникающих по поводу использования секретов производства (ноу-хай).

Но на наш взгляд, наиболее важной функцией ИС в этой сфере является обеспечение контроля за разработкой и использованием технологий. Более того, можно говорить о том, что именно этот контроль, обеспечиваемый ИС, и составляет базис технологического суверенитета. Он позволяет государству защищать критически важные разработки от нежелательного заимствования или контроля извне, обеспечивая национальную безопасность и экономическую независимость, а также дает возможность управлять технологическим развитием в стратегических интересах страны через лицензирование, передачу технологий и регулирование доступа к техническим решениям. Таким образом ИС трансформирует абстрактную идею технологического суверенитета в конкретные правовые механизмы контроля над технологическим циклом.

Роль защиты секретных изобретений в реализации функции контроля за разработкой и использованием технологий

Реализация функции контроля за разработкой и использованием технологий правом ИС включает в себя решение нескольких задач, к числу которых прежде всего относится защита секретных изобретений.

Нормативная база регламентации этих отношений в рассматриваемых государствах имеет комплексный характер. В Российской Федерации вопросы патентования секретных изобретений урегулированы ст. 1401–1405 ГК РФ, Федеральным законом от 21 июля 1993 г. № 5485–1 «О государственной тайне» и Постановлением Правительства РФ от 02 октября 2004 г. № 514 «О федеральных органах исполнительной власти, Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" и Государственной корпорации по космической деятельности "Роскосмос", уполномоченных рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения».

В Республике Беларусь указанные отношения регламентируются Законом от 16 декабря 2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», Законом от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах» и «Положением о секретных изобретениях и полезных моделях» (утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 02 июля 2003 г. № 900). При этом отличительной особенностью белорусского законодательства является то, что именно упомянутое «Положение о секретных изобретениях...» (являющееся по своей природе подзаконным нормативным актом) имеет основное практическое значение для отношений, связанных с секретными изобретениями. Закон «О патентах...» содержит лишь одно положение отыскочного характера, состоящее в том, что «порядок предоставления правовой охраны изобретениям и полезным моделям, признанным в установленном порядке секретными, и порядок обращения с заявками на секретные изобретения и полезные модели устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь» (п. 7 ст. 1).

Таким образом, нормативная основа регулирования отношений по поводу секретных изобретений имеет комплексный характер, что позволяет сделать вывод, состоящий в том, что на практике регламентация всех отношений интеллектуальной собственности в рамках одного кодифицированного акта является сложно достижимой задачей.

Сравнительный анализ законодательства Беларуси и России в этой области позволяет сделать вывод о сходстве целей установления специального правового режима для секретных изобретений. Право обоих государств исходит из того, что такие изобретения по общему правилу изымаются из публичного оборота, а их защита сочетает механизмы права ИС с режимом государственной тайны. В этой связи можно согласиться с тем, что установление режима государственной тайны на подобные объекты «переводит исключительное право на изобретение из сферы частного в сферу публичного права с неизбежной при этом трансформацией его содержания» [3, с. 6]. Это приводит в итоге к ограничению доступа к технологиям, имеющим критически важное значение для обороны, безопасности или экономики. Объединяет законодательство Беларуси и России в этой сфере закрепление специальных процедур проверки заявок на патенты для предотвращения утечек информации. Очевидно также,

что секретные изобретения не попадают под действие систем международного патентования. В результате правила, закрепленные в правовых системах рассматриваемых государств, приводят к установлению национального контроля над распространением критически важных разработок.

Несмотря на сходство в целях и достигаемых результатах, механизмы охраны секретных изобретений, используемые в Беларуси и России, имеют существенные технико-юридические отличия.

Следует обратить внимание на отличие перечня объектов права промышленной собственности, к которым применим режим секретного патентования. В РФ, как следует из ст. 1401–1405 ГК, он может использоваться только к изобретениям, а в Беларуси в силу прямого указания п. 7 ст. 1 Закона «О патентах...» — к изобретениям и полезным моделям.

Исходя из п. 2 ст. 1401 и п. 1 ст. 1402 ГК РФ органы, принимающие заявки на выдачу патента, осуществляющие государственную регистрацию секретного изобретения и выдачу патента на изобретение, дифференцируются в зависимости от сферы применения технического решения и степени его секретности. В Беларуси, как следует из п. 4 «Положения о секретных изобретениях...», заявка на предполагаемые секретные изобретение, полезную модель по общему правилу подается через государственный орган, наделенный полномочием по отнесению сведений к государственным секретам. Если такой орган приходит к заключению о том, что в заявке содержатся сведения, составляющие государственные секреты, он направляет заявку в патентный орган (государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности»).

Более того, в законодательстве Беларуси и России отличается концептуальный подход предоставления охраны секретным изобретениям. В РФ нормы материально-правового характера о них включены в гл. 72 «Патентное право» ГК. То есть охрана подобных объектов осуществляется особой разновидностью патентов, и соответственно права на них можно трактовать как специфические патентные права. В свою очередь, в Республике Беларусь, как следует из п. 22 «Положения о секретных изобретениях...», в случае принятия патентным органом решения о выдаче патента его выдача приостанавливается на срок действия ограничений на распространение и (или) предоставление сведений, содержащихся в заявке. При этом автору секретного технического решения выдается не патент, а удостоверение автора. Следовательно, особенностью белорусского законодательства является то, что патентных прав у автора секретного изобретения (полезной модели) не возникает. Права автора в этом случае можно определить как квазипатентные.

Это, в свою очередь, вызывает отличия в объеме правомочий автора секретного изобретения. Анализ ст. 1405 ГК РФ показывает, что за обладателем секретного патента признаются исключительные права, реализация которых ограничивается законодательством о государственной тайне. Белорусское же законодательство не позволяет говорить о наличии таких прав у автора секретных изобретений. Из п. 28 «Положения о секретных изобретениях...» следует, что решение об использовании или неиспользовании секретных изобретения и полезной модели принимается государственным органом, который отнес сведения о них к государственным секретам. Этим государственным органом определяется и юридическое лицо, которое будет использовать секретные изобретение и полезную модель. В этой связи заслуживает внимания мнение белорусского ученого С. С. Лосева, указавшего, что «заявитель не может использовать такое решение в своей практической деятельности, — согласно ст. 10 Закона «О государственных секретах» условием осуществления деятельности с использованием государственных секретов является наличие допуска к ним» [4].

Предлагаемый белорусским законодательством порядок обеспечения имущественных интересов авторов секретных изобретений лишь подтверждает невозможность отнесения их к числу исключительных прав. Из п. 29 «Положения о секретных изобретениях...» следует, что заявитель либо его правопреемники в случае приостановления выдачи патента имеют право на получение компенсации (от органа принявшего решение об ограничении распространения сведений о техническом решении) и вознаграждения (от юридического лица, использующего секретное изобретение либо полезную модель).

Представляется, что перспективами совершенствования законодательства Беларуси и России в этой области может выступать гармонизация подходов к определению и содержанию правового режима секретных изобретений.

Установление режима объектов, созданных искусственным интеллектом, как перспектива развития контроля за разработкой и использованием технологий

В современных условиях функция обеспечения контроля за разработкой и использованием технологий не может быть сведена лишь к обеспечению защиты стратегических изобретений. Например, к числу приоритетных направлений совершенствования нормативно-правовой базы обеспечения технологического суверенитета принято относить «дальнейшую проработку законодательства об интеллектуальной собственности с целью обеспечения баланса между частными интересами автора (правообладателя) и публичными интересами государства» [5, с. 26]. К числу перспектив развития национального законодательства России и Беларуси в этой области можно отнести закрепление регламентации отношений, возникших по поводу результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта (ИИ).

Следует особо подчеркнуть, что режим объектов, возникших в процессе функционирования ИИ в праве рассматриваемых государств, еще не определен. Представляется, что отправной точкой в процессе нормативного признания таких объектов могут послужить правила, закрепленные в новой редакции Модельного кодекса интеллектуальной собственности для государств — участников СНГ [6]. При всей немногочисленности предписаний об ИИ, содержащихся в этом документе, все же можно выделить некоторые положения, которые способствуют охране технологического суверенитета. В ч. 1 ст. 16 Модельного кодекса закреплено, что субъектами прав на результаты деятельности ИИ «являются лица, поставившие задачу получить такой результат. Получение незапланированного результата (иного результата), основанного на первоначальной задаче и обладающего качествами результата интеллектуальной деятельности, не изменяет субъектный состав обладателей прав». Следует обратить внимание на то, что эта статья находится в главе «Общие положения» Модельного кодекса и, следовательно, она может применяться не только к авторско-правовым отношениям, но и к иным областям интеллектуальной собственности. Из этого можно сделать вывод, что Кодекс допускает, что результаты деятельности ИИ потенциально могут приобретать и черты права промышленной собственности. Это подтверждается и ч. 2 ст. 16 Модельного кодекса, закрепившей, что объем, срок действия и состав интеллектуальных прав, возникающих на указанные результаты работы компьютерных систем, определяются национальным законодательством.

Реализация даже этих немногочисленных положений на национальном уровне способна решить несколько задач в области обеспечения технологического суверенитета. Их закрепление предоставляет возможность исключить неконтролируемое присвоение результатов использования технологий ИИ третьими лицами, закрепить ответственность за разработку за государственными структурами и стимулировать инвестиции в ИИ-проекты, обеспечивая их правовую защиту.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Интеллектуальную собственность можно отнести к числу основных правовых инструментов обеспечения технологического суверенитета. Концепция технологического суверенитета находит практическое воплощение в механизмах ИС, которые обеспечивают контроль за разработкой и использованием технологий, его институциональную поддержку и охрану критически важных знаний.

2. Перспективы развития правовых механизмов контроля за технологиями лежат в гармонизации законодательства и регулировании новых вызовов. Для усиления технологического суверенитета Беларуси и России в рамках Союзного государства необходимо осуществить:

- гармонизацию подходов к охране секретных изобретений, включая выработку единообразных правил относительно объектов охраны, процедур, статуса и объема прав авторов секретных разработок;
- развитие нормативной базы для объектов, созданных с использованием ИИ. Принятие положений (в основу которых могут быть взяты правила, предусмотренные Модельным кодексом интеллектуальной собственности для государств — участников СНГ) на национальном уровне позволит установить контроль над результатами деятельности ИИ (определяя субъекта прав, объем охраны), стимулировать инвестиции и предотвращать неконтролируемое присвоение таких технологий, что критически важно для сохранения технологического суверенитета в цифровую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демидова С.Е. Факторы обеспечения технологического суверенитета // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 14–19.
2. Минько Н.С. Вопросы соотношения понятий «информационный суверенитет», «технологический суверенитет», «интеграционный суверенитет» и «консолидированный суверенитет» // Правовое обеспечение технологического суверенитета России и Беларуси. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2025. С. 27–33.
3. Гатагонова Р.М. Правовой режим секретных изобретений в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012. 22 с.
4. Лосев С.С. Комментарий к новой редакции Положения о секретных изобретениях и полезных моделях. URL: https://etalonline. by/document/?regnum=u01801856&q_id=3270831 (дата обращения: 20.07.2025).
5. Абдуллаев Ю.Г. Технологический суверенитет и технологическое лидерство страны: к вопросу об актуализации понятий // Правовое обеспечение технологического суверенитета России и Беларуси. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2025. С. 21–27.
6. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств — участников СНГ (новая редакция), принят на 57-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ : Постановление от 22.11.2024 № 57–20. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 20.07.2025).

УДК 342.5
ББК 67.400.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРИСЯГИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

E. V. Каменская

Саратовская государственная юридическая академия (Саратов, Россия)

Исследуются подходы к правовому закреплению института присяги органов власти в двух государствах — Российской Федерации и Республике Казахстан. В ходе проведенного сравнительно-правового анализа выявлены общие и уникальные характеристики регулирования института присяги в данных государствах. Делается вывод о возможном правовом заимствовании опыта Республики Казахстан, так как, по мнению автора, подход данного государства более логичен, детализирован и способствует укреплению доверия между обществом и государством. Автор выявляет ключевые проблемы правового регулирования института присяги в Российской Федерации, в том числе отсутствие нормативного определения понятий «присяга» и «профессиональная клятва», многословность текстов присяг. В статье поддерживается позиция Казахстана о том, что присягу должны приносить члены правительства и члены парламента. Не решенной является проблема установления юридической ответственности за нарушение присяги, так как Российской Федерации не последовала рекомендательным нормам Модельного уголовного кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств 1996 г.

Ключевые слова: присяга, Конституция, органы власти, президент, депутат, судья, юридическая ответственность

LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF THE OATH OF GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

E. V. Kamenskaya

Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

The author examines approaches to the legal consolidation of the institution of the oath of government in two states — the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The comparative legal analysis revealed the general and unique characteristics of the regulation of the institution of oath in these states. The article concludes about the possible legal borrowing of the experience of the Republic of Kazakhstan, since, according to the author, the approach of this state is more logical, detailed and helps to strengthen trust between society and the state. The author identifies the key problems of the legal regulation of the institution of the oath in the Russian Federation, including the lack of a normative definition of the concepts of «oath» and «professional oath», the verbosity of the texts of oaths. The article supports Kazakhstan's position that members of the Government and members of Parliament should take the oath. The problem of establishing legal liability for violation of the oath remains unresolved, as the Russian Federation has not followed the guidelines of the Model Criminal Code for the member States of the Commonwealth of Independent States of 1996.

Keywords: oath, Constitution, authorities, president, deputy, judge, legal responsibility

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.19](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.19)

Принесение присяги как публичного обещания лица, занимающего определенную должность, соблюдать закон, уважать права и свободы граждан, выполнять нормативно установленные обязанности имеет давние исторические корни и продолжает существовать в современных государствах. Если история появления присяги связана с несением военной службы, то к настоящему времени спектр субъектов, которые ее приносят, значительно шире. Правовая регламентация присяги разнообразна исходя как из форм закрепления присяги, указания субъектов, ее приносящих, так и текстуального выражения присяги.

Обзор научных публикаций, посвященных институту присяги, свидетельствует об актуальности и разноплановости исследований данной проблематики. Авторы научных работ акцентируют внимание на анализе присяги публичных и непубличных субъектов [1], ее духовно-нравственном значении [2], особенностях присяги Президента Российской Федерации [3], судей [4], полицейских [5], необходимости введения присяги для государственных служащих [6, 7] и др. Институт присяги органов публичной власти в Российской Федерации также был исследован нами ранее [8], поэтому в настоящей работе предлагаем провести сравнительно-правовой анализ правовой регламентации института присяги в двух государствах — членах Содружества Независимых Государств: Российской Федерации и Республике Казахстан. Мы заострили внимание на статусе государств в качестве членов этой международной организации потому, что на уровне СНГ был принят почти 30 лет назад правовой акт рекомендательного характера, непосредственно имеющий отношение к институту присяги, о котором речь в работе пойдет далее.

Общим для России и Казахстана является признание важным использования исторической традиции принесения клятвы при вступлении в должность. Содержание текстов присяги во многих случаях довольно близко по смыслу, они отражают ключевые ценности, присущие современным обществам и государствам: уважение и защита прав человека, безусловное соблюдение законодательства, и прежде всего Конституции государства, следование в своей профессиональной деятельности требованиям норм морали («моральная чистота», «мужество», «честь», «скромность», «справедливость» и т.д.).

Но каждая из рассматриваемых правовых систем имеет особенности в регламентации института присяги органов власти.

Во-первых, различия в правовом регулировании института присяги органов публичной власти в Российской Федерации и Республике Казахстан имеются, исходя из актов, формализующих присягу. Если в России присяга закрепляется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, то в Республике Казахстан институт присяги формализован с помощью более значительного количества нормативных правовых актов — Конституции Казахстана, конституционных законов, указов Президента Республики Казахстан. Не имеет российского аналога такой правовой акт, как Указ Президента Республики Казахстан от 16 августа 2017 г. № 532 «Об утверждении Правил принесения присяги государственными служащими, депутатами Парламента Республики Казахстан и судьями Конституционного Суда Республики Казахстан», которым установлен порядок принесения присяги вышеуказанными субъектами, а также закреплены тексты присяги должностного лица, назначенного на должность Президентом Республики Казахстан, и присяги государственного служащего Республики Казахстан [9].

На конституционном уровне в обоих государствах закреплены нормы только о присяге президентов, которые они приносят при вступлении в должность [10, 11]. Тексты присяги довольно лаконичны, похожи и отражают клятву глав государства соблюдать Конституцию страны и законы, «верно служить народу». Но если в тексте присяги российского президента гораздо больший акцент сделан на государстве — «защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства», то в присяге Президента Казахстана отсутствуют данные цели и, на наш взгляд, присяга имеет более гуманистическую направленность, так как начинается с клятвы «верно служить народу» и «гарантировании прав и свобод граждан».

Во-вторых, имеются существенные расхождения, связанные прежде всего с субъектным составом лиц, относящихся к органам власти, которые должны приносить присягу. Несмотря на конституционное закрепление принципа разделения власти и в Российской Федерации, и в Республике Казахстан,

казахстанские законодатели вполне логично и обоснованно обязали приносить присягу представителей всех трех ветвей власти. Согласно ст. 24 Конституционного закона от 16 октября 1995 г. «О парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» депутаты приносят народу Казахстана следующую присягу: «Клянусь верно служить народу Казахстана, укреплять целостность и независимость Республики Казахстан, строго подчиняться ее Конституции и законам, добросовестно выполнять возложенные на меня высокие обязанности депутата» [12].

В Российской Федерации вносились законопроекты, в которых также предлагалось расширение круга субъектов, которые должны приносить присягу, причем с вполне логичным обоснованием — с целью обеспечить равенство ветвей власти. Мы имеем в виду законопроект 2015 г. № 732174-6 «О присяге граждан, вступающих в государственные должности законодательной и исполнительной ветвей государственной власти в Российской Федерации», инициаторами которого выступили депутаты Государственной Думы [13]. Однако этот законопроект настолько не нашел отклика в среде парламентариев, что был отклонен ими уже в первом чтении. Спустя семь лет на рассмотрение Государственной Думы был внесен законопроект № 80340-8 о принятии присяги гражданскими служащими, но и он также был отвергнут в первом чтении [14]. Вместе с тем представители научного сообщества поддерживают идею принесения присяги гражданским служащим, по сути, разделяя позицию законодателей Республики Казахстан [6, 15].

В Республике Казахстан: «Член Правительства Республики Казахстан приносит народу и Президенту Казахстана присягу следующего содержания: „Перед народом и Президентом Республики Казахстан торжественно клянусь посвятить все свои силы и знания делу экономического и духовного развития моей Родины — Республики Казахстан, строго соблюдать Конституцию и законы государства, во всех своих действиях следовать принципам законности и справедливости, гражданского, межнационального и межконфессионального согласия, верно служить народу Казахстана, укреплять государственность и авторитет моей страны в мировом сообществе. Клянусь”». Обратим внимание, что текст присяги довольно обширен и имеет двух адресатов — народ и Президента Казахстана. В России члены Правительства Российской Федерации не приносят присягу.

Третья ветвь власти — судебная. В данном случае законодатели обоих государств закрепили необходимость принесения судьями присяги. Отдельно сформулированы тексты присяги для судей конституционных судов, которые действуют и в России, и в Казахстане. Судья Конституционного Суда Российской Федерации приносит присягу следующего содержания: «Клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности судьи Конституционного Суда Российской Федерации, подчиняясь при этом только Конституции Российской Федерации, ничему и никому более» [16]. В Казахстане смысл присяги практически идентичен: «Торжественно клянусь честно и добросовестно выполнять возложенные на меня высокие обязанности судьи Конституционного Суда Республики Казахстан, быть беспристрастным и в своей деятельности подчиняться только Конституции Республики Казахстан, обеспечивать ее верховенство» [17]. Судьи остальных судов также приносят присягу, текст сформулирован на законодательном уровне, лаконичен и содержит в себе обращение не только к закону, но и долгу и совести судьи. Причем в российской версии текста присяги дважды делается ссылка к моральной категории «совесть»: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть» [18], казахстанские законодатели не стали делать второй раз ссылку к совести судьи [19].

Присягу при вступлении в должность приносит также Уполномоченный по правам человека. Данная должность учреждена в каждом из рассматриваемых государств. Здесь снова делается акцент, помимо руководства в своей деятельности Конституцией и законодательством, на таких значимых моральных категориях, как «добросовестность, справедливость и голос совести» (Россия) и «честность, добросовестность, справедливость и совесть» (Казахстан) [20, 21]. То есть, по сути, законодательно в каждом государстве акцент в клятвах делается дважды на однокоренных понятиях «совесть, добросовестность». Но в Республике Казахстан текст присяги Уполномоченного по правам человека детализируется еще нормой о том, что он обязуется «действовать независимо, беспристрастно, объективно в интересах прав и свобод человека и гражданина».

И, конечно же, присягу приносят сотрудники правоохранительных органов. Заметное отличие от текстов вышеперечисленных клятв — это более значительные по объему тексты. В присяге, которые приносят сотрудники органов прокуратуры и Российской Федерации, и Республики Казахстан, в отличие от клятв предыдущих субъектов, появляется понятие «святости»: в России сотрудники прокуратуры обязаны «свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, законы и международные обязательства Российской Федерации, не допуская малейшего от них отступления», «свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры» [22]. Их коллеги из Республики Казахстан также должны «свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры» [23]. Законодательно также закреплена присяга сотрудников внутренних дел Российской Федерации [24] и сотрудников правоохранительных органов Республики Казахстан [25]. Законодательством двух государств установлены присяги и для других категорий субъектов, но ввиду требований к объему работы ограничимся вышеперечисленными.

Сравнив законодательство двух государств, посвященное институту присяги, сделаем выводы, которые касаются совершенствования правовой регламентации присяги в Российской Федерации.

Во-первых, разделяя позицию казахстанских законодателей о необходимости принесения присяги для всех ветвей власти, считаем, что в Российской Федерации также целесообразно нормативно установить обязанность принесения присяги членами парламента (тем более, что на уровне субъектов Российской Федерации такая практика существует) и правительства.

Во-вторых, считаем верным включить в число субъектов, обязанных приносить присягу, государственных гражданских служащих.

В-третьих, целесообразно поразмышлять о содержании и сопоставлении всех текстов присяг, которые приносят различные представители органов власти (от Президента до сотрудников правоохранительных органов России), а также о юридической формулировке самих понятий «присяга» и «профессиональная клятва». В частности, нами не поддерживается позиция российского законодателя о многословности текста присяги; возможно, имеет смысл провести экспертную оценку смыслового значения данных текстов, выработать для определенных групп субъектов единообразный текст. В присягах мы видим понятия «моральной чистоты», «мужественности», «скромности», «бдительности», «чуткости», «святости» и т.д., но многие категории носят явно оценочный, субъективный характер.

В-четвертых, считаем логичной и последовательной позицию Республики Казахстан, законодатели которой установили ответственность за нарушение присяги. В этом вопросе имеется существенное расхождение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Как упоминалось ранее, в 1996 г. был принят акт рекомендательного характера, а именно — Модельный уголовный кодекс для государств — участников СНГ, утвержденный Постановлением от 17 февраля 1996 г. № 7-5 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств [26]. В ст. 63 данного кодекса в числе обстоятельств, отягчающих ответственность и наказание, было установлено и «совершение преступления лицом, нарушившим тем самым принятую им присягу или профессиональную клятву». В ст. 54 Уголовного кодекса Республики Казахстан эта норма воспроизведена дословно [27]. В Российской Федерации подобное отягчающее ответственность обстоятельство отсутствует [28].

Разделяем позицию судьи Конституционного Суда Российской Федерации в отставке М. И. Клеандрова о том, что «более значимо воздействие присяги на психику в целом — на мировоззрение ее приносящего, ведь это клятва на верность народу, обществу, государству, клятвенное обещание служить — самоотверженно и справедливо — людям этого государства. И твердое осознание того, что народ, общество, государство ждут такой деятельности от него, надеются на него, его честность, порядочность и профессионализм и, разумеется, на его суровое наказание в случае нарушения присяги» [4, с. 64]. Если отсутствует юридическая ответственность, то не имеет особого смысла включение присяги в правовые акты. Принесение присяги — это не только формальное основание для вступления в должность, этот факт имеет важную смысловую нагрузку: субъект, ее принявший, должен понимать, что принимает на себя обязательство служения народу, обществу, государству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чаплицкий В. В. Присяга в конституционно-правовом статусе публичных и непубличных субъектов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2019. 23 с.
2. Русакова Н. Г. Присяга как юридико-символическое отражение культурных традиций // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 453–456.
3. Васильева Н. Ю. Правовые особенности принесения присяги Президентом Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 6. С. 50–53.
4. Клеандров М. И. Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 58–71.
5. Упоров И. В. Присяга полицейских (милиционеров) в России: социально-правовая характеристика в историческом контексте // Наукосфера. 2022. № 10 (2). С. 477–481.
6. Шувалова Н. Н. Присяга государственного служащего: отечественная традиция и ее возрождение в современной России // Государственная служба. 2024. № 2. С. 29–37.
7. Картавый А. А. Приведение к присяге государственных гражданских служащих как фактор формирования у них антикоррупционного мировоззрения // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4. С. 81–83.
8. Каменская Е. В. Присяга как атрибут органов публичной власти // Конституционное развитие России : межвузовский сборник научных статей / под ред. Т. В. Заметиной. Вып. 22. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. С. 128–136.
9. Об утверждении Правил принесения присяги государственными служащими, депутатами Парламента Республики Казахстан и судьями Конституционного Суда Республики Казахстан : Указ Президента Республики Казахстан от 16.08.2017 № 532 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000532> (дата обращения: 09.06.2025).
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 04.10.2022) // Российская газета. 1993. 25 дек.
11. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. с изменениями на 1 января 2023 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 09.06.2025).
12. О парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов : Конституционный закон Республики Казахстан от 16.10.1995 № 2529 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002529> (дата обращения: 09.06.2025).
13. О присяге граждан, вступающих в государственные должности законодательной и исполнительной ветвей государственной власти в Российской Федерации: Законопроект № 732174–6 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71053282/> (дата обращения: 09.06.2025).
14. Законопроект № 80340–8 о принятии присяги гражданскими служащими. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80340-8> (дата обращения: 09.06.2025).
15. Шестопалов А. А. О необходимости введения института присяги для государственных гражданских служащих // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 684–689.
16. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2015. № 51. Ст. 7229.
17. О Конституционном Суде Республики Казахстан : Конституционный закон Республики Казахстан от 05.11.2022 № 153-VII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153> (дата обращения: 09.06.2025).
18. О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-І // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.
19. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан : Конституционный закон Республики Казахстан от 25.12.2000 № 132 // Информационно-правовая система нормативных право-

вых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132> (дата обращения: 09.06.2025).

20. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011; СЗ РФ. 2016. № 21. Ст. 2979.

21. Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 05.11.2022 № 154-VII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000154> (дата обращения: 09.06.2025).

22. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-И // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

23. О прокуратуре Республики Казахстан : Конституционный закон Республики Казахстан от 05.11.2022 № 155-VII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 09.06.2025).

24. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (Часть 1). Ст. 7020.

25. Об утверждении текста Присяги сотрудников правоохранительных органов, органов гражданской защиты, осуществляющих функции по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, оказанию экстренной медицинской и психологической помощи населению, государственной фельдъегерской службы Республики Казахстан и порядка ее принесения, а также признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан : Указ Президента Республики Казахстан от 19.12.2022 № 61 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000061> (дата обращения: 09.06.2025).

26. Модельный уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств: Постановление от 17.02.1996 № 7–5 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/563#text> (дата обращения: 13.06.2025).

27. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-В // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13-II (2662). Ст. 83.

28. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 341.211
ББК 67.400.51

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В. А. Мазуров, М. А. Стародубцева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Рассматривается нормативно-правовое обоснование взаимодействия и контроля над системами искусственного интеллекта. Отмечается, что международное сообщество предпринимает шаги в данном направлении, о чем свидетельствует проведение саммитов, посвященных выработке этических принципов взаимодействия между людьми и машинами. Однако проблема усугубляется отсутствием взаимодействия внутри самого международного сообщества. Так, налицо наличие разногласий между странами коллективного Запада и глобальных Юга и Востока (а именно Россией, Индией и Китаем). Отсутствие крупнейших международных игроков означает в перспективе дальнейший раскол в выработке стратегии работы с искусственным интеллектом и невозможность совместной работы на уровне национальных институтов, например полицейских ведомств. Обобщены результаты анализа эффективности работы внутрироссийских государственных органов, создающих нормативный пласт взаимодействия с искусственным интеллектом в рамках провозглашенной Российской Федерацией политической линии, на основе которых авторами выделены некоторые положительные тенденции в работе, недостатки и выработаны предложения по их нейтрализации. Отмечается положительная тенденция в участии научных и общественных организаций Алтайского края в построении систематического регулирования работы с искусственным интеллектом, приданье этой деятельности более скоординированного, организованного характера, направленного на консолидацию общественных организаций края с органами исполнительной власти, правоохранительными органами, научно-образовательными организациями.

Ключевые слова: консолидация, искусственный интеллект, международное сотрудничество, нормативно-правовое регулирование, этические принципы

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROTECTION OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN RUSSIA AND ABROAD

V.A. Mazurov, M. A. Starodubtseva

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article considers the legal basis for interaction and control over artificial intelligence systems. The authors note that the international community is taking steps in this direction, as evidenced by the seminars devoted to the development of ethical principles of interaction between people and machines. However, the problem is aggravated by the lack of interaction within the international community itself. Thus, there are obvious disagreements between the countries of the collective West and the global South and East (namely, Russia, India and China). The absence of major international players means, in the long term, a further split in the development of a strategy for working with artificial intelligence and the impossibility of joint work at the level of national institutions, for example, police departments. The article summarizes the results of the analysis of the effectiveness of domestic government agencies that create a regulatory layer of interaction with artificial intelligence within the framework of the political line proclaimed by the Russian Federation, based on which the authors highlight some positive trends in the work, shortcomings and develop proposals for their neutralization. A positive trend is noted in the participation of scientific and public organizations of

the Altai Territory in the construction of systematic regulation of work with artificial intelligence, giving this activity a more coordinated, organized character, aimed at consolidating public organizations of the region with executive authorities, law enforcement agencies, scientific and educational organizations.

Keywords: consolidation, artificial intelligence, international cooperation, legal regulation, ethical principles

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.20](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.20)

Искусственный интеллект (далее — ИИ) сегодня проникает во все сферы жизни отдельно взятого государства и международного сообщества в целом. Прежде всего, ИИ находит свое применение в сфере экономики, медицины, других сферах, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность человека. Вместе с тем отмечается, что деструктивные силы и криминалитет активно и целенаправленно используют достижения в сфере высоких технологий, в военной сфере, разведывательно-подрывной, иной преступной деятельности, пропаганде деструктивной идеологии и т. п. Все это, безусловно, сегодня представляет серьезную угрозу миру, безопасности человечества, личности и обществу отдельно взятого государства.

Отмечается, что системы, способные к самосовершенствованию, могут выйти за пределы человеческого понимания и контроля.

Одним из центральных вопросов сегодня является проблема контроля над ИИ. Этика ИИ требует разработки новых принципов взаимодействия между людьми и машинами.

Для обсуждения этих и ряда других проблем, выработки совместных решений с 2023 по 2025 г. были проведены три крупных международных саммита: в Лондоне (ноябрь 2023 г.) [1], Сеуле (июнь 2024 г.) [2] и Париже (февраль 2025 г.) [3].

Проведение данных саммитов стало важным шагом к осознанию мировым сообществом как возможностей, так и угроз, связанных с искусственным интеллектом. Однако, несмотря на прогресс, темпы реализации принятых решений остаются недостаточно высокими, а международные соглашения зачастую ограничиваются декларативными заявлениями. Кроме того, отсутствие на некоторых встречах ключевых игроков, таких как Россия, снижает эффективность глобального сотрудничества.

На каждом из саммитов были представлены порядка 50 стран, в том числе с большим отрывом лидирующие в настоящее время по числу инвестиций в развитие технологий ИИ США и Китай.

Отмечаются некоторые разногласия между участниками саммитов. Основные дискуссии касались баланса между инновациями и необходимостью регулирования разработок и внедрения ИИ. В частности, США выступали за минимизацию ограничений, чтобы поддержать развитие сектора, в то время как ЕС и Великобритания настаивали на более жестких правилах, особенно в сфере защиты данных. Китай выразил опасения по поводу возможного ограничения суверенитета в вопросах ИИ [1].

Международные саммиты 2023–2025 гг. показали, что искусственный интеллект стал одной из ключевых глобальных тем. Их главной целью было согласование подходов к этическому и безопасному использованию технологий. В ходе саммитов удалось достичь:

- укрепления международного сотрудничества (Декларация о необходимости создания международных стандартов регулирования ИИ — Лондон, 2023 г.; Подписание меморандума о сотрудничестве между странами АТР и ЕС — Сеул, 2024 г. и ряд других документов);
- привлечения внимания к проблемам информационной безопасности;
- утверждения инвестиционных планов и программ регулирования.

Однако до сих пор остаются нерешенные вопросы, включая согласование стандартов между странами и ускорение реализации принятых решений. Вместе с тем саммиты подтвердили необходимость объединения усилий для создания устойчивого будущего с использованием ИИ.

Отказ России от участия в Парижском саммите демонстрирует необходимость учитывать интересы всех участников для достижения реального глобального консенсуса.

В перспективе их результаты могут стать фундаментом для создания глобальной системы регулирования и обеспечения безопасности ИИ, но только при условии активного выполнения принятых обязательств и привлечения новых участников к диалогу.

Россия отказалась от участия в саммите в Париже по следующим причинам:

- во-первых, российские власти выразили опасение, что предложения, обсуждаемые на саммите, особенно касающиеся международного регулирования ИИ, могут ограничить суверенитет страны в этой области;
- во-вторых, Россия предпочла сосредоточиться на разработке собственных стандартов и инициатив в сфере ИИ, которые соответствуют ее внутренним интересам и не зависят от внешнего регулирования.

С учетом указанных и ряда других обстоятельств Россия сегодня строит свою работу с ИИ в рамках технологического суверенитета. Так, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. было заявлено, что ИИ рассматривается как условие «технологической независимости и конкурентоспособности страны» [4].

В Послании Федеральному Собранию 2024 г. Президент России поставил задачу обеспечить технологический суверенитет по таким революционным направлениям, как генеративный искусственный интеллект и большие языковые модели, а также вхождение Российской Федерации в перечень стран — лидеров в области развития и внедрения ИИ.

Реализация поставленных задач имеет комплексный характер, так как их решение предполагает системные действия в нескольких областях, среди которых остановимся на правовой области.

Правовая — создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта.

В 2021 г. Россия приняла Кодекс этики в сфере ИИ, став одной из первых стран, закрепивших принципы мягкого регулирования на национальном уровне [5]. Документ, устанавливает рекомендательные принципы, направленные на обеспечение человеко-ориентированного подхода, прозрачности и ответственности при разработке и внедрении ИИ. В 2022 г. была создана Национальная комиссия по этике в сфере ИИ, которая координирует реализацию кодекса и мониторит его соблюдение.

Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами ШОС, БРИКС. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве приоритетного направления во внешней политике России указана работа по укреплению и углублению многопрофильного сотрудничества с иностранными государствами в форматах Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС [6].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы и предложения относительно защиты искусственного и технологического суверенитета в России и за рубежом:

- Проведение международных саммитов, связанных с разработкой и использованием ИИ, безусловно, имеет определенное значение для развития международного сотрудничества. Однако сегодня и в обозримом будущем мы не можем достичь полного взаимопонимания в решении указанных проблем, гарантировать безусловное выполнение решений, принятых на саммитах, по целому ряду причин. Одна из главных причин — в сфере политических отношений. Сегодня международное сообщество, и в первую очередь правящие круги ряда высокоразвитых стран, не готовы проводить согласованные действия в международных отношениях, в том числе в части использования ИИ, скорее наоборот — препятствовать России в развитии и внедрении на практике высоких технологий.
- Вместе с тем представляется, что Россия должна участвовать в саммитах и принимать участие в разработке предложений и документов относительно ИИ с учетом интересов нашего государства и доведения своей позиции в этом вопросе до международной общественности.
- Технологический суверенитет России должен быть защищен от внешних и внутренних угроз. Приоритетным направлением в этой области должно стать совершенствование правовых и технических мер в системе обеспечения безопасной разработки и использования ИИ, прежде всего в сфере экономической деятельности государства.

- Технологический суверенитет в России предполагает сотрудничество в области разработки и использования ИИ с дружественными России странами, прежде всего с ШОС и БРИКС. Особое внимание в данном вопросе отводится Китаю, одному из лидеров в этой области в мире.

Так, например, в Алтайском государственном университете в 2024 г. был проведен Международный круглый стол БРИКС «Цифровое общество, тенденции, возможности, риски» в рамках культурно-образовательных и деловых мероприятий программы «Народы БРИКС выбирают жизнь» [7]. Ученые-правоведы университета принимали участие в работе Международного круглого стола БРИКС в Казани. Обсуждались вопросы кибербезопасности. Были высказаны конкретные предложения по совершенствованию этой работы. Отмечалось, в частности, что к разработке и внедрению на практике мер безопасности, прежде всего правовых мер, следует привлекать ученых и практиков в области юриспруденции и цифровых технологий.

В 2006 г. в университете на базе Юридического института и Института цифровых технологий создан Региональный научно-методический центр правовой и технической защиты информации (РНМЦ). Проводится плановая работа по научному исследованию проблем кибербезопасности — ученые РНМЦ принимают участие в научно-практических конференциях, результаты которых находят свое отражение в журнале РНМЦ «Правовая и техническая защита информации».

Юридический институт университета поддерживает деловое сотрудничество с вузами Республики Беларусь, Таджикистана, Киргизстана и рядом других вузов ближнего зарубежья. Проведен ряд международных конференций, в том числе по вопросам правового обеспечения кибербезопасности, искусственноому интеллекту, профилактике фейков и т.д. По результатам этих конференций опубликованы две монографии.

Таким образом, научное сообщество России, безусловно, вносит определенный вклад в практическую работу по решению проблем правового и технического характера, возникающих в процессе стремительного развития высоких технологий. Одним из приоритетных направлений сегодня является работа ученых и практиков по выполнению положений нормативных актов и официальных документов в части обеспечения технологического суверенитета России, совершенствования системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. London AI Summit 2023: Key Outcomes and Discussions // BBC. URL: <https://www.bbc.com> (дата обращения: 17.08.2025).
2. Seoul AI Summit 2024 Highlights // Yonhap News. URL: <https://www.yonhapnews.co.kr> (дата обращения: 17.08.2025).
3. Paris AI Summit 2025: Global Ethics and Investments // Reuters. URL: <https://www.reuters.com> (дата обращения: 17.08.2025).
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации») // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.08.2025).
5. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 17.08.2025).
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации 02.07.2021 № 400 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.08.2025).
7. Проблемы правовой и технической защиты информации. Вып. 12. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 2024. С. 7–119.

УДК 341.211
ББК 67.400.51

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

N. V. Misarevich

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Анализируются основные направления государственной политики Республики Беларусь по вопросу обеспечения технологического суверенитета. Каждое государство стремится максимально обеспечить свой технологический суверенитет, так как именно это сегодня важнейший элемент устойчивого развития страны. Для успешного претворения в жизнь поставленных задач необходима соответствующая нормативная правовая основа. Именно юридические регуляторы позволяют определить цели и задачи государственной политики в этом вопросе, а также предоставляют возможность хозяйствующим субъектам не только обеспечивать внутренний рынок необходимыми товарами, но и составлять конкуренцию на внешнем рынке товаров и услуг. Делается вывод о том, что Республика Беларусь стремится сформировать технологическую базу для своего устойчивого развития. Существующая geopolитическая реальность требует решения актуальных задач социально-экономического развития, одной из которых является обеспечение технологического суверенитета, как составляющей технологической независимости страны. Автором выделяются три направления: заключение международных договоров по сотрудничеству в конкретных областях экономики, сотрудничество в рамках Союзного государства, развитие национального законодательства.

Ключевые слова: технологический суверенитет, Республика Беларусь, международное сотрудничество, Союзное государство

ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AS ONE OF THE DIRECTIONS OF THE STATE POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

N. V. Misarevich

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

The article analyzes the main directions of the state policy of the Republic of Belarus on the issue of ensuring technological sovereignty. Each state strives to ensure its technological sovereignty as much as possible, because this is precisely the most important element for the development of the country today. For the successful implementation of the tasks set, an appropriate regulatory legal framework is needed. It is legal regulators that make it possible to determine the goals and objectives of state policy in this matter, and also provide an opportunity for business entities not only to provide the domestic market with the necessary goods, but also to compete in the external market for goods and services. It is concluded that the Republic of Belarus seeks to form a technological base for its sustainable development. The existing geopolitical reality requires solving urgent problems of socio-economic development, one of which is to ensure technological sovereignty, as a component of the country's technological independence. The authors distinguish three areas: the conclusion of international treaties on cooperation in specific areas of the economy, cooperation within the Union State, and the development of national legislation.

Keywords: technological sovereignty, Republic of Belarus, international cooperation, Union State

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.21](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.21)

Суверенитет является неотъемлемой частью любого государства и рассматривается как свойство самостоятельно и независимо от других государств осуществлять свою внутреннюю и внешнюю политику. В разные исторические периоды менялись не только подходы к пониманию суверенитета (государственный суверенитет, национальный суверенитет, народный суверенитет), но и появлялись его новые элементы.

Использование термина «технологический суверенитет» в мировой науке началось примерно с 70-х гг. XX в. [1, с. 197]. Это было связано с тем, что в результате научно-технологических революций существенно изменились подходы к обеспечению экономической и информационной безопасности государств. Развитие постиндустриального общества усилило зависимость экономики конкретной страны от информационных технологий и привело в некоторых случаях к отставанию в конкурентной борьбе за рынки сбыта национальной продукции.

В современных условиях существенно осложнилась внешнеполитическая ситуация вокруг Республики Беларусь: это и технологическое эмбарго со стороны западноевропейских государств, и нескончаемые санкции в экономической сфере. Поэтому вопросы обеспечения технологического суверенитета государства как никогда актуальны.

Каждое государство стремится максимально обеспечить свой технологический суверенитет, так как именно это сегодня важнейший элемент устойчивого развития страны. Среди основополагающих принципов технологического суверенитета выделяют следующие:

- независимость от иностранных технологий;
- развитие собственных технологических решений;
- защита национальных интересов.

Национальная безопасность государства представляет собой многоуровневое явление, включающее, кроме всего прочего, и экономическую, и научно-техническую, и информационную безопасность. А технологический суверенитет как раз и направлен на активную защиту государственных интересов во всех этих сферах. В конечном итоге должна быть решена главная задача — обеспечение независимости в области технологий и защита национальных интересов от иностранного влияния.

В Республике Беларусь определено несколько направлений работы в этой сфере:

- дальнейшее развитие военно-промышленного комплекса и ориентирование на производство новейших образцов вооружений и военной техники;
- производство на территории страны необходимого объема электроэнергии (осуществлен уже официальный запуск первого блока Белорусской АЭС 7 ноября 2020 г.);
- обеспечение продовольственной безопасности. Сюда относятся обеспечение продовольствием населения своей страны и экспорт продовольственной продукции за рубеж;
- развитие медицинской отрасли путем внедрения в практическую деятельность современных медицинских технологий;
- создание и внедрение своих технологий в транспортную отрасль, пассажирский и грузовой транспорт (обеспечение логистической независимости).

Перспективным направлением обеспечения технологического суверенитета в республике является обладание высоким уровнем информационного развития и информационными технологиями, а также обладание технологиями в области создания средств производства. Сегодня в Беларуси уже есть собственное производство телевизоров («Горизонт», «Витязь»), стиральных машин («Атлант»), газовых плит («Гефест»); налажено производство ноутбуков. Все это говорит о том, что идет процесс поступательного развития и расширения номенклатуры выпускаемых товаров.

Для успешного претворения в жизнь поставленных задач необходима соответствующая нормативная правовая основа. Именно юридическая составляющая позволит определить границы «контроля» государства за данными процессами, а также предоставить возможность хозяйствующим субъектам не только обеспечивать внутренний рынок необходимыми товарами, но и составлять конкуренцию на внешнем рынке товаров и услуг. Выделим несколько, по нашему мнению, ключевых позиций в этом вопросе.

Международный уровень. Заключение международных соглашений по сотрудничеству в конкретных областях экономики позволяет не только развивать национальную промышленность, но и использовать собственные и иностранные инновационные разработки.

Республика Беларусь активно развивает международное научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами. В настоящее время взаимодействие в сфере науки и технологий осуществляется с более чем 50 странами мира [2]. Партнерами по различным направлениям сотрудничества являются предприятия Алжира, Италии, Сербии, Словакии, Узбекистана, Кубы, Монголии, Пакистана и др.

Следует отметить, что географическая удаленность никогда не была помехой в конструктивном диалоге между Республикой Беларусь и теми странами, которые готовы его выстраивать. В 2025 г. Беларусь активизировала внешнеполитическое и внешнеэкономическое сотрудничество со странами Азии и Африки. Государства данных регионов проявляют интерес к новейшим белорусским разработкам в области информационных технологий.

Сотрудничество «со странами дальней дуги» началось еще задолго до введения экономических и иных санкций со стороны западных государств в отношении Беларуси, однако санкции выступили своеобразным стимулом для поиска «новых точек» сотрудничества [3]. Например, Зимбабве и Вьетнам становятся активными партнерами Республики Беларусь. Это логично, так как Беларусь предлагает совершенно новый формат сотрудничества: равноправные и взаимовыгодные отношения, максимальное развитие торговли, сотрудничество в сфере информационных технологий.

В марте 2023 г. в Минске открылось посольство Зимбабве, а в апреле 2025 г. между двумя странами уже были подписаны два соглашения: о производстве, сборке и продаже автобусов в Зимбабве и контракт на поставку в эту страну белорусских машинокомплектов автобусов [3]. Сегодня Беларусь может предложить Зимбабве сотрудничество во внедрении современных технологий переработки отходов, цифровизации, мирном использовании атомной энергии, взаимодействии в освоении космоса и др. По результатам переговоров подписан пакет документов, в том числе дорожная карта стратегического сотрудничества и партнерства на 2026–2030 гг.

В мае 2025 г. в рамках переговоров Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко с Генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама То Ломом было подписано несколько документов, направленных в том числе на обеспечение технологического суверенитета государств:

- Совместное заявление об установлении стратегического партнерства между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам, в котором обозначены важнейшие приоритеты двустороннего сотрудничества на ближайшую и среднесрочную перспективу, что станет ориентиром для обеих сторон при формировании совместных планов и программ;
- Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере цифровой трансформации и цифровой экономики;
- Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций [4].

В целях активизации взаимодействия в научно-технической сфере принято решение провести в 2025 г. очередное заседание Совместной Белорусско-Вьетнамской комиссии по научно-техническому сотрудничеству, так как «вопрос обеспечения технологической безопасности и суверенитета является стратегически важным для всех без исключения государств» [5].

Сотрудничество в рамках Союзного государства. Обеспечение технологического суверенитета становится одной из главных задач, требующих решения, в том числе в рамках Союзного государства. Основным признаком сотрудничества России и Беларуси в данном контексте является объединение своих научных и технологических потенциалов. В современной geopolитической ситуации это особенно важно.

Одним из примеров взаимовыгодного сотрудничества является деятельность Агентства стратегических инициатив. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2011 г. № 1393-р была создана некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (далее — АСИ) [6]. Основной целью учреждения такой структуры было определено «содействие развитию социальной и профессиональной мобильности

молодых профессиональных кадров и коллективов в сфере предпринимательства путем поддержки общественно значимых проектов и инициатив».

Есть уже реальные примеры работы. В апреле 2025 г. АСИ представило модели технологического суверенитета, которые включают такие направления, как энергетика, критические технологии, космос и биотехнологии. По мнению генерального директора АСИ С. Чупшевой, эта модель, представленная главам Российской Федерации и Республики Беларусь, будет работать на суверенитет той страны, на территории которой будут реализовываться проекты [7].

В 2023 г. было подписано Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о научно-техническом и инновационном сотрудничестве [8]. Ключевым моментом выделено «взаимовыгодное сотрудничество в области науки, техники и инновационных технологий». Определены направления, в рамках которых будет осуществляться совместная деятельность: проведение научно-исследовательской деятельности по созданию уникальных технологий, новых материалов и способов обработки материалов; разработка и освоение новой техники и технологий, в том числе в области мирного использования атомной энергии, включая внедрение технологий диагностики и терапии в области ядерной медицины и др. [8].

29 января 2024 г. Высшим госсоветом Союзного государства было принято постановление «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года». Приоритетными направлениями по достижению технологического суверенитета определены: ядерные технологии; высокотехнологичная медицина; цифровые технологии; искусственный интеллект; культурное наследие и социогуманитарные исследования; противодействие социокультурным угрозам [9]. С российской стороны головной научной организацией по реализации Стратегии определен НИЦ «Курчатовский институт», а с белорусской — Национальная Академия наук Беларуси.

В 2024 г. в рамках работы XV Международного ИТ-форума (с участием членов БРИКС и ШОС) было подписано Соглашение о технологическом сотрудничестве между Автономным учреждением Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Югорский научно-исследовательский институт информационных технологий» (Россия) и Республиканским унитарным предприятием «Центр цифрового развития» (Беларусь). В рамках данного соглашения определены направления сотрудничества в области информационных и коммуникационных технологий, включая технологии кибербезопасности и телекоммуникаций, разработки и использование технологий искусственного интеллекта и т. д. [10].

В рамках Союзного государства разработаны различные программы и проекты, реализация которых направлена на дальнейшее обеспечение технологического суверенитета. Например, реализация программы «Разработка, модернизация и гармонизация нормативного, организационно-методического и аппаратно-программного обеспечения целевого применения космических систем дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) России и Беларуси» («Интеграция-СГ») позволит:

- создать стандарты, гармонизированные на международном уровне, для обеспечения создания и пользования продуктов обработки данных ДЗЗ в интересах потребителей Беларуси и России;
- подготовить организационно-методические документы в интересах совершенствования системы представления данных ДЗЗ и продуктов их обработки пользователям Беларуси и России [11].

Национальный уровень. 1 декабря 2023 г. было принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 855 «Об обеспечении технологического суверенитета». В понимании белорусского законодателя «технологический суверенитет — это способность Республики Беларусь располагать важными для обеспечения благосостояния населения и конкурентоспособности критическими технологиями (товарами), а также возможность их самостоятельно разрабатывать или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости» [12].

Достижение технологического суверенитета невозможно без эффективной научной деятельности. В Беларуси не только поддерживают отечественную науку, но и продвигают новые и перспективные направления в сфере сельского хозяйства, промышленности, медицины и т. д. В целях активизации инновационной деятельности во всех сферах экономики был составлен комплексный прогноз

научно-технического прогресса Беларуси на 2026–2030 гг. и на период до 2045 г. [13]. Этот значимый документ был разработан для 15 отраслей экономики и видов экономической деятельности, которые вносят решающий вклад в ВВП страны. Это и обрабатывающая промышленность, и агропромышленный комплекс, и другие направления. Сформирован перечень комплексных проектов для 22 видов экономической деятельности [14].

1 апреля 2025 г. глава белорусского государства подписал Указ № 135, которым утверждены приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности в стране на 2026–2030 гг. [15]. Целевое предназначение акта — обеспечение технологического суверенитета страны, консолидация научного, образовательного и производственного потенциала. К категории приоритетных отнесены такие сферы деятельности, которые наиболее перспективны и востребованы в современных условиях для государства и позволяют «в среднесрочной перспективе обеспечить актуальные результаты в наукоемких и высокотехнологичных секторах экономики, конкурентные преимущества и технологическую безопасность страны». Это: цифровые технологии и искусственный интеллект; инновационные технологии в промышленности; биологические и медицинские технологии; инновационные технологии в агропромышленном комплексе и пищевой промышленности; научное и научно-техническое обеспечение безопасности человека, общества и государства.

Таким образом, в настоящее время достижение технологического суверенитета является одним из базовых элементов обеспечения независимости государства. Республика Беларусь уже многое сделала в этом направлении. В марте 2023 г. А. Г. Лукашенко в рамках Послания белорусскому народу и Национальному собранию отметил, что «мы не должны зависеть от капризов западных политических элит, ограничивающих свободу цивилизационного бизнеса» [16].

Республика Беларусь стремится сформировать технологическую базу для своего устойчивого развития. Существующая geopolитическая реальность требует решения актуальных задач социально-экономического развития, одной из которых является обеспечение технологического суверенитета, как составляющей технологической независимости страны.

Ключевыми направлениями в решении поставленных задач, которые реализуются органами государственной власти Республики Беларусь, являются:

- создание необходимой нормативной правовой базы для обеспечения технологического суверенитета, совершенствование системы технологического прогнозирования и планирования;
- развитие национальной инновационной системы как механизма взаимодействия между наукой и реальным сектором экономики, что предполагает создание инновационно-промышленных кластеров и технологических платформ с участием учреждений науки, деятельность технологических парков, доведение инновационных проектов до стадии коммерциализации собственными силами [17].

Беларусь не только укрепляет, но и поднимает на новый уровень партнерские отношения с дружественными странами, которые являются не только потребителями продукции белорусского производства, но и выступают производителями отдельных видов товаров, необходимых белорусскому рынку (например, сотрудничество со странами Азии и Африки). В рамках Союзного государства развиваются производства, которые обеспечивают собственные критические потребности (например, оборонная промышленность, машиностроение). Тезис «Купляйце беларускае» используется для формирования «потребительского патриотизма» как одного из элементов национальной экономики.

Именно в данном контексте Республика Беларусь развивает и международное сотрудничество путем заключения, как правило, двусторонних соглашений и совершенствует свое национальное законодательство с учетом современных реалий и потребностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мамулян А.А., Мольков А.Н. Технологический суверенитет: определение, принципы, перспективы // Молодой ученый. 2024. № 23. С. 197–200.
2. Международное научно-техническое сотрудничество // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. 2025. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/science/international-cooperation> (дата обращения: 20.05.2025).

3. Менделева А. Беларусь наращивает внешнеполитическое и внешнеэкономическое сотрудничество в Азии и Африке // News. by. 2025. URL: <https://news. by/news/politika/belarus-naraschivaet-vneshnepoliticheskoe-i-vneshneekonomicheskoe-sotrudnichestvo-v-azii-i-afrike> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Беларусь и Вьетнам установили уровень стратегического партнерства // СБ. Беларусь сегодня. 2025. URL: <https://www.sb. by/articles/dlya-belarusi-vietnam-predstavlyaet-sereznoe-okno-vozmozhnostey-belyaev-o-polze-sotrudnichestva-mezhd.html> (дата обращения: 20.05.2025).
5. Переговоры с Генеральным секретарем ЦК Компартии Вьетнама То Ламом // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. 2025. URL: <https://president.gov. by/special/ru/events/peregovory-s-generalnym-sekretarem-ck-kompartii-vietnama-to-lamom> (дата обращения: 20.05.2025).
6. Об учреждении автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.08.2011 № 1393-р; в ред. распоряжения Правительства РФ от 10.11.2020 № 2926-р. URL: <https://asi. ru/upload/1393-%D1%80-upd3.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
7. Блинов М. АСИ представило модель технологического суверенитета для Беларуси // Sputnik. 2025. URL: <https://sputnik. by/20250428/asi-predstavilo-model-tehnologicheskogo-suvereniteta-dlya-belarusi-1095807004.html> (дата обращения: 20.05.2025).
8. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о научно-техническом и инновационном сотрудничестве от 27.03.2023. URL: <https://pravo. by/document/?guid=12551&p0=A02300002> (дата обращения: 20.05.2025).
9. О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года: Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29.01.2024 № 2. URL: <https://soyuz. by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-te> (дата обращения: 20.05.2025).
10. Подписание соглашения о технологическом сотрудничестве на Международном ИТ-Форуме. URL: <https://mpt.gov. by/ru/podpisanie-soglasheniya-o-tehnologicheskem-sotrudnichestve-na-mezhdunarodnom-it-forume> (дата обращения: 20.05.2025).
11. Ядерные разработки и космические программы. Как достигается технологический суверенитет Союзного государства // ИД. Беларусь сегодня. 2024. URL: <https://rg. ru/2024/11/18/rossiya-i-belarus-obediniaut-svoi-nauchnye-i-tehnologicheskie-potencialy.html> (дата обращения: 20.05.2025).
12. Об обеспечении технологического суверенитета : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 01.12.2023 № 885: в ред. Постановления от 05.10.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск, 2025.
13. Гаврилова В. Как изменятся белорусские технологии за ближайшие 20 лет // Право. by. 2024. URL: <https://pravo. by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/april/88529/> (дата обращения: 20.05.2025).
14. Шлычков С. Прогноз до 2045 года: как будут развиваться белорусская наука и технологии // ГКНТ, инновации, наука, комментарий. 2024. URL: https://www.gknt.gov. by/news/2024/prognoz-do_2045_goda_kak_budut_razvivatsya_beloruskaya_nauka_i_tekhnologii/ (дата обращения: 20.05.2025).
15. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 01.04.2025 № 135 // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. 2025. URL: <https://president.gov. by/ru/documents/ukaz-no-135-ot-1-aprela-2025-g> (дата обращения: 20.05.2025).
16. От импортозамещения к технологическому суверенитету // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. 2023. URL: <https://house.gov. by/ru/interview-ru/view/ot-importozameschenija-k-tehnologicheskemu-suverenitetu-10880/> (дата обращения: 20.05.2025).
17. Драгун Н., Бабина А. Беларусь движется по траектории построения интеллектуальной экономики // СБ. Беларусь сегодня. 2025. URL: <https://www.sb. by/articles/s-uglubleniem-tehnologiy.html> (дата обращения: 20.05.2025).

УДК 346.26:004.738.5
ББК 67.401.11с51

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

A. V. Телятицкий

Белорусский государственный экономический университет (Минск, Беларусь)

Рассматривается административно-правовой механизм как ключевой инструмент государственного регулирования интернет-предпринимательства в условиях цифровой трансформации экономики. Раскрывается его содержание через взаимодействие нормативной, институциональной и процедурно-функциональной составляющих, обеспечивающих устойчивость цифровой деловой среды. Проанализирована практика правоприменения в Республике Беларусь, выявлены проблемы фрагментарности законодательства, избыточных требований и дефицита адаптивности к новым формам цифровой деятельности. Описаны ключевые функции механизма и представлены зарубежные подходы к правовому регулированию. Сформулированы предложения по модернизации механизма: цифровизация процедур, кодификация законодательства, развитие саморегулирования и риск-ориентированного надзора. Сделан вывод о необходимости сбалансированной и гибкой модели правового сопровождения цифрового предпринимательства как фактора инновационного роста.

Ключевые слова: интернет-предпринимательство, цифровая экономика, административно-правовой механизм, государственное регулирование, электронная коммерция, правовая трансформация, административные барьеры, цифровизация, правоприменение, регуляторная политика

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISM AS A TOOL FOR FORMING A STABLE ENVIRONMENT FOR INTERNET ENTREPRENEURSHIP

A. V. Telyatitsky

Belarus State Economic University (Minsk, Belarus)

The article examines the administrative and legal mechanism as a key instrument of state regulation of internet entrepreneurship in the context of digital economic transformation. Its structure is revealed through the interaction of normative, institutional, and procedural-functional components that ensure the stability of the digital business environment. The law enforcement practice in the Republic of Belarus is analyzed, highlighting issues such as fragmented legislation, excessive regulatory requirements, and insufficient adaptability to emerging forms of digital activity. The core functions of the mechanism are described, and foreign approaches to legal regulation are reviewed. Proposals are formulated for modernizing the mechanism, including the digitalization of procedures, codification of legislation, development of self-regulation, and implementation of risk-based oversight. The study concludes that a balanced and flexible legal framework is essential to support digital entrepreneurship as a driver of innovative growth.

Keywords: internet entrepreneurship, digital economy, administrative and legal mechanism, state regulation, e-commerce, legal transformation, administrative barriers, digitalization, law enforcement, regulatory policy

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.22](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.22)

Cовременное развитие информационного общества сопровождается глубокой трансформацией экономических отношений, вызванной интеграцией цифровых технологий в традиционные сферы бизнеса [1, с. 11].

«Динамичное развитие общественных отношений, происходящие на внутреннем и на внешнем контуре политические и иные процессы требуют принятия государственными органами оперативных и выверенных решений» [2, с. 20]. В условиях Республики Беларусь устойчивое развитие интернет-предпринимательства приобретает стратегическое значение для обеспечения экономической динамики, привлечения инвестиций и интеграции в глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

Государственное регулирование данного сегмента осуществляется преимущественно посредством административно-правового механизма, в рамках которого формируются обязательные правовые предписания, устанавливающие параметры допустимого поведения, а также реализуется надзор и административное воздействие в целях соблюдения нормативных требований.

Принятие Декрета Президента от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» позволило легализовать отдельные цифровые технологии (смарт-контракты, токены), предоставить налоговые льготы и сформировать особый режим для резидентов парка высоких технологий (ПВТ). Согласно официальным данным, экспорт резидентов ПВТ в 2023 г. составил около 1,8 млрд долларов США. Сектор оказался устойчивым и адаптивным к внутренним и внешним вызовам [3].

Однако одновременно с успехами практическая реализация административного регулирования в ряде случаев характеризуется избыточной нормативной нагрузкой, наличием процедурных барьеров и неустойчивостью правоприменительной практики. Ярким индикатором нерешенных проблем в этой сфере является наличие масштабного неформального сектора интернет-торговли. Согласно данным Министерства по налогам и сборам, только в 2023 г. было выявлено более 120 случаев осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации через мессенджеры и социальные сети [4]. Подобная ситуация не только свидетельствует о недостаточной эффективности административных мер легализации, но и указывает на необходимость системной модернизации правового инструментария государства в условиях цифровой экономики.

Таким образом, исследование административно-правового механизма как ключевого инструмента государственного воздействия на сферу интернет-предпринимательства представляется актуальным с точки зрения как научного осмысливания правовой природы данного института, так и прикладной значимости выработки направлений оптимизации законодательства Республики Беларусь.

Категория *административно-правовой механизм* — это «система административно-правовых средств, при помощи которых осуществляется последовательное юридическое воздействие на общественные отношения, возникающие в административно-публичной сфере, в целях их правового урегулирования, правовой охраны и защиты» [5, с. 99].

В условиях цифровизации экономики административно-правовой механизм обеспечивает правовое оформление и стабилизацию правил функционирования интернет-бизнеса, включая вопросы допуска к экономической деятельности, надзора за ее осуществлением, обеспечения равных условий конкуренции, защиты потребителей и интересов государства. Он задает параметры допустимого поведения и устанавливает систему взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности с публичной властью [6, с. 8–10].

Административно-правовой механизм включает нормативную (правовые нормы и источники), институциональную (органы регистрации, лицензирования и надзора) и процедурно-функциональную (регистрация, лицензирование, учет, надзор) подсистемы.

Только при наличии функционального баланса между этими подсистемами и реализуемыми административными процедурами возможно достижение высокой степени устойчивости и результативности правового регулирования. Как справедливо отмечается в научной литературе, «эффективность функционирования механизма обеспечивается устойчивым взаимодействием правоустановительной (нормотворческой) и правоприменительной составляющих при обязательном участии контролирующего звена, которое обеспечивает обратную связь и механизм коррекции нарушений» [7, с. 42–43].

Наличие стабильных и исполнимых правил и эффективного механизма является условием формирования благоприятной предпринимательской среды. Особенно чувствительны к качеству государственного регулирования субъекты инновационной экономики, включая интернет-компании и технологические стартапы, деятельность которых осуществляется в условиях высокой конкуренции и глобальной мобильности капитала и идей. При наличии чрезмерных регуляторных ограничений, несогласованности административных процедур и правовой неопределенности предприниматели

стремятся либо к уходу в неформальный сектор, либо к релокации в более предсказуемые юрисдикции. В то же время полное отсутствие контроля и слабость публичного правоприменения могут провоцировать рост правонарушений, мошенничества, снижение доверия потребителей и падение легитимности цифрового рынка [8, с. 1064].

Оптимально сконструированный административно-правовой механизм позволяет обеспечить такой режим регулирования, при котором:

- субъекты интернет-предпринимательства получают упрощенный доступ к регистрации и началу хозяйственной деятельности, без необоснованной волокиты и избыточных процедурных барьеров;
- действующие бизнес-структуры функционируют в условиях справедливой конкуренции, не испытывая давления со стороны нелегальных или теневых участников, демпингующих цены за счет уклонения от налогов и нормативных обязательств;
- потребители онлайн-услуг располагают эффективными правовыми средствами защиты, что способствует укреплению доверия к электронной коммерции как устойчивому институту;
- правовая регламентация ведения бизнеса отличается стабильностью и прозрачностью, а в случае внесения изменений органы публичной власти обеспечивают своевременное информирование и предусмотрительный переходный период для адаптации предпринимательского сообщества.

Сравнительно-правовой анализ международных моделей административно-правового регулирования интернет-предпринимательства позволяет как обосновать общие закономерности, так и выявить риски избыточного или неэффективного регулирования. Так, в Российской Федерации наблюдается амбивалентная ситуация: наряду с либерализацией отдельных направлений (введение статуса самозанятых, запуск экспериментальных правовых режимов — regulatory sandboxes) осуществляется ужесточение контроля в рамках концепции «суверенного интернета». Подобная разнонаправленность затрудняет формирование устойчивых ожиданий у предпринимателей и международных партнеров. При этом в ряде случаев чрезмерная нормативная нагрузка и отсутствие гибких механизмов адаптации критикуется как фактор, сдерживающий рост национальных цифровых платформ [9].

В странах Европейского союза сложился уникальный наднациональный режим правового регулирования цифровой экономики, основанный на принципах гармонизации, транспарентности и приоритета общественных интересов. Регламент GDPR по защите персональных данных стал моделью, воспроизведенной во многих юрисдикциях, а принятые в 2022–2023 гг. правовые акты — Регламент о цифровых услугах (DSA) и Регламент о цифровых рынках (DMA) — инициировали формирование новой парадигмы цифрового регулирования. Главным направлением этих актов стало установление обязательств для крупных цифровых платформ (gatekeepers) по обеспечению доступа МСП, защите пользователей и честной конкуренции.

Отдельный интерес представляет правовая модель Республики Казахстан, развивавшаяся в последние годы под влиянием стратегической программы «Цифровой Казахстан». Одной из отличительных черт казахстанского подхода стало целенаправленное устранение процедурных барьеров и переход к модели полного цифрового сопровождения жизненного цикла предпринимательской деятельности. Благодаря высокому уровню развития электронных государственных сервисов (портал eGov.kz, автоматизация взаимодействия с налоговыми и регистрационными органами) срок регистрации бизнеса сведен к нескольким часам, а контакт с чиновниками минимизирован. Казахстан, находясь в схожем с Беларусью правовом контексте, продемонстрировал потенциал административно-правовой либерализации как инструмента повышения международной конкурентоспособности [10].

Для Республики Беларусь интересен опыт ЕС в части нормативной детализации, процедурной предсказуемости и развития механизмов защиты прав субъектов цифрового рынка. Принципы пропорциональности, транспарентности и правовой определенности, положенные в основу DSA/DMA, могут быть адаптированы к национальным реалиям при разработке нового законодательства об электронной коммерции. Вместе с тем чрезмерная регламентация, присущая европейскому подходу, несет риски избыточного давления на развивающийся бизнес. Поэтому целесообразным видится поиск баланса между детализированным регулированием и необходимой степенью свободы для цифровых инициатив.

Анализ действующей системы административно-правового регулирования в сфере интернет-предпринимательства в Республике Беларусь позволяет выделить ряд проблем, препятствующих формированию предсказуемой и стабильной среды для цифрового бизнеса.

К числу системных препятствий следует отнести прежде всего избыточные административные барьеры и сохранение устаревших процедур. Несмотря на провозглашенную ориентацию на либерализацию, в отдельных аспектах нормативно-административный режим по-прежнему носит обременительный характер для субъектов малого и среднего бизнеса (неоднородность требований со стороны различных государственных органов, непропорциональность административной ответственности по отношению к масштабу нарушений, ограничения на ассортимент реализуемых через интернет товаров и форматы онлайн-платежей, сохраняющаяся зависимость от «оффлайновых» процедур и др.).

При этом проблема административных барьеров признается на уровне государственной политики. Так, в Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» была поставлена задача пересмотра и актуализации нормативных требований, тормозящих развитие бизнеса. Однако на практике реализация этих установок идет неравномерно. Ряд устаревших требований (например, бумажные книги замечаний и использование печатей) сохранялись до недавнего времени, несмотря на цифровизацию.

Другой значимой проблемой являются пробелы в правовом регулировании, обусловленные строительным развитием цифровых технологий, опережающим нормативную реакцию государства. До 2021 г. в Республике Беларусь отсутствовал специальный закон о персональных данных — несмотря на то что работа с информацией о потребителях и пользователях является ключевым элементом функционирования интернет-бизнеса. Закон «О защите персональных данных» от 07 мая 2021 г. № 99-З восполнил данный пробел, однако на практике до сих пор отсутствует устоявшаяся практика его применения.

Фрагментарность правового регулирования наблюдается и в других направлениях. Так, Декрет Президента от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» легализовал операции с токенами, но только для резидентов Парка высоких технологий, в то время как «технология блокчейн активно развивается, а инвестиции в криптоиндустрию продолжают расти» [11, с. 7]. Отсутствует специальное регулирование краудфандинга: при текущем правовом статусе он квалифицируется либо как дарение, либо как предоплата, что не позволяет учитывать интересы всех сторон и обеспечить прозрачность операций. В то время как в Российской Федерации и Республике Казахстан действуют законы о краудфандинге, а в ЕС вступил в силу единый Регламент о европейском краудфандинговом сервисе для предпринимателей (Regulation (EU) 2020/1503), белорусская правовая система в этом аспекте отстает от международных стандартов [12].

Неурегулированной остается и специфика B2B электронной коммерции, в частности — вопросы квалификации сделок между юридическими лицами, совершаемых в онлайн-форме. Использование электронной цифровой подписи (ЭЦП) значительно упростило документооборот, однако правовые аспекты применения смарт-контрактов и других автоматизированных инструментов исполнения обязательств пока не получили полноценной нормативной регламентации.

Особую озабоченность вызывает отсутствие правового института ограниченной ответственности интернет-платформ. Согласно Закону Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» фактически любая интернет-площадка, допускающая публикацию пользовательского контента, может быть признана СМИ, если не зарегистрирована в установленном порядке. Владельцы ресурсов вынуждены отключать комментарии или нести затраты на модерацию. Между тем в европейском праве реализован принцип «безопасной гавани» (Safe Harbour), согласно которому платформа освобождается от ответственности за размещаемый контент при условии оперативного реагирования на уведомления о его противоправности (notice-and-takedown) [12].

Дополнительной проблемой является наличие коллизий в нормативно-правовом массиве. Среди наиболее распространенных — противоречия между подзаконными актами одинаковой юридической силы, в том числе постановлениями Совета Министров и нормативными документами отдельных министерств. В таких случаях может возникать двойственное регулирование одного и того же вопроса (например, различная трактовка обязанностей интернет-продавцов по раскрытию инфор-

мации или по срокам хранения данных). Подобные расхождения обусловлены отсутствием должной межведомственной координации на стадии подготовки правовых актов.

Существуют и потенциальные противоречия национального законодательства с международными обязательствами Республики Беларусь. В качестве члена Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Беларусь участвует в согласовании подходов к трансграничной электронной торговле. В случае принятия единых наднациональных норм, может возникнуть необходимость срочной гармонизации национального законодательства. В переходный период подобное несоответствие способно создавать правовую неопределенность для субъектов бизнеса.

Обобщенной характеристикой текущей ситуации можно считать отсутствие в национальной системе единого, кодифицированного нормативного акта, системно регулирующего цифровую экономику или, по крайней мере, электронную коммерцию. Вопрос о необходимости отдельного закона об электронной коммерции остается предметом научной и практической дискуссии, однако в условиях существующей фрагментарности регулирования (содержательного рассеивания норм по различным законам, указам, подзаконным актам) такая ситуация снижает доступность правовых предписаний и увеличивает риск ошибок в правоприменении. Как отмечается в научной литературе, необходимым является учет специфики цифрового предпринимательства при формировании правового режима и разработка комплексных рекомендаций, ориентированных на инновационную и трансграничную природу таких отношений [13].

С учетом выявленных проблем и анализа зарубежной практики актуальной задачей государственной политики в сфере цифровой экономики становится модернизация административно-правового механизма регулирования интернет-предпринимательства в Республике Беларусь.

Онлайн-регистрация, электронная идентификация и автоматизация действий должны стать стандартом для допуска к бизнесу. Ключевым элементом станет единый электронный кабинет предпринимателя, объединяющий взаимодействие с налоговыми, разрешительными и контрольными органами. В низкорисковых сферах возможно внедрение уведомительного порядка и автоматического одобрения заявок при отсутствии решения в установленный срок. Цифровизация должна охватить и трансграничную деятельность: ослабление валютного контроля, признание электронных договоров и применение принципа экстерриториальности. Для поддержки инноваций целесообразно создать регуляторные песочницы — временные правовые режимы для стартапов, освобожденные от части требований под контролем государства.

Важной задачей выступает обновление и систематизация нормативной базы, включая разработку комплексного закона о цифровой экономике или хотя бы об электронной коммерции. Такой акт должен закрепить ключевые дефиниции, принципы функционирования онлайн-рынков, нормы прозрачности, добросовестной конкуренции и защиты потребителей, а также делегировать правительству право оперативно реагировать на технологические изменения. Подзаконные акты необходимо уточнить в части регулирования цифровых платформ, маркетплейсов, дропшиппинга и агрегаторов. Следует нормативно признать смарт-контракты, расширить понятия в области платежей и адаптировать правила для цифровых посредников. Законодательство требует гармонизации с актами ЕАЭС (Концепция трансграничной торговли, единые стандарты, операторы электронной торговли). В налоговой сфере уместны льготные режимы и упрощенный НДС-учет для малого бизнеса. Поддержка саморегулирования может включать признание профессиональных объединений, разработку ими стандартов и получение ими государственной помощи. Для интернет-платформ актуальны нормы по примеру DSA с разграничением ответственности и механизмом «оперативного удаления», что обеспечит правовую защиту и развитие национальных сервисов.

Контроль и надзор должны трансформироваться от карательной модели к риско-ориентированному и сервисному подходу. Плановые проверки должны зависеть от степени риска, определяемой по формализованным критериям: объем оборота, характер деятельности, частота жалоб. Эффективность надзора следует оценивать не по числу санкций, а по профилактике нарушений и росту добровольного соблюдения. Законодательство должно предусматривать предупреждения за первичные и незначительные проступки, особенно для малого бизнеса, способствуя формированию доверия к государству. Важна прозрачность: публикация разъяснений, участие предпринимателей в разработке проверочных листов, консультации. Использование цифровых технологий позволит перейти к це-

левому контролю: автоматизированный анализ данных, профили риска, ИИ для выявления отклонений. Это повысит эффективность и снизит нагрузку на органы. Параллельно необходимо усилить защиту бизнеса от злоупотреблений: ввести компенсацию ущерба и персональную ответственность контролеров. Общественный надзор может включать «тайного покупателя», независимые рейтинги и знаки доверия, подтверждающие соблюдение цифровой этики.

Наконец, административно-правовой механизм должен служить инструментом развития, стимулируя и поддерживая интернет-бизнес. Государство может внедрять льготные режимы, включая расширение условий ПВТ и аналогичные меры для электронной коммерции и финтех. Это усилит позиции белорусских платформ и привлечет инвестиции. Важной формой поддержки является развитие инфраструктуры: сети постаматов, адресные реестры, дешевый интернет-эквайринг и фулфилмент-центры для малого бизнеса. Также необходимы программы финансирования и консультирования стартапов, создание при госорганах экспертных советов, образовательные инициативы по правовым и цифровым аспектам бизнеса. Формирование кластеров электронной коммерции в городах, представление преференций и единого окна обслуживания резидентов станет шагом к институционализации цифрового предпринимательства.

Таким образом, исследование подтвердило, что эффективный административно-правовой механизм обеспечивает устойчивую правовую среду. Для этого необходима модернизация: цифровизация процедур, риско-ориентированный надзор и развитие саморегулирования.

Создание устойчивой интернет-среды требует не только правовых и институциональных реформ, но и развития партнерства государства, бизнеса и общества. Важны открытость и диалог. Только системный подход, сочетающий контроль, стимулирование и цифровые технологии, обеспечит рост цифрового сектора и укрепит позиции Беларуси в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Володькин А. С. Интернет как сфера предпринимательства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. 26 с.
2. Коваленко Е. И. Совершенствование сферы юстиции в контексте развития общества и государства // Правовая политика, наука, практика 2024 : сб. матер. Респ. науч.-практ. конф., Минск, 10 окт. 2024 г. Минск : НЦЗПИ, 2024. С. 20–28.
3. ИТ-сектор вырос на заказах в Беларуси // Infobank. by. 2025. 11 апр. URL: <https://ibmedia.by/news/it-sektor-vyros-na-zakazah-v-belarusi> (дата обращения: 26.05.2025).
4. Незарегистрированная предпринимательская деятельность в социальной сети и мессенджерах // Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. 2024. 25 янв. URL: <https://nalog.gov.by/news/21720/> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права. М. : КНОРУС, 2025. 320 с.
6. Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.
7. Щитова Н. В. Особенности структурного наполнения и функционирования административно-правового механизма обеспечения законности в природоохранной сфере // Юридический мир. 2024. № 3. С. 42–46.
8. Невмывако В. П. Экономическая безопасность цифрового предпринимательства: трансформация векторов и подходов // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 3. С. 1063–1076.
9. Schneider H. The EU's Digital Lag // GIS Reports. 2023. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/eu-digital-regulations/>
10. Басшиева Ж. К. Цифровая экономика в Республике Казахстан // Вестник НАН РК. Сер.: Экономика. 2023. № 5.
11. Обеспечение прав инвесторов в условиях цифровизации экономики: опыт стран Европы и Азии : моногр. / под общ. ред. В. С. Белых, А. П. Алексеенко. М. : Проспект, 2021. 128 с.
12. Regulation (EU) 2020/1503 of the European Parliament and of the Council of 7 October 2020 on European crowdfunding service providers for business. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/1503/oj/eng>
13. Жарова А. К. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : моногр. М. : Юркомпания, 2014. 440 с.

ОБЗОРЫ

УДК 34:92
ББК 67.05д

КОММУНИКАТИВНОСТЬ В ЦИВИЛИСТИКЕ – ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА (К ЮБИЛЕЮ Т. А. ФИЛИППОВОЙ)

B. B. Сорокин

Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Статья рассказывает о цивилисте, который посвятил всю свою жизнь Алтайскому государственному университету, высшему юридическому образованию на Алтае, преподаванию гражданского права для студентов-юристов. Татьяна Аркадьевна Филиппова 25 лет руководит кафедрой гражданского права АлтГУ. В ее профессиональном багаже многолетняя педагогическая и общественная деятельность. Студенты разных поколений чтут ее преподавательское мастерство, а коллеги уважают коммуникативный талант.

Ключевые слова: цивилистика, гражданское право, высшее юридическое образование, наставничество

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.23](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.23)

Татьяна Аркадьевна Филиппова родилась 1 декабря 1955 г. в Барнауле. После окончания средней школы в 1973 г. поступила на юридический факультет открывшегося в этом году Алтайского государственного университета.

В 1978 г. окончила этот факультет, получив диплом с отличием.

После окончания вуза некоторое время работала в качестве юрисконсульта, но уже в феврале 1980 г. была приглашена на работу на кафедру гражданского права и процесса АлтГУ на должность ассистента.

С этого времени трудовая деятельность Т.А. Филипповой связана с вузом, выпускницей которого она является.

В 1983 г. была направлена в целевую аспирантуру Свердловского юридического института, которую окончила, защитив в 1986 г. кандидатскую диссертацию на тему «Гражданско-правовое регулирование личного подсобного хозяйства».

После окончания аспирантуры продолжила работу на кафедре, занимая должности ассистента, старшего преподавателя, доцента. В октябре 1992 г. ей присвоено ученое звание доцента. В 2000 г. Т.А. Филиппова назначена исполняющим обязанности заведующего кафедрой гражданского права, которая была создана в результате разделения кафедры гражданского права и процесса на две самостоятельные кафедры.

В 2002 г. была избрана заведующим этой кафедрой и в этой должности работает по настоящее время. Кафедра под ее руководством стала выпускающей ведущей кафедрой факультета, на которой осуществляется подготовка специалистов и бакалавров в гражданско-правовой сфере, нуждающейся в обеспечении квалифицированными кадрами. Выпускники Т.А. Филипповой востребованы в Южно-Сибирском регионе и занимают ключевые должности в различных сферах юридической деятельности. Под ее руководством кафедра выступает самостоятельным научно-образовательным структурным подразделением института, объединяющим специалистов, ведущих одновременно педагогическую, методическую, научно-исследовательскую работу по тесно связанным между собой научным направлениям и учебным дисциплинам, и имеет свою научную школу.

По инициативе Т.А. Филипповой на кафедре ежегодно проводятся «Цивилистические чтения», посвященные памяти доцента Г.В. Мищенко, который был первым заведующим кафедрой гражданского права и процесса АлтГУ. С участием представителей других вузов, государственных органов и организаций обсуждаются актуальные вопросы цивилистики. Проведение «Цивилистических чтений» стало своеобразным брендом кафедры, известным за пределами университета.

Т.А. Филиппова — ветеран труда АлтГУ, заслуженный работник АлтГУ. Имеет государственные награды и награды Алтайского края. В 2012 г. ей присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы РФ», в 2003 г. она отмечена Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации, в 2016 г. награждена медалью Алтайского края «За заслуги в труде». В 2018 г. награждена Почетной грамотой Правительства Алтайского края, в 2021 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Алтайского края». Имеет нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», присвоенный в 2008 г.

В разные годы ей вручали Благодарности постоянный комитет Алтайского краевого Законодательного Собрания по правовой политике (2009), Благодарственное письмо — Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю (2023). Имеет Почетные грамоты Алтайской краевой нотариальной палаты (2023), Судейского сообщества Алтайского края.

Т.А. Филиппова входит в состав ученого совета Юридического института. На протяжении ряда лет является членом квалификационной коллегии судей Алтайского края, участвовала в работе экзаменационной комиссии по приему экзамена у кандидатов в судьи. Эта деятельность Т.А. Филипповой была отмечена благодарственными письмами судейского сообщества Алтайского края и Благодарностью Верховного Суда Республики Алтай.

При ее участии формировалась система третейских судов Алтайского края: Т.А. Филиппова была председателем третейского суда при Торгово-промышленной палате Алтайского края, Арбитром территориальной коллегии Отделения Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей в г. Новосибирске, третейским судьей третейского суда в г. Барнауле.

В составе рабочей группы, сформированной Администрацией Алтайского края, занималась разработкой законопроекта «Об особо значимых аграрных территориях», который получил одобрение комитетов Государственной Думы. По запросам краевого Законодательного Собрания неоднократно готовила заключения на проекты федеральных законов, которые служили основой для законодатель-

ных предложений. По запросам краевого Законодательного Собрания неоднократно готовила заключения на проекты федеральных законов и законов Алтайского края, среди них «О внесении изменений в Жилищный кодекс РФ», «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств» и др. Подобные заключения были подготовлены и по запросам отдельных депутатов. В 2004 г. ей было вручено Благодарственное письмо Алтайского краевого Совета народных депутатов, а в 2019 г. Т. А. Филипповой была вручена Благодарность постоянного комитета Алтайского краевого Законодательного Собрания по правовой политике.

Большое внимание Т.А. Филиппова уделяет развитию международных отношений. Так, она неоднократно принимала участие в коллоквиумах, посвященных рецепции римского частного права, по приглашению Римского университета «La Сapienza», прошла стажировку в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан), принимает участие в организации международных конференций.

Шесть аспирантов Татьяны Аркадьевны защитили кандидатские диссертации. Неоднократно Т.А. Филиппова выступала официальным оппонентом при защите диссертаций в разных диссертационных советах, рецензировала монографии, публиковавшиеся в ведущих издательствах страны. Является одним из ответственных редакторов сборников научных статей и материалов конференций.

Тесное сотрудничество связывает Т.А. Филиппову, как заведующего кафедрой, с нотариальным сообществом Алтайского края, в рамках которого она и другие члены кафедры дают заключения по запросам нотариусов по сложным вопросам правоприменения, участвует в проводимых нотариальной палатой научно-практических совещаниях, повышении квалификации нотариусов и подготовке специалистов для нотариальной деятельности.

Она принимает активное участие в программах повышения квалификации для предпринимателей, мировых судей, адвокатов и других категорий слушателей.

Особое внимание Т.А. Филиппова уделяет привлечению студентов и аспирантов к активной научно-исследовательской деятельности. Под ее руководством ведется организационная работа по подготовке секций гражданского права на ежегодных студенческих конференциях. Ученики Татьяны Аркадьевны отмечались по результатам исследований именными стипендиями, наградами и дипломами всероссийских и региональных научных конкурсов и олимпиад.

Будучи квалифицированным организатором методической работы, она применяет оригинальные методики и приемы преподавания, внедряет мультимедийные технологии в учебный процесс, использует современные технологии в обучении и готовит учебно-методические материалы.

Т.А. Филиппова активно занимается профориентационной работой по набору абитуриентов в Юридический институт: активно участвует в днях открытых дверей, проводимых институтом, проводит индивидуальные встречи со студентами по поступлению в магистратуру, в течение ряда лет участвовала в работе Краевой олимпиады школьников по обществоведению, а в настоящее время — Региональной олимпиады школьников по праву, являясь в ней в течение ряда лет председателем жюри, участвует в проведении Толстовской олимпиады по праву.

Юридический институт АлтГУ подготовил биографическую книгу «Имена юридического образования на Алтае» к юбилею Т.А. Филипповой, человека, который посвятил всю свою жизнь Алтайскому государственному университету, высшему юридическому образованию на Алтае, преподаванию цивилистики для студентов-юристов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 50 лет высшему юридическому образованию на Алтае / под ред. В. В. Сорокина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013.
2. Юридический институт в лицах / под ред. Е. С. Аничкина, В. В. Сорокина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абушахмин Артур Фоатович, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: obep056@yandex.ru.

Агибалова Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград, Россия). E-mail: agibalovaen76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3920-3561>, SPIN-код: 7872-2883, AuthorID: 552380.

Аничкин Евгений Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: rrd231@rambler.ru.

Беседина Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: Katrim.prinz@yandex.ru.

Богустов Андрей Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Гродно, Беларусь). E-mail: bogustov_aa@grsu.by, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6557-1494>.

Довбуш Тимофей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: superadvocat812@gmail.com.

Егорова Эвелина Андреевна, адъюнкт Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород, Россия). E-mail: Ewelina2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6554-3341>

Зубрик Диана Антоновна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь). E-mail: dianazubrik@mail.ru

Каменская Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: kamelenava2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-0708>.

Караева Анжела Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: angela77735@mail.ru

Кузнецова Екатерина Михайловна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.ku2netsova2311@yandex.ru.

Левченков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Луганского филиала Воронежского института МВД РФ (Луганск, Россия). E-mail: kolundaev94@mail.ru

Мазуров Валерий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: mazurov50@list.ru

Мисаревич Наталия Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Гродно, Беларусь). E-mail: nvmis@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8034-8951>.

Порохов Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: more03@inbox.ru.

Ряховская Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: dnights@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1454-0182.

Сексте Янис Артурович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gpdrpa@yandex.ru.

Сергеева Анжелика Анатольевна, кандидат юридических наук, зам. директора по учебной и воспитательной работе Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: anzh-sergeeva@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6792-6372.

Сорокин Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: sorokin.v.v@yandex.ru.

Стародубцева Мария Александровна, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: starodubzewa@gmail.com.

Телятицкая Татьяна Валерьевна, кандидат юридических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь). E-mail: tvt@tut.by, ORCID: 0000-0001-7881-7246.

Телятицкий Андрей Викторович, аспирант кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь). E-mail: tv@tut.by.

Титаренко Мария Викторовна, старший преподаватель кафедры теоретико-исторических и государственно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал (Барнаул, Россия). E-mail: titarenko-mv@ranepa.ru.

Филипенко Татьяна Вячеславовна, доктор наук по государственному управлению, профессор, ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем экономической безопасности Института экономических исследований (Донецк, Россия). E-mail: tatyana.filipenko@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9870-0889>.

Филиппова Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного права Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: filippova@mail.ru.

Фицай Дарья Александровна, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН РФ (Улан-Удэ, Россия). E-mail: dar.vysotzckaya2010@yandex.ru.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

1. Статья может быть написана на русском или английском языках. Объем публикаций не должен превышать 25000 знаков с пробелами, включая библиографический список, сведения об авторах, таблицы и иллюстрации. Названия файлов указываются по фамилии автора (например: Иванов1, Иванов2). Используемый текстовый редактор: WORD, одна из последних версий, с сохранением в формате doc, docx.

2. Структура статьи:

- индексы УДК и ББК, которые проставляются в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
- название статьи;
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (*например: И.И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*);
- аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1500 знаков без пробелов), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
- название статьи на английском языке;
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (*например: I.I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia)*);
- аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов), ключевые слова к публикации на английском языке (от 5 до 10 слов);
- собственно текст статьи;
- библиографический список; таблицы с заголовками;
- рисунки с подписями;
- сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, должность, место работы, электронный адрес). Для редакционной коллегии телефон для связи, адрес с указанием почтового индекса.

3. Рекомендуются параметры: шрифт Таймс (Times New Roman), размер № 14, через 1,5 интервала. Страницы должны иметь поля: верхнее, нижнее, левое, правое — по 2 см. Все страницы должны быть пронумерованы.

- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, но без абзацных отступов;
- без переносов.

Все таблицы должны иметь заголовки.

При использовании в тексте сокращений, кроме общепринятых, необходимо давать их расшифровку (в тексте или в примечаниях).

4. Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах, дающих полное представление о современном состоянии исследований в данной области. Доля самоцитирования, ссылок на одного и того же автора и на один и тот же журнал не должна превышать 25%. Оформляется библиографический список по ГОСТу Р 7.0.5–2008.

5. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (структурного подразделения научной организации). Для авторов — докторов наук рекомендации не требуется;
- письмо-согласие с заверенной по месту работы подписью (подписями) автора (авторов) статьи.

Рецензия от авторов не требуется. Журнал проводит собственное рецензирование.

6. Авторам статей гонорар не начисляется. Плата за опубликование статей не взимается.

7. К печати принимаются оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся материалы при условии положительных результатов независимой экспертизы. Приветствуется информирование и привлечение Ваших коллег из других вузов.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо высыпать (с рекомендацией и письмом-согласием с заверенными подписями всех авторов) на адрес электронной почты: rrd231@rambler.ru либо на адрес academnauka@rambler.ru

Научное издание

РОССИЙСКО-АЗИАТСКИЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2025 • № 4

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (№ 2444)

Редактор Н.Ю. Ляшко
Подготовка оригинал-макета: О. В. Майер

Подписано к использованию 12.12.2025.
Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 16,7.

Типография Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66